

R 30383
4

საქართველოს
ბიბლიოთეკა

Дж. М. Кейнс

**ПЕРЕСМОТР
МИРНОГО ДОГОВОРА**

**— ПРОДОЛЖЕНИЕ КНИГИ —
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
ВЕРСАЛЬСКОГО МИРНОГО ДОГОВОРА**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА - 1922**

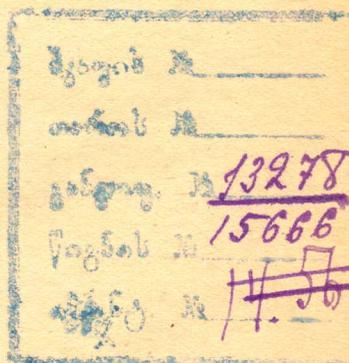
Джон Майнард КЕЙНС

ПЕРЕСМОТР МИРНОГО ДОГОВОРА

ПРОДОЛЖЕНИЕ КНИГИ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
ВЕРСАЛЬСКОГО МИРНОГО ДОГОВОРА

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
Д. П. КОНЧАЛОВСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА □ □ □ □ □ □ 1922.

Красноярский медицинский институт

52

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Экономические последствия Версальского мирного договора, выпущенные мною в свет в декабре 1919 года, от времени до времени выходили новым изданием без изменений и исправлений. С тех пор у нас накопилось столько нового материала, что новое, просмотренное издание этой книги не достигло бы цели. Поэтому я предпочел оставить ее в прежнем виде, а в этой новой книге, служащей ее *Продолжением*, собрать все исправления и добавления, которые необходимо сделать ввиду появления новых фактов. В то же время она содержит мои размышления по поводу этих фактов.

Впрочем, эта книга не выходит из точных пределов ее задачи—служить *Продолжением* первой; более того, ее можно бы назвать по-просту Приложением. По основному вопросу мне почти нечего сказать сверх уже сказанного мною раньше. Те средства для восстановления Европы, которые я предлагал в свое время, теперь стали отчасти общим местом, которое повторяют многие; я не могу прибавить к ним что-либо особенно существенное. Моя цель строго ограничена: я имею в виду собрать факты и материалы для рационального обсуждения проблемы репараций, как она ставится в настоящее время.

«Как хорошо,—говорил Клемансо о своей сосновой роще в Вандее,—как хорошо, что здесь нет ни малейшей вероятности повстречаться с Вильсоном или Ллойд Джорджем. Здесь видишь только белок на ветвях деревьев». Мне бы хотелось, чтобы то же самое можно было сказать и о моей книге.

Дж. М. Кейнс.

King's College, Кэмбридж.
Декабрь 1921 г.

Г Л А В А I.

Общественное мнение.

Современные политики в своей деятельности сознательно следуют такому методу: в угоду публике они принуждены говорить не мало глупостей, однако они претворяют их в действия лишь настолько, насколько это согласуется с их речами в надежде, что глупости в поступках, следствие глупостей в словах, скоро изобличат сами себя и заставят публику образумиться и стать умнее. Это своего рода воспитательная система Монтессори в применении к особому ребенку, — обществу. Кто станет перечить этому ребенку, тому скоро придется уступить свое место иным наставникам. Поэтому вы должны хвалить прелесть пламени, к которому он тянется рукою, или музыкальную игрушку, которую он хочет сломать. Поощряйте его капризы, но как мудрый и гуманный страж общества, в то же время зорко наблюдайте момент, когда надо остановить его: ребенок обожжется и станет впредь умнее.

Можно привести достаточно оснований в защиту такой государственной практики, как ни печальна она сама по себе. Ллойд Джордж взвалил на себя ответственность за мирный договор. Этот договор неразумен, отчасти невыполним, наконец, опасен для жизни Европы. Правда, в свое оправдание Ллойд Джордж может сказать, что и то, и другое, и третье ему прекрасно известно, но что руководитель демократии принужден слишком считаться с тем значением, какое имеют в жизни страсти и невежество широких кругов публики. Он может сказать кроме того, что Версальский мир был для своего времени наилучшим компромиссом между требованиями этих кругов и стремлениями главных действующих лиц, вытекавшими из их характера. Что же касается жизни Европы, то он, Ллойд Джордж, целых два года напрягал всю свою энергию и ловкость, чтобы избежать или смягчить опасность кризиса.

Отчасти такие оправдания справедливы; попросту отбросить их во всяком случае нельзя. Закулисная история мирной конференции, рассказанная ее участниками, французами и американцами, рисует Ллойда Джорджа, пожалуй, даже в благоприятном свете: он борется

против чрезмерных требований договора, напрягает все усилия, рискуя своим личным положением. В общеизвестной истории двух следующих лет Ллойд Джордж является как защитник Европы от всех тех опасных следствий им же созданного договора, какие только он был в силах отворотить; он действует с несравненной ловкостью, охраняет если не благоденствие, то, по крайней мере, спокойствие Европы, и хотя редко говорит правду, однако часто руководится ею в поступках. И потому он может утверждать, что хотя и окольными путями, но в пределах возможного он все же был настоящим слугою общества.

Быть может он и правильно считает, что демократия в лучшем случае способна только посредством обмана, мистификации и приманок попадать на правильный путь. Правда и искренность как *метод* действия являются делом личного или эстетического вкуса, но в политике они не могут принести действительного добра.

Время для нашего окончательного суждения еще не пришло. Ведь даже публика учится на опыте. Сохранит ли очарование свою силу, когда запас доверия, которым располагают политики, запас, накопленный в прежнее время, окажется исчерпанным?

Что бы ни случилось, частные лица в противоположность членам кабинета министров не обязаны жертвовать истиной общественному благу. Они могут позволить себе говорить и писать свободно. Благодаря этому обстоятельству мы получаем, пожалуй, даже еще один новый элемент для той комбинации условий, которую в целях нашего конечного блага вызывает к жизни волшебная палочка государственных людей.

Вот почему я считаю, что я не совершил ошибки, когда в моей книге *Экономические последствия Версальского мирного договора* делал выводы на основании буквального истолкования этого договора, не совершаю ее и теперь, исследуя результаты его применения. Я доказывал, что многие из его условий *невыполнимы*; но я не согласен с моими критиками, что именно поэтому договор будто бы безвреден. Мнение более тесных кругов с самого начала встретило сочувственно многое в моих главных выводах касательно договора ¹⁾. Однако это обстоятельство не устраняет необходимости, чтобы они оказались приемлемы также и для мнения более широкого круга лиц.

В самом деле, в настоящее время существуют два мнения; их различие не в том, что одно является истинным, а другое — ложным, как это было в прежнее время. Теперь их надо характеризовать как внешнее и внутреннее. Одно исходит от публики, и представителями

¹⁾ «Его чисто внешнее и формальное отношение к торжественным обязательствам, принятым перед побежденной нацией, его неспособность считаться с экономической действительностью» — таковы слова проф. Аллин Юнга в рецензии на мою книгу. И тем не менее проф. Юнг счел возможным и справедливым стать хотя бы отчасти защитником договора и характеризовать его, как «акт, который обращен в сторону прогресса».

его служат политики и газеты, другое выражает взгляды тех же политиков, журналистов и всякого рода слуг общества всех степеней и рангов, также и тех, которые действуют невидимо для общества, при чем мнение это высказывается лишь в тесном кругу. Во время войны считалось патриотическим долгом, чтобы оба мнения, насколько возможно, ни в чем не совпадали; есть люди, полагающие, что так должно продолжаться и теперь.

Хотя все это и не совсем ново, однако раньше кое-что было иначе. Говорят, что Гладстон был лицемер; если даже это и правда, то ведь Гладстон не снимал маски также и в частной жизни. Высокопарные актеры, которые некогда произносили свои тирады во всех парламентах мира, продолжали играть ту же роль и за ужином после заседаний. Однако теперь уже невозможно более продолжать тот же маскарад и за сценою. Если румяна, предназначенные для общественных выступлений, достаточно ярки, чтобы выдержать ослепительный свет рампы в наши дни, то все же их невозможно сохранять на лице также и в частной жизни. Это обстоятельство вносит двойственность в психологию самих актеров. Толпа, которая живет теперь в аудитории целого мира, требует чего-то большего, чем жизнь, и более очевидного, чем правда. В этом обширном театре самые звуки распространяются через чур медленно, и слово истины замирает раньше, чем его перекастное эхо достигнет до самого отдаленного слушателя.

Лица, вращающиеся в тесных кругах и разделяющие «внутреннее» мнение, в одно и то же время слишком много и слишком мало прислушиваются к мнению «внешнему»; слишком много, когда они, на словах и в обещаниях уступая ему во всем, считают открытое сопротивление ему абсолютно бесполезным; слишком мало, когда они думают, что подобные слова и обещания подлежат отмене в будущем, и что поэтому вдумываться в их точный смысл и следствия есть педантизм, скучное и бесполезное занятие. Все это им почти так же хорошо известно, как и критику, который в их глазах понапрасну тратит время и портит себе кровь, слишком близко принимая к сердцу то, что по их мнению едва ли может осуществиться. И однако гласные заявления перепубликой влекут за собою более важные следствия, нежели подпольные речи и шепотом передаваемая точная информация, полагаясь на которые, «внутреннее» мнение чувствует свое превосходство над «внешним» даже в тот момент, когда наружно склоняется перед ним.

Однако сложность положения на этом не оканчивается. В Англии (а может быть, и еще кое-где) существуют два «внешних» мнения: первое это то, что высказывается в газетах, второе, это то, что масса обыкновенных людей про себя и по инстинкту считает за истину. Две эти степени «внешнего» мнения стоят гораздо ближе друг к другу, чем к «внутреннему» мнению; в некотором отношении их можно признать тождественными; однако под этой видимой внешностью имеется

реальное различие между догматизмом и определенностью прессы и живой, неопределенной верой отдельных людей. Я думаю, что даже в 1919 году рядовой англичанин не верил серьезно в возможность контрибуции; он всегда относился к этому вопросу *cum grano salis*, с некоторой долей логической критики. Однако ему казалось, что в данных обстоятельствах предусматривать контрибуцию не представлялось особенно опасным; ему казалось также, что в отношении тогдашних настроений вера в безграничную платежеспособность Германии, хотя и заключала в себе мало истины, но зато соответствовала более высоким чувствам, чем противоположное убеждение. Таким образом выходит, что недавние перемены во «внешнем» мнении Британии лишь отчасти интеллектуального свойства и проистекают скорее от изменения условий; дело в том, что теперь стало ясным, что упорство в требовании контрибуции влечет за собою действительный вред, тогда как требования чувства стали далеко не столь решающими. Поэтому средний англичанин готов выслушивать доводы, к которым он не был глух и раньше, хотя и слушал их лишь краем уха.

Иностранные наблюдатели склонны слишком мало обращать внимания на эти невысказываемые оттенки чувства, которые пресса, в конце концов, обязана выразить. «Внутреннее» мнение оказывает на них влияние, просачиваясь во все более и более широкие круги; с течением времени они становятся доступны доводам, здравому смыслу и сознанию собственного интереса. Современный политик должен уметь точно отмечать все эти этапы развития; у него должно быть достаточно смысла, чтобы понимать «внутреннее» мнение, достаточно чуткости, чтобы вскрыть негласное «внешнее» мнение, и достаточно смелости, чтобы выразить официальное «внешнее» мнение.

Высказанный взгляд может быть правилен или ошибочен; как бы то ни было, нет сомнения, что в чувствах общества за последние два года произошла огромная перемена. Тяга к спокойной жизни, к смягчению изоляции, к дружеским отношениям с соседями становится все более значительной. Мегаломания, вызванная войною, исчезла без следа, и всякий старается согласовать свою жизнь с фактическими условиями. Вот почему статьи Версальского договора, касающиеся возмещения убытков, теряют свое значение. Теперь уже почти не приходится беспокоиться о губительных последствиях их применения.

В нижеследующих главах я ставлю себе две задачи: я начинаю с хроники событий и определения нынешнего фактического положения и заканчиваю предложением касательно тех мер, какие должны быть приняты. Конечно главное значение я придаю этой второй задаче.

Однако и обзор событий недавнего прошлого имеет не один только исторический интерес. Если мы несколько пристальнее присмотримся к двум последним годам (а ведь общественная память, предоставленная самой себе, настолько коротка, что минувшее нам известно немногим

лучше, чем будущее), то, я думаю, нас поразит та роль, которую сыграла в событиях самая беззастенчивая ложь. Мои заключительные предположения исходят из убеждения, что этот элемент лжи в политике утратил свое прежнее значение; кроме того, я убежден, что «внешнее» мнение ждет, чтобы «внутреннее» мнение раскрыло свои тайны, и готово воспринять их влияние. Пора, наконец, перестать думать, будто тот, кто рассуждает здраво, говоря во всеуслышание перед публикой, проявляет болтливость и нескромность.

Г Л А В А II.

От ратификации Версальского договора до второго лондонского ультиматума.

1. Выполнение договора и плебисциты.

Версальский договор был ратифицирован 10 января 1920 года, и его постановления касательно территориальных границ вступили в силу в тот же день за исключением плебисцитарных областей. Плебисцит в Шлезвиге (февраль и март 1920 г.) передал северную часть провинции Дании, а южную часть Германии, при чем в обоих случаях большинство голосов было решающее. Плебисцит в Вост. Пруссии (июль 1920 г.) дал подавляющее большинство в пользу Германии. Плебисцит в Верхней Силезии (март 1921 г.) дал такие результаты: во всей провинции в целом ¹⁾ большинство в пользу Германии выразилось в отношении два к единице, но в некоторых южных и восточных областях большинство голосов получила Польша. Исходя из этих результатов голосования и принимая во внимание промышленные связи некоторых спорных областей, главные державы Соглашения, за исключением Франции, держались того мнения, что за выделением юго-восточных округов Плесса и Рыбника, которые, не взирая на их весьма значительные, но еще нетронутые залежи угля, являются пока чисто земледельческими областями, почти вся провинция в целом должна остаться за Германией. Вследствие нежелания Франции согласиться с таким постановлением, вопрос был целиком предоставлен на окончательное

¹⁾ Из всего числа в 1.220.000 человек, имевших право голосовать, и 1.186.000 действительно голосовавших 707.000 голосов, т.-е. $\frac{7}{11}$, — общего числа, было подано за Германию, и 479.000, т.-е. $\frac{4}{11}$, за Польшу. Из 1.522 больших и малых центров населения 844 дали большинство в пользу Германии и 678 в пользу Польши. Голосовали за Польшу преимущественно сельские жители; это видно из того, что в 36 городах Германия собрала 267.000 голосов, а Польша только 70.000, в деревнях же Германия собрала 440.000 голосов, а Польша 409.000.

решение Лиги Наций. Эта корпорация рассекла промышленную область в интересах расовой или шовинистской справедливости; в то же время для избежания следствий этой операции она издала ряд сложных экономических предписаний в целях материального благополучия населения; однако эти предписания едва ли принесут какую-либо пользу. Их срок Лига определила в пять лет, быть может, в тайной надежде, что какие-либо непредвиденные события заставят пересмотреть вопрос до истечения этого срока. Говоря вообще, граница была проведена, совершенно не считаясь с экономическими условиями; при этом старались, чтобы по одну ее сторону оказалось возможно большее количество населения, голосовавшего за Германию, а по другую—большинство голосовавших за Польшу (хотя в угоду этому два почти чисто немецкие города, Каттовиц и Кёнигсхютте, пришлось отдать Польше). С этой узкой точки зрения все мероприятие было выполнено в общем честно. Следует, однако, заметить, что договор предписывал, чтобы при определении границ были приняты в соображение также и экономические, равно как географические условия.

Я не намерен подробно рассматривать, насколько оказываются мудрыми все эти меры. В Германии распространено убеждение, что вышеуказанный результат есть следствие подпольных влияний, пущенных в дело Францией. Едва ли эти влияния оказались существенным фактором; впрочем, члены Лиги в интересах ее самой, конечно, должны были добиваться такого решения, которое не обнаружило бы несостоятельность членов Совета Лиги, не сумевших столкнуться между собою; а это, несомненно, дало перевес решению, приемлемому для Франции. Самое это решение, мне кажется, возбуждает множество весьма основательных сомнений касательно такого метода упорядочения международных отношений.

Простые случаи не вызывают трудностей. К Лиге Наций будут прибегать тогда, когда возникнет столкновение противоположных и несоизмеримых требований. Правильное решение может получиться только в том случае, если оно выносится беспристрастными, незаинтересованными, превосходно осведомленными и притом авторитетными лицами, принимающими во внимание *все обстоятельства*. Коль скоро международное правосудие имеет дело с крупными органическими целыми, а не с массой мелких единиц, коих индивидуальные особенности можно игнорировать и предоставить взаимному уравновешению, оно не может подходить к вопросу с готовой меркой стряпчего провинциального суда. Вот почему представляется весьма опасным вверять разрешение вековых споров, ныне неразрывно связанных с сложной структурой Европы, пожилым господам из Южной Америки или с дальнего Востока; ведь эти господа будут воображать, что их долг заключается в строгой легальной интерпретации представленных им за известной подписью документов; другими словами, они будут стараться

принимать во внимание *наименьшее* количество обстоятельств и *искать* простоты там, где, наоборот, царит сложность и запутанность. Таким путем мы получим только примеры суда Соломона, украшенного ослиными ушами, который, произнося сентенцию: «разделите на-двое живое дитя» придает ей буквальный смысл.

Вильсонова догма, которая подчеркивает расовые и национальные перегородки и ставит их выше торговых и культурных связей, которая обеспечивает границы, но не благополучие, глубоко внедрилась в понятие Лиги Наций в ее теперешнем осуществлении. Эта догма приводит к парадоксальному результату, заключающемуся в том, что первый опыт международного управления окажет влияние в смысле усиления национализма.

Эти размышления в скобках вызваны тем обстоятельством, что ведь с известной узкой точки зрения Совет Лиги имеет возможность выдвинуть приличные основания в защиту своего решения. Моя критика захватывает вопрос глубже, чем простое обвинение в пристрастии.

По окончании плебисцитов границы Германии были вполне установлены.

В январе 1920 года Голландия получила предложение выдать кайзера; к радости союзных правительств, едва скрываемой ими, Голландия, как и следовало, ответила отказом (23 января). В том же месяце Германии было предъявлено требование выдать несколько тысяч «преступников войны», однако, ввиду яркого протеста всей страны на этом требовании не стали настаивать. Вместо этого пришли к соглашению относительно того, что только ограниченное число случаев подвергнется разбирательству, но не в союзных судах, а в верхней судебной палате Лейпцига. Было произведено несколько опытов таких процессов, но теперь по молчаливому согласию о них больше не слышно.

13 марта 1920 года выступление реакционеров в Берлине (так называемый «путч» Каппа) привел к тому, что столица пять дней находилась в их руках, а правительство Эберта бежало в Дрезден. Неудача этого выступления, в особенности благодаря всеобщей забастовке (любопытно, что первый успех этого способа борьбы выразился в защите существующего порядка) сопровождалась коммунистическими волнениями в Вестфалии и Руре. В борьбе с этим вторым выступлением германское правительство отправило большее количество отрядов в эту область, нежели сколько разрешалось договором; следствием было то, что Франция воспользовалась предлогом и помимо своих союзников заняла Франкфурт (6 апреля 1920 года) и Дармштадт; в свою очередь это послужило непосредственным поводом для созыва конференции союзников в Сан-Ремо, первой в целой цепи состоявшихся затем конференций.

Эти события, а также сомнения в том, что центральное правительство Германии сможет усилить свой авторитет в Баварии, вызвали

последовательные отсрочки полного разоружения, назначенного в договоре на 31 марта 1920 года, пока оно не было окончательно потребовано лондонским ультиматумом 5 мая 1921 года.

Остается вопрос о возмещении убытков, главная тема нижеследующей хроники. В течение 1920 года Германия выполнила некоторые поставки и восстановление имущества, предписанные договором. Большое количество собственности, коей владельцы могли быть отысканы, взятой во Франции и Бельгии в годы войны, было возвращено этим владельцам ¹⁾. Торговый флот был передан союзникам. Были доставлены красящие вещества и известное количество угля. Однако Германия не уплачивала вовсе денег, и настоящая проблема возмещения убытков все еще откладывалась ²⁾.

Конференции весны и лета 1920 года открыли длинный ряд попыток, направленных на изменение невыполнимых статей договора и на превращение их в приемлемую форму.

2. Конференции в Сан-Ремо (19—26 апреля 1920 г.), в Хайсе (15 мая и 19 июня 1920 г.), в Булони (21—22 июня 1920 г.), в Брюсселе (2—3 июля 1920 г.) и в Спа (5—16 июля 1920 г.).

Было бы весьма затруднительно дать точный отчет о переговорах между премьерами союзных держав; они встречались раз двенадцать в течение года, начиная с апреля 1920 г. и кончая апрелем 1921 г. В отдельности каждая конференция, собственно, кончалась ничем, но в общей сложности каждая давала кое-какой результат; и можно сказать, что мысль о пересмотре договора постепенно приобретала сторонников повсюду. Эти конференции необычайно наглядно показывают методы Ллойд Джорджа. При каждой встрече с французами он подталкивал их ближе к цели, насколько мог, однако не настолько, как он сам того желал; затем по возвращении домой он трубил повсюду, что достигнутое соглашение (которому в действительности суждено было просуществовать только месяц) представляет выражение полного единства взглядов между ним и французскими коллегами; он представлял это соглашение, как некое воплощение мудрости, которое Германии настоятельно рекомендуется принять под страхом оккупации. Эту угрозу он повторял чуть не каждый день. Время шло, а его отношения с французами не улучшались; и если все же Ллойд Джордж неуклонно

¹⁾ До 31 мая 1920 года Франция получила обратно на 8300 миллионов франков процентных бумаг и прочего имущества, владельцы которого могли быть разысканы, а также 500.000 тонн машин и сырых материалов (*Доклад Финансовой Комиссии Палаты* от 14 июня 1920 г.). Кроме того, она получила 450.000 голов скота.

²⁾ По май 1921 года получения Репарационной комиссии в монете не превышали 124.000.000 марок золотом.

приближался к цели, то причина этому не превосходство его метода как такового, но то, что сами факты работали в его пользу.

Первая конференция в Сан-Ремо (19—26 апреля 1920 г.) происходила под председательством итальянского премьера Нитти, который не скрывал своей готовности подвергнуть договор пересмотру. Мильеран, конечно, настаивал на его неприкосновенности, тогда как Ллойд Джордж (согласно отчету *Таймса*) занимал среднюю позицию. Как только выяснилось, что французы еще не склонны принять какую-либо новую формулу, Ллойд Джордж направил свои усилия на то, чтобы добиться личной встречи Верховного Совета с членами германского правительства. Как ни странно, подобной встречи еще ни разу не было ни во время мирной конференции, ни после нее. Его предложение тотчас же пригласить германских представителей в Сан-Ремо, правда, потерпело неудачу, но зато он провел решение вызвать их в Спа в ближайшем месяце «для обсуждения практического применения статей договора, касающихся репараций». Первый шаг был сделан; в остальном конференция ограничилась пока декларацией о разоружении Германии. Ллойд Джорджу пришлось согласиться с Мильераном в том, что договор остается неприкосновенным; однако по возвращении домой он заявил в Палате общин, что ему кажется предпочтительным не «слишком буквальное» истолкование договора.

В мае премьеры имели частное свидание в Хайсе для обсуждения совместного образа действий в Спа. Теперь открыто заговорили о системе скользящей шкалы, которой предстояло играть такую роль в постановлениях, принятых позднее в Париже, и во втором ультиматуме, посланном из Лондона. Был назначен особый комитет экспертов, долженствующий подготовить для рассмотрения схему, в силу которой Германия обязуется платить известный минимум каждый год, при чем этот минимум в зависимости от ее платежеспособности пополняется добавочными суммами. Так открылся путь для новых идей, хотя относительно конкретных цифр еще не предвиделось никакого соглашения. Тем временем конференция в Спа была отсрочена на месяц.

В следующем месяце премьеры снова встретились в Булони (21 июня 1920 г.), а этой встрече предшествовало короткое внеочередное свидание в Хайсе (19 июня 1920 г.). Было сообщено, что при этом союзники окончательно столковались насчет принципа минимальных годовых взносов, подлежащих увеличению в зависимости от экономического возрождения Германии. Приводили даже определенные цифры, а именно, срок в тридцать пять лет и минимальные годовые взносы в три миллиарда золотых марок. Конференция в Спа была снова отсрочена до ближайшего месяца.

Наступило, наконец, время, когда новые отсрочки конференции стали невозможны. Премьеры встретились еще раз (в Брюсселе, 2—3 июля 1920 г.) для обсуждения совместного образа действий. Они

рассматривали много вопросов, в особенности вопрос о пропорциях, которым надлежало следовать при дележе еще гипотетических поступлений из Германии в счет репараций¹⁾. Что же касается самих этих возмещений, то они не были определены никакой точной схемой. Между тем меморандум, представленный германскими экспертами, делал очевидным, что всякий план, политически приемлемый во Франции, был экономически невозможен в Германии. «Нота германских экономических экспертов,—писал *Таймс* 3 июля 1920 года,—равносильна требованию полного пересмотра мирного договора. Поэтому союзникам предстоит решить, следует ли им настойчиво призвать Германию к порядку под угрозой применения санкций, или они согласны создать впечатление слабости, теряя время благодаря германским проволочкам». Идея была великолепна: если союзники не умели столкнуться насчет изменения договора, то между ними должно было установиться «полное согласие» путем «настойчивого призыва Германии к порядку» за то, что она осмеливалась предполагать возможность пересмотра договора.

Наконец 5 июля 1920 года давно возвещенная конференция состоялась. Но хотя она длилась двенадцать дней, ее участники не нашли времени, чтобы добраться до вопроса, ради которого она была собрана, а именно вопроса о репарациях. Раньше чем коснулись этой опасной темы, важные дела отозвали Мильерана в Париж. Один из главных предметов, подвергнутых обсуждению на конференции, уголь, трактуется в этой книге в экскурсе I в конце настоящей главы. Однако главное значение конференции заключается в том, что на ней ответственные министры и эксперты Германии и союзников впервые встретились лицом к лицу и находились в официальном общении и до некоторой степени в отношениях личной интимности между собою. Из конференции в Спа не вышло никакого плана; но она явилась внешним признаком, что под поверхностью произошел некоторый сдвиг вперед.

3. Брюссельская конференция (16—22 декабря 1920 г.).

Итак, конференция в Спа не сделала даже попытки обсуждения общего вопроса о возмещении убытков, но, тем не менее, было условлено, что он должен быть поставлен на очередь в ближайшем будущем. Однако время шло, а все оставалось попрежнему. 23 сентября 1920 года Мильеран вступил на пост президента французской республики, а место премьер-министра занял Лейг. Мнение официальных французских кругов неуклонно продолжало отказываться от уступок, полученных Ллойд Джорджем в Булони; эти уступки, впрочем, никогда не были пол-

¹⁾ См. экскурс VI

ностью оглашены во Франции. Ее официальные представители читали теперь предоставить механизму Репарационной комиссии действовать по однажды заведенному шаблону. Как бы то ни было, 6 ноября 1920 года после долгой дипломатической переписки было официально заявлено, что еще раз взгляды правительства Франции и Британии находятся в «полном согласии». Особая конференция экспертов, назначенных Репарационной комиссией, должна была заседать с германскими экспертами и после этого представить доклад; затем конференция министров должна была встретиться с представителями германского правительства и, в свою очередь, представить доклад; получив оба эти доклада, Репарационная комиссия должна была установить итог обязательств Германии; наконец, главы союзных правительств должны были сойтись вместе и «принять решения». «Итак,—писал *Таймс*,—после долгих скитаний в пустыне мы еще раз вернулись назад к Версальскому договору». Читая и перечитывая кипы старых газет, я, действительно, убеждаюсь, как правильны слова проповедника, и как слепа судьба.

На деле первая стадия этой долгой процедуры была, действительно, начата: перед самым Рождеством 1920 года несколько должностных лиц союзных правительств встретились¹⁾ в Брюсселе с германскими представителями, чтобы установить факты и исследовать положение в общем. Это и была та конференция «экспертов», которую следует отличать от конференции «государственных людей»; вторая собиралась до и после первой.

Работа экспертов в Брюсселе прошла совершенно незамеченной и была аннулирована парижской конференцией государственных людей, собравшейся вскоре после нее; поэтому не стоит тратить времени на подробное описание ее действий. Однако она представляет новую фазу в наших отношениях с Германией. Представители обеих сторон встретились в непринужденном общении и беседовали между собою, как подобает разумным существам. Этих лиц можно назвать сливками «международного официального мира»; в общем все они были циничны, гуманны, интеллигентны, с ярко выраженной склонностью считаться с фактами и привычкой действовать практически. Обе стороны были убеждены, что дело подвигается к развязке; обе относились друг к другу с уважением; наконец обе искренно сожалели, что разумные переговоры были так скоро прерваны.

Брюссельские эксперты знали, что они не властны установить средний размер платежей в меньшем объеме, чем тот, который был

¹⁾ Лорд д'Абернон и сер Джон Брэдбери от Великобритании, Сейду и Шейсон от Франции, д'Амелио и Джанини от Италии, Делакура и Лепрё от Бельгии, кроме того, согласно обычаю, два представителя Японии. Германию представляли Бергманн, Гавенштейн, Куно, Мельхиор, фон Штраус, Вонн и Шрёдер.

предусмотрен в Булони. Соответственно этому они предложили союзным правительствам следующее:

1) В течение пяти лет от 1921 по 1926 год Германия должна платить годовые взносы *средней суммой* в 150.000.000 фунтов (золотом), но эти средние взносы должны быть распределены в этом пятилетнем периоде таким образом, что в первые два года будут уплачиваться взносы, меньшие этой цифры, а в последние три года взносы, превышающие ее; при этом вопрос о размере следующих платежей, которые будут поступать по истечении первого пятилетнего периода, в настоящее время откладывается.

2) Значительная часть этой суммы должна быть выплачена не деньгами, а материалами.

3) Ежегодные издержки на содержание оккупационных армий должны быть ограничены 12.000.000 фунтов (золотом), каковая сумма рассматривается не как добавочная к вышеуказанным годовым взносам, но как первая уплата в счет этих взносов.

4) Союзники отказываются от требования, чтобы Германия строила для них корабли и, может быть, также аннулируют или отсрочивают требование сдачи известного количества принадлежащих Германии судов.

5) С своей стороны Германия обязуется привести в порядок свои финансы и бюджет и допустить союзников к контролю ее таможенных сборов в случае, если она не выполнит перечисленных выше условий.

4. Постановления, принятые в Париже (24—30 января 1921 г.).

Предположения экспертов, заседавших в Брюсселе, не привели к прочному решению вопроса, но, тем не менее, они представляют значительный сдвиг с почвы идей, выраженных в договоре. Как бы то ни было, с течением времени общественное мнение во Франции все сильнее высказывалось против предполагаемых уступок. Становилось ясно, что Лейгу не удастся провести в Палате план, обсуждавшийся в Булони. Длительная политическая интрига кончилась тем, что на посту премьер-министра оказался Бриан; при этом самые непримиримые защитники неприкосновенности буквы Версальского договора Пуанкаре, Тардьё и Клоц все еще представляли оппозицию. Булоньский и брюссельский проекты должны были быть слиты вместе, а на конец января 1921 года была назначена новая конференция в Париже.

Вначале можно было опасаться, как бы оборот дела не привел к разрыву между британской и французской точками зрения. Ллойд Джордж был вполне справедливо рассержен тем, что ему пришлось сдать большую часть позиций, казалось, окончательно завоеванных

13.03.52
212-1110133

в Булони; при подобных колебаниях переговоры оказывались простой тратой времени и успех немислимым. Кроме того он не был склонен требовать от Германии платежей, которые всеми экспертами были признаны невыполнимыми. Несколько дней он не поддавался требованиям и препирательствам французов; однако в процессе переговоров он понял, что Бриан является человеком, родственным ему по духу, и что какие бы глупости он ни высказывал для публики, про себя он мыслит вполне разумно. Разрыв переговоров привел бы к отставке Бриана и появлению у власти диких людей, Пуанкаре и Тардье; если публичные заявления этих людей следовало принимать всерьез, если они не были только хитрым маневром с целью добиться министерских портфелей, то их появление у власти нарушило бы мир Европы, прежде чем они были бы принуждены отказаться от нее. Разве было бы не лучше для Ллойд Джорджа и Бриана, храня про себя разумные намерения, оставаться в добром согласии ценою небольших глупостей, повторяемых сообща в течение короткого времени? Такой взгляд на положение дела одержал верх, и в результате Германии был предъявлен ультиматум следующего содержания.

4 Уплаты в счет репараций, предложенные Германии парижской конференцией, были составлены из двух частей: одной определенной и другой неопределенной. В первую входили платежи 100.000.000 фунтов ежегодно для двух первых лет, 150.000.000 фунтов для следующих трех, далее 200.000.000 фунтов для трех новых лет, 250.000.000 фунтов еще для трех лет и, наконец, 300.000.000 фунтов ежегодно для 31 г., при чем все эти цифры подразумевают золотую валюту. Вторая, неопределенная часть состояла из ежегодной суммы, присоединяемой к вышеприведенным, равной 12% германского экспорта. Фиксированные платежи в этой схеме дают в итоге 11.300.000.000 фунтов, т.-е. несколько меньше, чем предполагалось в Булони; однако, прибавляя проценты с экспорта, мы получаем в общем гораздо большую сумму.

Неопределенный элемент этого счета, т.-е. процент экспорта, делает невозможным точное вычисление возлагаемого на Германию бремени, и поэтому входить в детали значило бы терять время. Но в свое время я вычислил, не встретив возражений, что этот план равнялся требованию, превышающему 400.000.000 фунтов ежегодно, т.-е. удвоенной высшей цифре, какую компетентное лицо у нас или в Соединенных Штатах могло бы решиться обосновать.

Как бы то ни было, парижские постановления, принятые после дискуссий в Булони и Брюсселе, вовсе не были сделаны всерьез; они представляли просто новый маневр в состязании и имели целью доставить Бриану момент передышки. Я думаю, что в истории еще не было подобного примера; лучше всего его можно определить, как следствие ужасающего роста «пропаганды». Чудовище ускользнуло из

рук его хозяев, и создалось необычайное положение, в котором могущественнейшие государственные люди стали игрушкой сил, от власти которых они не могли освободиться, и которые заставляли их ежедневно встречаться для обсуждения детальных изменений требований, по их же собственному убеждению совершенно невыполнимых.

Ллойд Джорджу удалось настоять на том, чтобы эти требования не были попросту навязаны Германии. Вопрос об угрозе наказаниями был отложен, и германских представителей пригласили явиться в Лондон через месяц, чтобы передать ответ устно.

Бриан обеспечил себе блестящий триумф в Палате. «Редко,— пишет *Таймс*,— за всю свою долгую карьеру оратора и депутата Бриан был до такой степени на высоте. Головоломка, которую он задал Тардье, представляла нечто весьма драматическое, хотя по временам чересчур уж жалкое и для зрителей и для несчастной жертвы». Тардье впал в преувеличение, и «своим резким утверждением, что политика Франции в последний год исходила из убеждения в невозможности выполнить финансовые статьи договора, он вызвал шумные рукоплескания, особенно когда заявил, что эта политика стоит на точке зрения пасифиста Кейнса и германского делегата, графа Брокдорф-Ранцау». Впрочем, это последнее утверждение было не совсем добросовестно по отношению к парижским постановлениям. Однако в это время было уже совсем смешно восхвалять совершенство договора даже во Франции. «Я привык говорить откровенно,— сказал Бриан, поднимаясь на трибуну,— и когда я узнал, что Тардье собирается сделать мне запрос, я почувствовал себя польщенным. Я знал, что он был одним из главных творцов Версальского договора; поэтому ему известны не только его достоинства, но и недостатки, и я надеялся на снисхождение его к человеку, приложившему все старание для выполнения его — *mais voilà* (тут Бриан сделал жест) — я невольно вспомнил, что Тардье уже истратил весь запас похвал своему собственному детищу». С этих пор чудовищная пропаганда непримиримых стала понемногу утихать.

5. Первая конференция в Лондоне (1—7 марта 1921 г.).

В Германии парижские предложения были приняты за чистую монету и вызвали сильный протест. Однако д-р Симонс принял приглашение в Лондон, и его эксперты принялись выработать контрпредложения. «На брюссельской конференции,— заявил он в Штутгартэ 13 февраля,— я пришел к согласию с представителями Британии и Франции, но парижская конференция уничтожила его. Произошла катастрофа. Общественное мнение Германии никогда не забудет этих цифр. Теперь уж невозможно вернуться к программе Сейду, предложенной в Брюсселе (т.-е. к предварительному соглашению относи-

тельно пяти ближайших лет), ибо перед германским народом будут стоять, как призрак, эти колоссальные требования... Мы скорее предпочтем, чтобы нам навязали несправедливые предписания, чем согласимся подписать обязательства, которые по нашему твердому убеждению германский народ выполнить не может».

1 марта 1921 года д-р Симонс представил союзникам, собравшимся в Лондоне, свои контр-предложения. Подобно первым контр-предложениям Брокдорфа-Ранцау — в Версали они были неясны и не вполне понятны; ходили слухи, что сами германские эксперты разошлись между собою во взглядах. Вместо того чтобы просто заявить, что Германия считает возможным выполнить, д-р Симонс взял за исходный пункт расчета цифры парижских постановлений, но затем путем прозрачных и неубедительных фокусов свел их к цифрам, совершенно различным. Беря общий итог фиксированных годовых взносов парижской схемы (не считая процентного отчисления с экспорта), т.е. 11.300.000.000 фунтов, и вычисляя их нынешнюю ценность из 8% прироста, получаем 2.500.000.000 фунтов; вычитая отсюда 1.000.000.000 фунтов предполагаемой (но не действительной) ценности поставок, сделанных Германией до того времени, получаем 1.500.000.000 фунтов. Это и есть высшая сумма, которую Германия могла бы уплатить. Если бы союзники согласились произвести международный заем в 400.000.000 фунтов, то Германия обязуется платить проценты и погашение; в добавление к этому она обязуется вносить ежегодно 50.000.000 фунтов в течение пяти лет в уплату остающейся капитальной суммы долга, равной 1.100.000.000 фунтов (за вычетом вышеуказанных 400 милл.), при чем эта капитальная сумма не должна приносить процентов в период ее уплаты. По истечении пяти лет размер платежей должен быть пересмотрен. Все предложение было обусловлено сохранением Верхней Силезии за Германией и освобождением германской торговли.

В сущности эти предложения нельзя назвать неосновательными; вероятно, в конце концов союзникам придется согласиться на нечто подобное им. Но цифры, названные в нем, были значительно ниже цифр брюссельских экспертов, а манера, с какою они были предложены, естественно, вызвала возмущение. Предложение было отвергнуто целиком.

Два дня спустя Ллойд Джордж прочитал германской делегации нотацию, обвинял их страну, характеризовал предложение как нечто «оскорбительное и невозможное» и указывал на то, что налоги Германии «до смешного низки сравнительно с налогами Великобритании». Затем он передал им формальную декларацию в защиту претензий союзников, утверждающую, что Германия не выполнила своих обязательств в отношении «привлечения к суду преступников, нарушивших законы войны, разоружения и уплаты деньгами и натурой

1.000.000.000 фунтов золотом»; в заключение он предъявил ультиматум гласящий, что в случае, если к понедельнику 7 марта «Германия не выразит согласия принять парижские постановления или не представит новых предложений, удовлетворяющих требованиям Версальского договора (в смягченной форме парижских предложений), то союзники приступят: 1) к оккупации Дуисбурга, Рурорта и Дюссельдорфа на правом берегу Рейна, 2) к установлению налога на все платежи, следуемые Германии за ее товары, экспортированные в союзные страны, 3) к установлению таможенной границы между оккупированной областью и остальной Германией и 4) к конфискации пошлин, уплаченных за товары, ввозимые и вывозимые в оккупированных областях.

В течение нескольких следующих дней переговоры продолжались за кулисами, однако, без всякого результата. В полночь 6 марта Лusher и лорд д'Абернон сделали германцам новое предложение выплачивать в течение 30 лет фиксированную сумму в 150.000.000 фунтов и кроме того ежегодно 30% с экспорта ²⁾. Официальная конференция была возобновлена 7 марта. «Кругом Ланкастер-Гауза еще утром собралась толпа, которая встретила овациями маршала Фоша и Ллойд Джорджа. Отовсюду раздавались крики «заставьте их платить, Ллойд Джордж!» «Германские делегаты были встречены с ироническим любопытством. Генерал фон Зект был в военной форме и при сабле. С моноклем в глазу, по обычаю прусских офицеров, он являлся воплощением прусского милитаризма. Маршал Фош, фельдмаршал сэр Генри Вильсон и прочие союзные офицеры также были в военной форме» ³⁾.

Д-р Симонс передал официальный ответ. Он соглашался принять режим парижских постановлений в части, определенной для первых пяти лет, при условии, что Германия получит помощь путем займа и удержит за собою Верхнюю Силезию. Через пять лет снова вступает в силу Версальский договор, предписания которого он в силу своих полномочий предпочитает парижским постановлениям. «Вопрос об ответственности за войну подлежит компетенции не договора, не чьего-либо свидетельства, не санкций; только история сможет решить этот вопрос. Все мы еще слишком близки к этому событию». Он указал, что все санкции, которыми угрожают Германии, не имеют легального основания. Германию нельзя технически считать невыполняющей условия репараций, коль скоро Репарационная комиссия еще не произнесла на сей счет своих заключений, которые должны последовать 1 мая. Оккупация дальнейшей германской территории по смыслу самого договора незаконна. Удержание части стоимости германских

¹⁾ Полный текст см. в приложении 4.

²⁾ Интересно сравнить это предложение с фиксированным платежом в 100.000.000 фунтов и 25% экспорта, определенными во втором лондонском ультиматуме всего через два месяца.

³⁾ *Таймс* от 8 марта 1921 г.

товаров противно гарантиям, данным британским и бельгийским правительствами. Установление специальных таможенных тарифов в Рейнской области допустимо только в силу 270 статьи договора, которая предусматривает эту меру в целях защиты экономических интересов таможенного населения, но не в качестве кары против всего германского народа за неисполнение требований договора. Аргументы касательно незаконности санкций были неоспоримы, и Ллойд Джордж даже не пытался возразить против них. Он ограничился заявлением, что санкции будут применены немедленно.

Весть о разрыве переговоров была принята в Париже «со вздохом облегчения» ¹⁾, и маршал Фош передал по телеграфу приказ войскам выступить в поход в 7 ч. утра на следующий день.

Итак, из лондонской конференции выросла новая схема возмещения убытков. То, что Ллойд Джордж примирился с парижскими постановлениями, завело его слишком далеко. Известная доля раздражения, вызванная поведением германских делегатов, и неудача маневра, который по крайней мере вначале был задуман как bluff, в концовках, заставили его допустить попытку навязать Германии волю союзников путем занятия ее территории. Были ли экономические кары легальны или нет, это особый вопрос; но ясно, что они были совершенно бесполезны для получения денег. Поэтому едва ли они были предприняты для этой цели, скорее они предназначались для устрашения Германии, чтобы вынудить у нее согласие на то, что она не могла и не намеревалась выполнить; этого хотели достигнуть, угрожая совершить важный шаг по пути определенной политики, открыто проповедуемой в известных кругах Франции, политики, направленной к окончательному отделению Рейнских провинций от Германского Союза. Серьезный оборот, какой приняла лондонская конференция, лежит отчасти на ответственности Великобритании, которая согласилась поощрять эту политику; отчасти же в этом виновато пренебрежение к правовым формам и процедуре закона.

Дело в том, что защищать легальность оккупации трех городов на основании Версальского договора было невозможно ²⁾. Ллойд Джордж пытался сделать это в Палате общин, но в конце дебатов вопрос был снят с обсуждения Генерал-Атторнеем.

Цель союзников состояла в том, чтобы принудить Германию принять парижские постановления. Однако ее отказ принять эти постановления являлся ее правом, несколько не противоречащим договору; ведь самые постановления не составляли части договора и содержали в себе такие пункты, которые в нем не были предусмотрены; поэтому

¹⁾ *Таймс* от 8 марта 1921 г.

²⁾ Спустя одну или две недели германское правительство подало формальную апелляцию Лиге Наций против легальности этого акта; мне неизвестно, отзывалась ли Лига на эту апелляцию.

Германия была свободна принять их или отвергнуть. Вот почему для союзников было необходимо подыскать какой-либо другой предлог. Предлог был найден наспех; как уже сказано, он состоял в туманном намеке на преступников войны, на разоружение и уплату 20 миллиардов золотых марок.

Ссылка на неуплату этой пресловутой суммы была явно несостоятельна для этого момента (7 марта 1921 г.); ведь согласно договору Германия должна была уплатить ее к 1 мая 1921 года «такими частями и таким способом, какие будут установлены Репарационной комиссией», а между тем в *марте* сего года комиссия еще не предъявила требования денежной уплаты ¹⁾. Но если предположить, что Германия технически не выполнила обязательств относительно преступников войны и разоружений (а первоначальные постановления договора столь часто подвергались изменениям, что трудно определить степень невыполнения), то нам следовало точно установить наши обвинения; и если прибегали к угрозе карами, то мы должны были применять их только в случае отказа Германии дать ответ на эти обвинения. Мы не имели права предъявлять обвинения в туманной форме, а затем угрожать карами, если Германия не согласится на нечто, что не имело никакого отношения к обвинениям. Ультиматум 7 марта подменял договор периодическим применением военной силы в подкрепление разнообразных требований. Ведь всякий раз, как Германия совершала техническое нарушение договора в какой-либо его части, союзники очевидно присвоивали себе право производить какие им только заблагорассудится изменения в любой из других частей договора.

Во всяком случае военное вторжение в Германию по ту сторону Рейна с точки зрения договора было актом незаконным. Этот вопрос получил еще большую важность в ближайшем месяце, когда Франция обнаружила намерение занять Рурскую область. Правовая сторона этого вопроса рассматривается в экскурсе II в конце настоящей главы.

Вторая лондонская конференция (29 апреля по 5 мая 1921 г.).

Следующие два месяца протекли бурно. Санкции усилили раздражение в Германии, но не склонили германское правительство к сдаче. В конце марта оно прибегло к интервенции Соединенных Штатов и чрез посредство их правительства передало свои новые контр-предложения. Помимо того, что эти предложения отличались большей прямоотой и определенностью, они и по существу были лучше, нежели

¹⁾ Спустя несколько недель Репарационная комиссия попыталась привести в действие Верховный Совет, потребовав один миллиард марок золотом (50.000.000 ф.), другими словами, большую часть золотой наличности Рейхсбанка. Это требование позднее было аннулировано.

те, которые были сделаны д-ром Симонсом в Лондоне в начале марта (главные пункты ¹⁾) заключаются в следующем:

1. Обязательства Германии определяются в 2.500.000.000 фунтов (золотом) нынешней ценности.

2. Наибольшая возможная часть этой суммы должна быть собрана немедленно посредством международного займа, заключенного на выгодных для публики условиях, при чем добытая таким образом сумма передается союзникам, а проценты и погашение обязывается платить Германия.

3. Германия уплачивает 4% с той части долга, которая еще не вносится наличностью; этот процент определяется для настоящего времени.

4. Размер погашения этой последней части изменяется сообразно ходу восстановления Германии.

5. В зачет этого последнего обязательства Германия берет на себя восстановление разоренных областей на условиях, приемлемых для союзников, и кроме того делает поставки натурою на коммерческих условиях.

6. Германия изъявляет готовность, «насколько она в силах выполнить», перевести на себя обязательство союзников перед Америкой.

7. В качестве подтверждения серьезности своих намерений она предлагает немедленно внести 50.000.000 фунтов (золотом) в монете.

Если мы сравним все это с первыми предложениями д-ра Симонса, то мы увидим, что здесь дело обстоит на 50% лучше; в самом деле, тут уже нет речи о вычете из общей суммы в 2.500.000.000 фунтов предполагаемой (но в действительности фантастической) суммы в 1.000.000.000 фунтов, которая будто бы была выплачена в разных формах до 1 мая 1921 года. Если мы допустим вероятность заключения международного займа в 250.000.000 фунтов из 8%, включая проценты и погашение ²⁾, то германское предложение могло бы быть исчислено в немедленной ежегодной уплате в 110.000.000 фунтов, при чем в дальнейшем имеется еще в виду возможность увеличения пропорционально быстроте экономического восстановления Германии.

Правительство Соединенных Штатов, предварительно узнав частным образом, что это предложение не будет принято союзниками, отказалось от его формальной передачи ³⁾. По этой причине, а также вследствие того, что состоявшаяся вскоре вторая конференция в Лондоне заслонила собой непосредственно предшествующие события,

¹⁾ См. полный текст в приложении V-ом.

²⁾ Осуществимость такого займа в крупном масштабе, конечно, более чем сомнительна.

³⁾ Сообщают, что германское правительство предлагало также, что оно согласится на любую иную сумму, какую будет угодно назначить президенту Соединенных Штатов.

это прямое и честное предложение Германии не привлекло к себе того внимания, какого оно заслуживало. А между тем оно было составлено тщательно и точно и представляло вероятно истинный максимум того, что могла выполнить Германия, если еще не больше.

Однако, как я сказал, предложение произвело незначительное впечатление; пресса вовсе не говорила о нем, да и вообще оно вызвало мало толков. Причина этому в том, что в промежутке двух месяцев, отделяющих первую лондонскую конференцию от второй, произошли два события огромной важности, которые существенно изменили положение ¹⁾.

Первое из них—плебисцит в Силезии, происшедший в марте 1921 г. Прежние германские предложения были обусловлены сохранением Силезии за нею; как раз этого условия союзники принять не могли ибо оно было предвосхищением плебисцита. Теперь же стало ясно, что Германия действительно имела право на большую часть провинции, а также, возможно, и на большую часть промышленного района. Но этот результат обнаружил также резкое расхождение политики Франции и прочих союзников в этом вопросе.

Вторым событием было постановление Репарационной комиссии, сообщенное Германии 27 апреля и касающееся всей суммы ее обязательств в силу договора. Союзные министры финансов в свое время рисовали в перспективе 300 миллиардов золотых марок; в момент парижских постановлений мнение ответственных кругов рассчитывало на 160—200 миллиардов ²⁾; наконец, автор *«Экономических последствий Версальского мирного договора»* подвергся всеобщим нападкам за то, что определил эту цифру в 137 миллиардов ³⁾, как ближайшую к возможной для него оценке. Поэтому публика, равно как и правительство, были застигнуты врасплох, когда Репарационная комиссия возвестила, что она единогласно устанавливает цифру в 132 миллиарда ³⁾ (т.-е. 6.600.000.000 фунтов). Итак, стало ясным, что парижские постановления, которые изображались как существенное улучшение договора, отвергнутое Германией в ее неблагодарности, представляли из себя нечто совсем иное; значит, Германия в этот самый момент подвергалась военному вторжению за отказ подписать условия, которые в некоторых отношениях были тяжелее, чем самый договор. Постановления комиссии я буду рассматривать детально в главе IV. Они поставили вопрос на новую почву, и без них лондонские постановления едва ли были бы возможны.

Постановления Репарационной комиссии и наступление 1 мая, т.-е. срока, установленного в договоре для обнародования схемы репараций,

¹⁾ После применения санкций и неудачи контр-предложений кабинет Ференбаха и Симона уступил свое место кабинету Вирта.

²⁾ Еще 26 января 1921 года Думер предусматривал сумму в 240 миллиардов.

³⁾ Исключая суммы, предназначенные на уплату военных долгов Бельгии.

создали почву для пересмотра всего вопроса в целом. Германия отвергла парижские постановления; санкции не оказали на нее ожидаемого действия; таким образом был собственно восстановлен режим договора; а согласно договору предложить ту или иную схему было делом Репарационной комиссии.

При таких обстоятельствах союзники снова собрались в Лондоне в конце апреля. Установленная здесь схема была в сущности составлена Верховным Советом, но при этом были соблюдены формальности договора, и Репарационная комиссия была вызвана из Парижа, чтобы принять и обнародовать декрет Верховного Совета, как бы исходящий от нее самой.

Конференция собралась в напряженной атмосфере. Бриан счел необходимым утихомирить Палату объявлением, что он намерен занять Рур 1 мая. Политика насилия и беззакония, начатая парижской конференцией, до сих пор заключала в себе значительный элемент мистификации, которым предупреждалась таившаяся в ней опасность для мира и благополучия Европы. Но теперь, наконец, дошли до точки, когда, казалось, должно было произойти нечто решающее к худу ли, к добру ли, и потому тревога была вполне естественна. Ллойд Джордж и Бриан рука об руку подошли к краю бездны. Ллойд Джордж нагнулся и глянул через край, а Бриан в это время стал восхвалять красоты ландшафта внизу и радостное ощущение спуска. Удовлетворив вполне свойственный ему нездоровый вкус созерцанием пропасти под ногами, Ллойд Джордж несомненно, в конце концов, попятился бы назад, в то же время уверяя своего компаньона в своем сочувствии его точке зрения. Но, спрашивается, как поступил бы Бриан?

В такой атмосфере собралась конференция. Принимая во внимание все обстоятельства, в том числе также принятые раньше обязательства главных действующих лиц, результат в целом оказался победой здравого смысла; не последнюю роль здесь сыграло то, что союзники решили снова вступить на путь лояльности в границах Версальского договора. Новые предложения, установленные на этой конференции, представляли дальнейшее развитие договора в духе законности; были они выполнимы или нет, вопрос другой; однако они резко отличались от парижских постановлений, принятых в январе. Как бы ни был плох мирный договор, созданная теперь в Лондоне новая схема устраняла возможность такой политики, которая была еще хуже, чем договор, политики произвола и беззакония, основанной исключительно на грубой силе.

Только в одном пункте второй лондонский ультиматум сходил с дороги права; он содержал незаконную угрозу занять Рурский бассейн в случае отказа Германии подчиниться ему. Эта угроза была уступкой Бриану, которому во что бы то ни стало нужно было обеспечить за собой возможность, явившись домой, в неизбежных толках

и разговорах пугать людей зрелищем той бездны, в которую он заглянул и потом отскочил назад. В остальном ультиматум содержал лишь такие требования, которые Германия была обязана признать, раз она подписала договор.

Таковы причины, которые, по моему суждению, заставляют признать, что Германия поступала правильно, принимая ультиматум без всяких оговорок, хотя он содержал невыполнимые для нее требования. Ведь как бы там ни было, Германия в свое время подписала договор. Новая схема ничего не прибавляла к бремени, возложенному на нее договором, и хотя прочное соглашение, разумное и осуществимое, по-прежнему было отложено на неопределенное время, новая схема уменьшала это бремя. Ее ратификация 1 мая 1921 года была предусмотрена условиями договора; она только осуществляла то, что Германия должна была предвидеть в течение минувших двух годов. Она не заставляла ее немедленно, т.-е. в период ближайших шести месяцев, сделать что-либо такое, что оказалось бы ей не по силам. Новая схема аннулировала невыполнимое обязательство Германии немедленно уплатить еще невнесенные ею 600.000.000 фунтов (золотом), что согласно договору она должна была сделать к 1 мая 1921 года, и сверх того она предотвратила оккупацию Рура и таким образом обеспечила мир и спокойствие Европы.

Некоторые лица в Германии считали неправильным, что страну под страхом наказания заставляют согласиться на условия, которые она не в силах выполнить. Однако покорное подчинение Германии предписанию, вполне правомерному и стоящему в соответствии с договором, подписанным ею, вовсе не означает такого согласия с ее стороны; оно не означает также и отречения от ее недавних предложений, переданных чрез посредство президента Соединенных Штатов, в которых она давала maximum обязательств, выполнимых с ее точки зрения.

Как бы то ни было, главная трудность для Германии заключается в том, что в ней господствует именно такое убеждение. В Англии и Америке не псняли, какая глубокая рана нанесена самоуважению Германии тем, что ее принудили подписать формулу, которую она фактически не могла принять. В цивилизованных странах не принято силой вынуждать у обвиняемого признание своей вины, даже если мы убеждены в его виновности; но еще более варварской следует назвать инквизиторскую манеру вымучивать у жертвы исповедание догмата, только потому, что мы сами исповедуем его. По отношению к Германии союзники явно воспользовались этим низким способом; приставив штык к ее груди, они подвергли ее последнему унижению и устами ее представителей заставили ее повторять за собою слова, которые для последних являлись ложью.

Впрочем, второй лондонский ультиматум был предъявлен союзниками уже не в таком припадке фанатизма и не предполагал по-

добных требований. Вот почему я в то время надеялся, что Германия примет предписания союзников и постарается выполнить их, веря, что, что бы ни писали газеты, на свете все же есть благоразумие и справедливость, что время приносит исцеление и проясняет мысль, что, наконец, нам еще немного осталось ждать, когда Европа и Соединенные Штаты в духе мудрости и милосердия покончат с экономическим развалом, принесенным войной.

Экскурс I.

Уголь.

Вопрос об угле имеет большое значение для репараций по двум причинам: во-первых, потому, что (вопреки преувеличениям договора на этот счет) он представляет тот вид товаров, в котором Германия может внести крупные платежи, и, во-вторых, потому, что поставки угля сильно отзываются на ее внутреннем хозяйстве. Вплоть до середины 1921 года уплату репараций Германия производила почти исключительно углем. Равным образом уголь был главной темой конференции в Спа, где правительства союзников и Германии впервые встретились лицом к лицу.

Согласно условиям договора, Германия была обязана доставлять 3.400.000 тонн угля в месяц. По причинам, изложенным подробно в *Экономических последствиях Версальского мирного договора* (см. русск. издание Госиздата. Москва 1922, стр. 37—44), такую цифру можно было поставить только на бумаге, в действительности же она была невыполнима. Вследствие этого Репарационная комиссия уменьшила свое требование для первой четверти 1920 года до 1.660.000 тонн в месяц, а для второй четверти до 1.500.000 т. в месяц; на самом деле Германия за вторую четверть поставила уголь в количестве 770.000 тонн в месяц. Эта цифра чрезмерно низка, но последнее время недостаток угля чувствуется на всем земном шаре, и он сильно повысился в цене. Поэтому главной целью угольного соглашения в Спа было обеспечение Франции посредством усиленной поставки германского угля.

Конференции удалось получить уголь, но на условиях не безвыгодных для Германии.

После долгих пререканий, поставки угля были определены в 2.000.000 тонн ежемесячно в продолжение шести месяцев, начиная от августа 1920 г. Но германским представителям удалось убедить союзников, что поставить такое количество они смогут лишь в том случае, если их углекопы будут питаться лучше, а это последнее стоит в зависимости от иностранного кредита. Союзники согласились *платить* чем-нибудь существенным за этот уголь, при чем суммы, полученные

таким образом, должны были идти на покупку за границей *добавочной* пищи для углекопов. По форме большая часть сумм, уплаченных таким образом, представляла заем; но так как они были отпущены Германии в качестве предварительного взноса в зачет стоимости поставок по репарациям (напр. кораблей), то реально эта операция представляла обратную оплату Германии части этих поставок. При таком соглашении общий итог денежных получений ¹⁾ Германии в действительности достигал 360.000.000 марок золотом ²⁾, что давало в среднем около 40 шиллингов за тонну всего количества доставленного ею угля. А так как в это время на внутреннем рынке Германии цена за тонну была от 25 ш. до 30 ш., то германское правительство получало в иностранной валюте значительно больше, нежели ему самому приходилось платить за уголь своим собственным производителям. Высокая цифра в 2.000.000 тонн ежемесячно сильно сокращала угольный запас Германии, нужный ей для собственного транспорта и промышленности. Но и в деньгах чувствовался тоже сильный недостаток, и в течение осени и зимы 1920 года они явились большим подспорьем при оплате продовольственной программы Германии (а также при оплате ее довоенных долговых обязательств).

По этому поводу будет уместно припомнить последующую историю угольных поставок. В течение ближайших шести месяцев Германия довольно точно выполняла соглашение в Спа относительно ежемесячной поставки 2.000.000 тонн угля; так в августе она доставила 2.055.227 тонн, в сентябре 2.008.470, в октябре 2.288.049, в ноябре 1.912.696, в декабре 1.791.828 и, наконец, в январе 1921 года 1.678.675 тонн. В конце января 1921 года соглашение в Спа было отменено, и с этого времени Германия должна была продолжать свои угольные поставки, не получая оплаты их или денежных авансов в счет поставок. Чтобы покрыть недостающее количество угля, установленное соглашением в Спа, Репарационная комиссия в феврале и марте 1921 года потребовала доставки 2.200.000 тонн, а также и в следующие месяцы она требовала такое же количество. Однако как многое другое, так и это требование осталось только на бумаге. Германия выполнить его не смогла, и ее реальные поставки в течение шести ближайших месяцев выразились в таких цифрах: 1.885.051 тонна в

¹⁾ В силу соглашения в Спа (см. приложение I) Германия должна была получать наличными 5 золотых марок за тонну за *все количество* доставляемого угля и кроме того в случае доставки *сухим путем* «получать ссуду» (т.е. аванс из репарационных платежей), равную разнице между германской внутренней и британской экспортной ценой на уголь. В момент конференции в Спа эта разница равнялась 70 шиллингам за тонну (100 шил. минус 30 шил.), но добавочная сумма не должна была авансироваться в случае неопределенного количества угля, доставляемого *морским путем*. Авансы выплачивались союзниками в следующей пропорции: 61% платила Франция, 24% — Великобритания и 15% — Бельгия и Италия

²⁾ О деталях этих платежей см. ниже стр. 78.

феврале 1921 года, 1.419.654 тонны в марте, 1.510.332 в апреле, 1.549.768 в мае, 1.453.761 в июне и 1.399.132 в июле. Репарационная комиссия, не нуждаясь в угле, молчаливо согласилась на эти цифры. В течение первой половины 1921 года в самом деле произошло замечательное изменение в положении, создавшемся шестью месяцами раньше. Несмотря на угольную забастовку в Англии, Франция и Бельгия, пополнив свои запасы угля и испытывая депрессию в торговле железом и сталью, стояли перед опасностью угольного пресыщения. Если бы Германия выполнила полностью требования Репарационной комиссии, то получатели не знали бы, что им делать с поступающим к ним углем. Даже и при настоящих поставках Германии часть полученного угля была продана его поставщикам, и углекопам Франции и Бельгии угрожала опасность лишиться части заработка.

Статистические данные общей добычи каменного угля в Германии, исключая Эльзас-Лотарингию, Саар и Палатинат, исчисленные в миллионах тонн, представляются в следующем виде:

	1913	1917	1918	1919	1920	1921 (первые девять месяцев).
Германия, исключая Верхнюю Силезию	130.19	111.66	109.54	92.76	99.66	76.06
Германия, включая Верхнюю Силезию	173.62	154.41	148.19	117.69	131.35	100.60
Процентное отношение к добыче 1913 года	100	88.9	85.4	67.8	75.7	77.2

Добыча сырого лигнита (я не решаюсь затронуть спорный вопрос о том, какому эквиваленту каменного угля соответствует лигнит) повысилась с 87,1 миллионов тонн в 1913 году до 93,3 милл. в 1919 году, 111,6 в 1920 и 90,8 в первые девять месяцев 1921 года.

Соглашение в Спа доставило временный паллиатив для ненормальных условий, определявших *цену*, по которой эти угольные поставки засчитывались на кредит Германии. Но вместе с прекращением действия этого соглашения указанные условия снова требуют внимания. В силу Версальского договора при доставке угля *сухим путем* Германия получает кредит в размере «германских цен на месте добычи, установленных для германских граждан» плюс стоимость перевозки до границы; при доставке угля *морским путем* она кредитруется в размере экспортной цены; при этом в обоих случаях предполагается, что цены не превышают британские экспортные цены. Вследствие различных соображений внутреннего характера германское правительство сочло удобным поддерживать цены на месте добычи для гер-

манских граждан на уровне значительно более низком против цен на мировом рынке, а это повлекло за собою то, что ее кредиты в зачет поставок угля для репараций оказались гораздо меньше, нежели его действительная стоимость. В течение года, закончившегося июнем 1921 года, средняя законная максимальная цена различных сортов угля равнялась приблизительно 270 марок за тонну, включая 20-процентный налог на цену¹⁾, что при тогдашнем курсе составляет приблизительно 20 шиллингов, т.-е. от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ британской цены этого времени. Падение курса марки осенью 1921 года еще более увеличило это несоответствие. Действительно, хотя цены на германский уголь в бумажных марках значительно повысились, а цены на британский уголь резко пали, изменение курса настолько опередило прочие факторы, что в ноябре 1921 года британский уголь приблизительно в три с половиной раза превосходил стоимостью лучший битуминовый уголь Рурской области. Таким образом не только германские железные заводчики оказались в выгодном положении сравнительно с их британскими конкурентами, но также бельгийская и французская индустрия переживала искусственное благополучие благодаря тому, что правительства этих стран получали уголь по очень низкой цене.

В этом вопросе германское правительство стоит перед дилеммой. Повышение налога на уголь представляет один из самых очевидных источников для увеличения налога; с точки зрения интересов казначейства такой налог был бы вдвойне благотворен, так как он соответствующим образом повысил бы также кредиты для репараций. С другой стороны, подобный проект встречает объединенное сопротивление двух социальных групп: промышленников, требующих дешевого угля для производства, и социалистов, требующих дешевого угля для домашнего потребления. С точки зрения доходов налог вероятно может быть повышен с 20% до 60%; но с точки зрения политики самое большее, чего можно ожидать в настоящее время, это повышения с 20% до 30%, при чем для домашнего потребления должны быть назначены льготные цены²⁾.

Я пользуюсь случаем, чтобы внести некоторые поправки или более подробные объяснения в те части моей книги *Экономические последствия Версальского мирного договора*, в которых говорится об угле.

1. Участь Верхней Силезии имеет огромное значение для некоторых выводов касательно угля, сделанных в главе IV вышеназванной

¹⁾ Этот весьма ценный налог, впервые введенный в 1917 г., принес 4½ миллиарда марок в 1920—21 годах.

²⁾ Правительство д-ра Вирта подготовляло законопроект о повышении налога до 30%, однако с правом понизить его размер временно до 25%. Было вычислено, что 30-процентный налог должен принести казне 9,2 миллиардов марок дохода.

31.03.59
208-119033

книги (см. русск. пер. стр. 38—41). В этой главе я писал, что германские правящие круги высказывают утверждение, правда, кое-чем оспариваемое, что, судя по результатам голосований на выборах, треть населения выскажется за Польшу, а две трети—за Германию»; это предположение оказалось почти точно совпадающим с действительным результатом плебисцита. Я настаивал также на том, что если только плебисцит не примет того характера, какого я не предвидел, то промышленные округа Силезии останутся за Германией. Однако, зная политические тенденции Франции, я не был уверен, что такой результат будет в действительности достигнут; поэтому я допускал в моих вычислениях, что Германия, может быть, и потеряет эти округа.

Согласно состоявшемуся решению союзников, действовавших с ведома и согласия Совета Лиги Наций, которому этот вопрос был представлен на усмотрение, о чем кратко говорилось выше (см. стр. 9—11), промышленный треугольник поделен между обоими претендентами. Прусское министерство торговли вычислило, что 86% всех угольных залежей Верхней Силезии отходят к Польше, а 14% остаются за Германией. При этом Германия удерживает несколько большую пропорцию ныне функционирующих копей, так что на долю Польши приходится 64% всей текущей добычи угля, а на долю Германии 36%¹⁾.

Таким образом цифра в 100.000.000 тонн, установленная в книге *Экономические последствия Версальского мирного договора*, для чистой добычи германского угля (т.-е. за вычетом из общего количества части, потребляемой в самих коях) в ближайшем будущем, *исключая* Верхнюю Силезию, следует заменить цифрой приблизительно в 115.000.000 тонн, *включая* ту часть этой провинции, которая ныне должна остаться за Германией.

2. Я позволяю себе также исправить одно место в примечании 4, на стр. 38 (русск. пер.) моей книги, которое может ввести в заблуждение. Я говорил там о «ежегодном довоенном спросе Польши» на уголь, тогда как следовало сказать «довоенный ежегодный спрос довоенной Польши». Ошибка была несущественна, так как в самом тексте этой страницы я высчитывал уменьшение спроса на уголь в Германии вследствие потери территории. Однако я признаю, что примечание в его редакции может привести к недоразумению. В то же время, я думаю, эта поправка гармонирует с общей точностью моей первой книги, предвзятые критики которой жадно придрались к опущению слов «до-

4) То же министерство вычисляет, что 85,6% всей добычи цинковой руды Верхней Силезии и все цинковые плавильные заводы отходят к Польше. Этот факт имеет известное значение, так как до войны В. Силезия давала 17% всего мирового запаса цинка. 63% железного и стального производства провинции тоже приходится на долю Польши. Я не имею возможности проверить эти цифры. Некоторые компетентные источники отводят на долю Польши более высокую пропорцию силезского угля.

военной» перед словом «Польша» в вышеупомянутом примечании. По поводу этого примечания возникла даже значительная литература. 20 января 1921 года Польский Сейм подверг это примечание обсуждению и анализу с патриотической точки зрения; дебаты закончились резолюцией опубликовать на счет государства для сведения всего мира на различных языках главную речь, произнесенную по этому поводу (депутата А. Верцлинского). Я приношу извинение за падение курса польской марки, за которое я, быть может, невольно должен нести ответственность. Депутат Верцлинский начинает так: «В печати появилась книга Кейнса... автора известного сочинения об Индии, этой жемчужине английской короны, о стране, которую англичане изучают с такой охотой. Труды об Индии в Англии могут доставить автору громкое имя...»—последние слова, впрочем, по отношению ко мне несколько неточны. В заключение Верцлинский говорит: «Но ведь и Англия должна верить фактам. И если Кейнс, коего книга проникнута духом человечности и сознанием необходимости подняться над эгоистическими интересами, если, говорю я, Кейнс на основании настоящих данных убедится, что он был неправ, что он внес путаницу в представления политических деятелей по вопросу о Верхней Силезии, тогда и у него откроются глаза, и он станет другом Польши, той Польши, которая должна сделаться активным фактором развития естественных богатств Силезии». Перед столь благосклонным и красноречивым критиком я чувствую обязательство привести цифры в исправленном виде; они таковы: польские земли, объединенные в силу мирного договора в новое польское государство, потребляли в 1913 году 19.445.000 тонн угля, из коих 8.989.000 тонн добывались внутри этих земель, а 7.370.000 тонн импортировались из Верхней Силезии (общая добыча Верхней Силезии в этом году равнялась 43.800.000 тонн¹⁾). Перед плебисцитом в Верхней Силезии и после него в обеих странах появилась обширная агитационная литература. По экономическим вопросам заслуживают внимания в особенности следующие произведения, написанные с польской точки зрения: Верцлинский «*Правда о Верхней Силезии*», Ольшевский «*Верхняя Силезия, ее влияние на платежеспособность и экономическую жизнь Германии*» и его же «*Экономическое значение Верхней Силезии для Польши и Германии*»; с германской точки зрения: Сидней Осборн «*Верхне-силезский вопрос и угольная проблема Германии*»; «*Проблема Верхней Силезии*» (документы различных авторов, не всегда стоящих на стороне Германии, с превосходной картой, изданной Сиднеем Осборном); различные памфлеты профессора Шульц-Гаверница и документы, изданные Бреславльской Торговой Палатой.

¹⁾ Эти цифры сообщены польскими авторитетами. Однако представляется затруднительным получить точные довоенные цифры для области, которая не граничила ни с одним из существовавших тогда государств; приведенные итоги были подвергнуты критике в деталях д-ром В. Шотте.

3. Мои соображения касательно способности Германии поставлять уголь в счет репараций встретили критику со стороны некоторых лиц¹⁾, при чем указывали, что я придаю недостаточно важное значение возможной для Германии замене недостающего каменного угля усиленной эксплуатацией ее залежей лигнита и бурого угля. Подобная критика мне не кажется вполне добросовестной потому, что в этом спорном вопросе именно я впервые обратил внимание на лигнит, как промышленный фактор; кроме того, я с самого начала подверг сомнению мнение экспертов по этому вопросу²⁾. Все же я и теперь считаю затруднительным указать, какое значение можно придавать этому продукту, так как взгляды экспертов на этот счет расходятся. Со времени перемирия наблюдается значительное увеличение его добычи: в первую половину 1921 года она повысилась на 36%, сравнительно с 1913 годом³⁾. Принимая во внимание острую нужду в угле, добыча лигнита должна была играть важную роль для выхода из затруднительного положения. Залежи его находятся близко от поверхности земли, а для его добывания не требуется большого капитала и оборудования. Однако лигнитный брикет может заменять уголь лишь для определенных целей, и действительность не позволяет утверждать, что дальнейшее существенное его применение экономически возможно⁴⁾.

Процесс брикетирования необработанного лигнита связан с расходами, и потому является сомнение, стоит ли заводить новое оборудование в целях производства в широком масштабе. Некоторые сведущие лица полагают, что будущее лигнита и его ценность в качестве

¹⁾ Сравни например мою полемику с Бренье в *Таймсе*.

²⁾ В *Экономических последствиях мирного договора* я писал, стр. 41, прим. 4 (русск. пер.): «В частности читатель должен знать, что вышеприведенное исчисление не принимает во внимание германское производство лигнита. Я не чувствую себя компетентным говорить о том, в какой мере потеря угля может быть пополнена расширенным потреблением лигнита или экономией в его теперешнем потреблении; но некоторые специалисты полагают, что Германия может получить значительные компенсации за свою потерю угля тем, что обратит больше внимания на залежи лигнита».

³⁾ Другими словами добыча в середине 1921 года выражалась в цифре приблизительно 120.000.000 тонн в течение года. В то время установленная максимальная цена равнялась 60 бумажным маркам за тонну (5 шиллингов или менее); таким образом национальный доход от производства, выраженный в деньгах, не представляет чего-либо значительного.

⁴⁾ Чтобы обеспечить увеличение добычи лигнита, количество углекопов было увеличено гораздо более, чем возросло пропорционально количество лигнита: вместо 59.000 работавших в 1913 г., в первой половине 1921 года работало 171.000 углекопов. В результате издержки производства лигнита возрастали гораздо быстрее, чем издержки производства угля. Таким образом выходит, что так как тепловорная способность лигнита на единицу веса значительно уступает тепловорной способности угля (даже если лигнит брикетирован), то он может конкурировать с углем лишь при условии покровительственного транспортного тарифа, да и то в ограниченной области по соседству с копами.

элемента будущего богатства Германии зависят от улучшения способов *дистилляции*, посредством которой различные масла, аммоний и бензин, содержащиеся в нем, могут быть добыты и применены для коммерческих целей. (Главное же препятствие для дистилляции, как и для иных применений лигнита, лежит в большом количестве содержащей им воды.)

Конечно к возможностям, открывающимся для лигнита в будущем, не должно относиться с пренебрежением. Однако в настоящее время замечается тенденция, подобно тому, как это было недавно с поташом, слишком преувеличивать его значение в качестве решающего фактора производительной способности Германии.

Экскурс II.

Вопрос о правомерности оккупации Германии к востоку от Рейна.

В 1920 и 21 годах происходили вторжения французской армии в часть Германии, лежащую к востоку от Рейна, а также высказывались угрозы таким вторжением. В марте 1920 года Франция, не дожидаясь согласия своих союзников, заняла Франкфурт и Дармштадт. В июле того же года угроза со стороны всех союзников в совокупности заставила Германию принять соглашение в Спа. В марте 1921 года такая же угроза не имела успеха и не заставила Германию подчиниться парижским решениям, вследствие чего Дуисбург, Рурорт и Дюссельдорф подверглись военной оккупации. Не взирая на протесты своих союзников, Франция продолжала эту оккупацию даже и тогда, когда первоначальное основание для нее исчезло благодаря подчинению Германии второму лондонскому ультиматуму; причиной этому послужило то, что маршал Фош признавал необходимым сохранить за собою эту добычу, пока вопрос о Верхней Силезии еще не был решен ¹⁾. В апреле 1921 года французское правительство выразило намерение занять Рур, однако, ему помешало давление со стороны прочих союзников. В мае этого же года второй лондонский ультиматум был принят Германией благодаря угрозе занять Рурский бассейн. Итак, в течение периода немного более, чем в один год пять раз угрожали вторжением в Германию по ту сторону Рейна, и дважды эта угроза была исполнена на деле.

¹⁾ На парижской конференции в августе 1921 года лорд Керзон тщетно пытался убедить Францию отказаться от этой незаконной оккупации. Так называемые «экономические санкции» были отменены 1 октября 1921 года. Оккупация все еще продолжается, несмотря на то, что оба вышеуказанные мотива ее уже исчезли.

Всем известно, что между нами и Германией существует мирное военное вторжение в страну во время мира есть факт необычайный, даже если она не в состоянии оказать сопротивление. Таким образом мы обязаны в силу нашей принадлежности к Лиге Наций воздерживаться от подобных действий. Тем не менее Франция, а иногда, видимо, и Британия претендуют, что согласно Версальскому договору такой образ действия до известной степени допустим всякий раз, как Германия на практике не выполняет какие-либо положения договора, другими словами, когда эти положения оказываются невыполнимыми буквально. В частности Франция в апреле 1921 года отстаивала ту точку зрения, что пока Германия располагает каким-либо имуществом, годным для репараций, это значит, что она умышленно уклоняется от исполнения своих обязательств, а в этом случае каждая союзная держава имеет право занимать и грабить ее территорию, не навлекая на себя обвинения в незаконных военных действиях. Месяцем раньше союзники все вместе ссылались на неисполнение Германией уже не статей, посвященных репарациям, а других статей договора, и тем самым оправдывали акт вторжения.

Хотя уважение к законности ныне вышло из моды, все же правовая сторона дела, поскольку она вытекает из договора, заслуживает тщательного рассмотрения.

Версальский договор особо предусматривает меры на случай нарушения Германией главы о репарациях. Он не содержит никаких специальных постановлений касательно нарушения прочих статей; поэтому такое нарушение создает то же положение, какое получилось бы при нарушении всякого другого договора. Соответственно этому я буду рассматривать особо случаи невыполнения репараций и случаи невыполнения иных статей договора.

Отделы 17 и 18 главы о репарациях в прибавлении II гласят:

«(17) В случае если Германия не выполнит какое-либо обязательство, заключающееся в этой части сего договора, комиссия тотчас сообщит о сем каждой из заинтересованных держав и даст те указания касательно мер, долженствующих быть принятыми вследствие упомянутого невыполнения, какие она признает нужными».

«(18) Меры, которые державы Союза и Согласия будут иметь право принять в случае умышленного уклонения Германии от обязательств, и которые она обязуется не рассматривать как акт войны, могут заключать в себе экономические запреты и репрессии и вообще такого рода иные акты, какие заинтересованным правительствам покажутся соответствующими обстоятельствам».

Существует еще одно постановление в статье 430 договора, в силу которого каждая часть оккупационной области после ее эвакуации может быть снова занята войсками, если Германия уклонится от обязательств касательно репараций.

Французское правительство в своих требованиях ссылается на слова в § 18: «и вообще такого рода иные акты» и пытается доказать, что они дают ей полную свободу действий. Однако общий смысл фразы, взятой в целом, согласно принципу *ejusdem generis* допускает единственное толкование, а именно, что под иными актами подразумеваются сходные с экономическими и финансовыми репрессиями. Этот вывод подтверждается тем, что остальная часть договора тесно ограничивает право занятия германской территории; как показывает книга Тардье, этот пункт был предметом резкого расхождения мнений Франции и ее союзников на мирной конференции. Никакого постановления относительно оккупации территории на правом берегу Рейна не существует, и единственное предписание оккупации в случае уклонения Германии от обязательств, это то, которое содержится в статье 430. Эта статья, предусматривающая вторичное занятие левого берега в случае невыполнения обязательств, была бы совершенно бессмысленной и праздною, если бы толкование Франции было правильно. В самом деле, теория, утверждающая, будто в любой момент в течение ближайших тридцати лет каждый из союзников может занять любую часть Германии на том основании, что она не выполнила каждую букву договора, в виду вышеназванной статьи, оказывается лишенной смысла.

Как бы то ни было §§ 17 и 18 приложения II главы о репарациях вступают в силу во всяком случае лишь после того, как была выполнена специальная процедура со стороны Репарационной комиссии. На ее обязанности лежит сделать сообщение каждой из заинтересованных держав, включая, конечно, и Соединенные Штаты, о допущенном Германией нарушении и затем рекомендовать надлежащие меры. Если нарушение окажется предумышленным—а кому судить об этом, в договоре не сказано—то вышеуказанные параграфы вступают в силу. Тут нет полномочия для самостоятельного выступления отдельного союзника. И в самом деле Репарационная комиссия ни разу не применила предписанную ей процедуру.

С другой стороны, если Германия обвиняется в неисполнении какой-либо другой главы договора, то в этом случае у союзников нет иного средства, кроме обращения к Лиге Наций; тогда они обязаны применить 17 статью Ковенанта, которая предусматривает случай спора между страной, состоящей членом Лиги, и страной, не принадлежащей к ней. Другими словами, оставляя в стороне вышеописанную процедуру Репарационной комиссии, нарушения или обвинения в нарушении настоящего договора должны рассматриваться как нарушения всякого иного договора между двумя державами, состоящими в мире между собою.

Согласно статье 17 в случае спора между членом Лиги и государством, к Лиге не принадлежащим, последнее «должно быть приглашено принять те обязательства по данному вопросу, которые ле-

жат на всех членах Лиги, на тех условиях, какие Совет Лиги признает нужными. Если это приглашение будет принято, то следует применение статей 12—16 включительно с теми изменениями, какие Совету заблагорассудится произвести. После отправки вышеуказанного приглашения Совет немедленно назначает расследование обстоятельств дела и рекомендует те меры, которые в данных условиях кажутся ему наилучшими и наиболее действительными».

Статьи от 12 по 16 рядом с другими вопросами содержат постановления касательно арбитража в случаях «споров по поводу толкования договора, по поводу всяких вопросов международного права, по поводу наличности какого-либо факта, который, если он будет доказан, представляет нарушение какого-либо международного обязательства; наконец, по поводу размеров и вида репараций, признаваемых необходимыми в качестве удовлетворения за подобное нарушение».

Таким образом союзники в силу подписания договора и Ковенанта, в случае действительного или предполагаемого нарушения договора со стороны Германии, не имеют абсолютно никакого права принимать какие-либо меры кроме тех, какие предусматриваются полномочиями, данными Репарационной комиссии, как они определены выше, или какие указаны в 17 статье Ковенанта. Все другие акты, предпринимаемые ими, должны считаться незаконными.

Во всяком случае, в силу статьи 17 на Совет Лиги возложена *обязанность* в случае спора между союзниками и Германией предложить ей подчиниться тем обязательствам, которым вообще подчинены члены Лиги по вопросам данного спора и произвести немедленное расследование обстоятельств спора.

По моему мнению, протест германского правительства, заявленный в Совет Лиги Наций в марте 1921 года, был вполне основателен. Однако, точно так же, как в вопросе о включении пенсий в счет репараций, мы приберегаем весь запас негодования на беззакония, допускаемые в отношениях наций между собою, для тех случаев, когда в них повинны другие. Я часто слышу, что возражать против этого значит не понимать «человеческого элемента» и тем самым поступать неправильно и безрассудно.

Г Л А В А III.

Платежное бремя лондонского соглашения.

Соглашение относительно репараций, сообщенное Германиею союзными державами 1 мая 1921 года и принятое ею несколькими днями позже, представляет окончательную схему, предусмотренную договором, в силу которой Германия в течение жизни двух ближайших поколений

должна ликвидировать свои обязательства ¹⁾. Эта схема не **выживет** долгое время. Однако она есть *fait accompli* настоящего момента и потому заслуживает рассмотрения ²⁾.

Соглашение распадается на три части, которые содержат: 1) постановление о выдаче обязательств (*bonds*), 2) постановления об учреждении в Берлине союзного Комитета гарантий и 3) постановления о непосредственных платежах наличностью и натурой.

1. Выдача обязательств (*bonds*).—Относящиеся сюда предписания представляют последний вариант подобных же предписаний самого договора. Министры финансов союзных держав ласкали себя (или своих избирателей) надеждой, что некоторая часть капитальной суммы, которую Германия должна выплатить союзникам, может быть получена сразу, путем продажи частным вкладчикам таких обязательств (*bonds*), которые будут обеспечены будущей уплатой репараций. Для этой цели необходимо, чтобы Германия выдала годные для продажи обязательства. Эти обязательства для Германии не являются каким-либо *дополнительным* платежным бременем. Они попросту представляют документ, дающий право на получение сумм, которые Германия, согласно другим условиям, должна ежегодно выплачивать Репарационной комиссии.

Преимущества, которые союзники извлекают из продажи этих обязательств на рынке, сами собою очевидны. Если бы им удалось сбыть с рук эти обязательства, то они переложили бы на чужие плечи риск потери вследствие несостоятельности Германии; они заинтересовали бы массу публики во всех странах в том, чтобы Германия не оказалась банкротом; наконец, они обеспечили бы для себя наличные деньги, в которых нуждаются их собственные бюджеты. Однако на деле эта надежда фантастична. Предположим, что соглашение достигнуто; в таком случае Германии, быть может, и удастся заключить международный заем на умеренную сумму, которая будет ограничена сообразно всеобщему мнению о ее минимальной платежеспособности. Но если на свете и есть вкладчики, готовые рискнуть, однако едва ли их найдется так много, чтобы в настоящий момент удалось разместить заем на очень большую сумму. Чтобы получить скромную сумму на Ньюйоркской бирже, Франции приходится в настоящее время платить около 10 процентов. Так как предполагаемые германские обязательства будут давать 5% интереса и 1% погашения, то необходимо уменьшить их курс до 57, для того, чтобы они могли давать 10%, включая выкуп. Поэтому

¹⁾ Предисловие констатирует, что соглашение «находится в соответствии с статьей 233 Версальского договора». Эта статья предписывает, что схема платежей должна предусматривать ликвидацию обязательств в течение *тридцати* лет, при чем неуплаченный остаток в конце этого периода будет «отсрочен» или вопрос о нем «определен иным образом». В настоящем соглашении первоначальное ограничение сроком в тридцать лет было однако опущено.

²⁾ Полный текст приведен ниже в приложении VП.

было бы сущим оптимизмом ожидать, что их можно будет продать дороже, чем за половину номинальной стоимости. Но даже и при такой возможности едва ли публика решится вложить в них значительную часть своих сбережений; таким образом, даже обязательства под литерой А, подробно определенные ниже, все в совокупности не найдут себе покупателей по этой цене. Сверх того, поскольку размер выпуска обязательств, предназначенных для продажи, преуказывается господствующим мнением о *минимальной* платежеспособности Германии, финансовый результат для союзной державы, продающей обязательства, окажется приблизительно таким же, какой получился бы в случае ее самостоятельного займа такого же размера. Таким образом, за исключением тех союзных держав, коих кредит стоит еще ниже кредита Германии, для остальных преимущества вышеуказанной операции, *сравнительно с заключением самостоятельного займа, не существенны* ¹⁾.

Итак, едва ли постановление об обязательствах может быть осуществлено на практике в деталях, и потому к этим деталям нельзя относиться серьезно. В сущности они представляют пережиток претензий эпохи мирной конференции. В общих чертах соглашение состоит в следующем.

Германия должна представить 12 миллиардов марок золотом (600.000.000 фунтов) в обязательствах под литерой А, 38 миллиардов (1.900.000.000 ф.) в обязательствах под литерой В и, наконец, остаток ее долга, оцениваемый предварительно в 82 миллиарда марок (4.100.000.000 фунтов), в обязательствах под литерой С. Все обязательства приносят 5% интереса и 1% автоматического погашения. Оплата по сериям А, В и С представляет первый, второй и третий последовательные платежи соответствующих сумм. Обязательства А считаются выданными Репарационной комиссии с 1 мая 1921 года, а обязательства В — с 1 ноября 1921 года; что же касается обязательств С, то они выпущены не будут (равно как и приносить процентов они пока не будут), кроме того случая, если Репарационная комиссия найдет, что платежи, производимые Германией в силу нового соглашения, допускают возможность их выпуска.

Необходимо указать, что оплата по обязательствам А обойдется Германии в 36.000.000 фунтов золотом ежегодно, каковую сумму она вполне в состоянии платить, тогда как оплата по обязательствам В обойдется ей в 114.000.000 фунтов золотом ежегодно, что составляет в итоге 150.000.000 фунтов. Эта сумма превосходит мою оценку платежеспособности Германии, однако, она не выше той цифры, какую указы-

¹⁾ Отдельная союзная держава (напр., Португалия) не имеет права потребовать свою долю обязательств, чтобы продать их по самой выгодной возможной цене. Согласно Версальскому договору (ч. VIII, прибавление II 13 в), вопросы, касающиеся продажи этих обязательств, могут быть решены только *единогласным* постановлением Репарационной комиссии.

вают некоторые беспристрастные и компетентные эксперты, определяя вероятную степень платежеспособности Германии. Кроме того необходимо указать, что совокупная номинальная стоимость обязательств А и В (2.500.000.000 фунтов золотом) соответствует той цифре, которую германское правительство в своих контр-предложениях, переданных через Соединенные Штаты, определило общий возможный итог своего долга. Весьма вероятно, что рано или поздно обязательства С будут не только отсрочены, но вовсе аннулированы.

2. Комитет гарантий.—Новая организация, которая должна постоянно функционировать в Берлине, по форме и рангу представляет отдел Репарационной комиссии (подкомиссию). Она составляется из делегатов тех союзных держав, которые имеют представительство в Репарационной комиссии, с присоединением делегата Соединенных Штатов, если эта страна согласится назначить такового ¹⁾. На нее возлагаются разнообразные обширные и неопределенные полномочия, присвоенные в силу мирного договора Репарационной комиссии и имеющие целью общий контроль над финансовой системой Германии. Однако каковы будут на практике и в деталях ее точные функции, это остается еще неясным.

Если судить по буквальному смыслу устава Комитета, то можно предвидеть, что его ожидают трудные и даже опасные функции. На имя Комитета должны быть открыты счета, на которые будут вноситься *в золоте или иностранной валюте* доходы с германских таможен, 26% выручки с германского экспорта и доходы, доставленные всякого рода иными налогами, которые могут быть введены в качестве «гарантий» уплаты репараций. Однако эти поступления будут притекать преимущественно в бумажных марках, а не в золоте или иностранной валюте. Если Комитет попытается регулировать перевод этих бумажных марок в иностранную валюту, то ему придется взять на себя ответственность за мероприятия Германии в целях поддержания заграничного курса марки, а в это дело ему благоразумнее было бы не вмешиваться. Если же он от этой попытки откажется, тогда неизвестно, что нового прибавляют «гарантии» к тем постановлениям, которые сбязывают Германию производить платежи в иностранной валюте.

Мне кажется, что единственная реальная и полезная цель, которой может послужить Комитет гарантий, заключается в том, что, будучи отделением Репарационной комиссии *в Берлине*, он окажется весьма необходимым ее помощником; что же касается «гарантий», то они представляют еще одно из требований, которые во всех этих соглашениях перепутывают политические соображения с финансовыми. В особенности во Франции принято толковать о «гарантиях», подраз-

¹⁾ Комитет должен кооптировать в свой состав представителей нейтральных стран, если достаточное количество обязательств, дающее право на представительство, будет продано на биржах этих нейтральных стран.

умевая под ними, повидимому, какой-то способ осуществить неосуществимые вещи. «Гарантия» есть нечто иное, нежели «санкция». Когда Бриана обвиняют за проявленную им слабость на второй лондонской конференции, за отказ от «реальных гарантий» для Франции, он может в свое оправдание сослаться на соответствующие постановления, указанные выше. Он может указать на то, что вторая лондонская конференция не только создала Комитет гарантий, но также в качестве новой и добавочной гарантии избрала германские таможи. На такое утверждение не может быть ответа! ¹⁾

3. Постановление о платежах монетой и натурой.—Обязательства и гарантии, это—только аппарат для того, чтобы околдовать публику. Мы подходим теперь к серьезной части соглашения, а именно: к постановлениям, определяющим платежи.

Германия, вплоть до погашения ее долга, должна ежегодно платить:

1) Два миллиарда марок в золоте ²⁾.

2) Сумму, равную 26% ценности германского экспорта, либо соответствующий ей эквивалент, фиксированный, исходя из иного основания (а не экспорта), при чем это основание предлагается Германией и принимается комиссией.

Платежи категории 1 вносятся по четвертям года в каждое 15 число января, апреля, июля и октября ежегодно; платежи категории 2—тоже по четвертям года в каждое 15 число февраля, мая, августа и ноября ежегодно.

Эта сумма, вычисленная на основании разумной оценки будущего экспорта Германии, значительно ниже, чем первоначальные требования договора. Все платежные обязательства Германии определяются договором в 138 миллиардов марок золотом (включая сюда выплату бельгийского долга). Считая 1% интереса и 1% погашения, ежегодный взнос с этой суммы долга равняется 8,28 миллиардов марок золотом. При вышеуказанной новой схеме нужно, чтобы экспорт Германии повы-

¹⁾ Такой ответ является вполне подходящим для депутатов вроде Форжо. Когда фанатик или ребенок требует невинную и безобидную вещь, то и отвечать ему нужно такой же невинной и безобидной вещью; пускаться в непонятные для него объяснения бесполезно. В этом заключается традиционная мудрость государственных людей и няnek.

²⁾ Обязательства Германии целиком фиксированы в золотых марках. Ценность золота в стерлингах, вообще говоря, колеблется в зависимости от соотношения курсов доллара и стерлинга. Нижеследующая таблица дает возможность марки переводить на стерлинги:

При стоимости стерлинга в	Цена 2.000 марок золотом в
долларах	стерлингах
4,52	110 фунтов
4,14	120 " "
3,82	130 " "
3,35	140 " "

сился до невероятной цифры в 24 миллиарда марок золотом, и только тогда процентное отчисление с него дает сумму, равную определенной в договоре. Как мы увидим дальше, платежное бремя, возлагаемое на нее новым соглашением, в ближайшем будущем, вероятно, окажется равным лишь половине этой суммы.

Требования договора сокращены еще в одном весьма важном отношении. Договор содержал одно разрушительное для Германии предписание, в силу которого та часть номинального обязательства Германии, по которой в первые годы она не могла уплачивать процентов, должна была расти по сложным процентам¹⁾. Новая схема такого предписания не содержит; обязательства С не должны приносить процентов, пока доходы с Германии не обеспечат возможности приступить к выпуску этих обязательств; единственная оговорка в новой схеме, касающаяся процентов за прежнее время, предусматривает уплату *простых* процентов в том случае, если доходы с Германии дадут необходимый для этого излишек.

Чтобы понять, какой крупный шаг вперед представляет это лондонское соглашение, нам надо мысленно вернуться к тем идеям, которые являлись господствующими немного времени раньше. В этом отношении представляет большой интерес приводимая ниже таблица; чтобы свести к общей основе сравнения капитальную сумму долга и ежегодные платежи, я заменил в ней оценки в форме капитальных сумм ежегодными шестипроцентными взносами с этих сумм.

Оценки:	В ежегодных взносах, выраженных в миллиардах марок.
1. Лорда Кенлиффа и цифры, фигурировавшие на общих британских выборах 1918 года ²⁾	28,8
2. Клоца, предположительно представленная французской Палате 5 сентября 1919 года	18
3. Оценка Репарационной комиссии в апреле 1921 г.	8,28
4. Лондонского соглашения в мае 1921 года	4,6 ³⁾

Оценка, сделанная мною в книге *Экономические последствия Версальского мирного договора* (вышедшей в 1919), а именно в 2 миллиарда, приблизительно совпадает по времени с оценкой Клоца в 18 миллиардов. Тардье напоминает, что когда мирная конференция рассматривала вопрос, следует ли назвать в договоре определенную цифру, то самая низкая цифра, на которую соглашались английский и французский

¹⁾ О значении этого предписания я говорил в книге „*Экономические последствия Версальского мирного договора*“ (русск. пер.), стр. 75.

²⁾ Ср. Baruch, *The Making of the Reparation and Economic Sections of the Treaty*, p. 46 и Lamont, *What really happened at Paris*, p. 275.

³⁾ Предполагая германский экспорт равным 10 миллиардам, что вдвое превосходит его цифру в 1920 году.

премьеры, уступая давлению со стороны американских делегатов и идя на компромисс, равнялась ежегодному платежу 10,8 миллиардов¹⁾; эта цифра почти в два с половиною раза выше той, которую они приняли спустя два года под давлением уже не американцев, но реальных фактов.

Лондонское соглашение содержало еще одну черту, которая делала его приемлемым для людей, склонных к умеренности. Сроки платежа были распределены таким образом, что платежное бремя, возлагаемое на Германию, в течение первых лет давило на нее меньше. Репарационный год всякий раз начинается 1 мая и истекает 30 апреля; однако в период от 1 мая 1921 года и до 30 апреля 1922 года Германия должна сделать не четыре, а только два четвертных процентных взноса с ее экспорта.

Итак, нет ничего удивительного в том, что это соглашение, столь разумное по сравнению со всеми предшествовавшими ему требованиями, нашло себе всеобщее одобрение и благосклонный прием, как реальное и длительное разрешение вопроса. Тем не менее, вопреки его значению для текущего момента, для которого оно дает гарантию мира, доставляет возможность передышки и представляет отказ от сумасбродных надежд, все же его нельзя считать длительным разрешением. Подобно своим antecedентам, оно есть только временная мера, которая нуждается в улучшениях.

Чтобы вычислить возлагаемое им на Германию платежное бремя, необходимо определить ценность ее экспорта. В 1920 году она доходила приблизительно до 5 миллиардов марок золотом. В 1921 году размеры экспорта будут больше; однако, это обстоятельство компенсируется тем, что цены в золоте понизились до двух третей, сравнительно с 1920 годом, и даже несколько больше; таким образом для года, начинающегося 1 мая 1921 года, будет совершенно достаточно предположить цифру от 4 до 5 миллиардов марок золотом²⁾. Само собою разумеется, произвести точную оценку для следующих годов невозможно. Цифры экспорта определятся в зависимости не только от восстановления Германии, но также от состояния международной торговли вообще и в особенности от уровня цен в золоте³⁾. Если уж мы должны притти к

¹⁾ Ср. *The Truth about the Treaty*, p. 305.

²⁾ Экспорт в течение шести месяцев от мая по октябрь 1921 год был оценен приблизительно в 40 миллиардов бумажных марок (повидимому, исключая поставки угля и платежи натурой союзникам), а импорт — в 53 миллиарда бумажных марок. Если ежемесячные цифры экспорта мы переведем в золотые марки по среднему курсу соответствующего месяца, то получим экспорт за шесть месяцев, равный около 1.865 миллионам марок золотом, что для всего года даст цифру несколько менее 4 миллиардов.

³⁾ В *Экономических последствиях Версальского мирного договора* (русск. пер., стр. 93) я исходил из предположения, что мои оценки основываются на цене денег

определенной цифре для ближайших двух или трех лет, то, по моему мнению, наиболее правильной будет цифра от 6 до 10 миллиардов.

Двадцать шесть процентов экспорта, оцененного в 6 миллиардов марок золотом, дадут около $1\frac{1}{2}$ миллиарда марок золотом, что вместе с фиксированным ежегодным платежом в 2 миллиарда составит сумму в $3\frac{1}{2}$ миллиарда. Если экспорт возрастет до 10 миллиардов, то соответственно и общий платеж повысится до $4\frac{1}{2}$ миллиардов. Сумма платежей ближайшего будущего выразится в нижеследующей таблице, в которой все цифры даны в миллиардах марок золотом. В столбцах платежей после 1 мая 1922 года я даю двойное вычисление, предполагая в первом столбце экспорт равным 6 миллиардам, а во втором— 10 миллиардам.

	1921—22 гг. (Экспорт=4 мил- лиардам.)	1922—23 и след. г. (экспорт=6 мил- лиардам.)	1922—23 и след. г. (экспорт=10 мил- лиардам.)
25 мая	1.00	0,39	0,65
15 июля		0,50	0,50
15 августа		0,39	0,65
15 октября		0,50	0,50
15 ноября	0,26	0,39	0,65
15 января	0,50	0,50	0,50
15 февраля	0,26	0,39	0,65
15 апреля	0,50	0,50	0,50
Итого	2,52	3,56	4,60
Эквиваленты в фунтах стер- лингов при курсе ¹⁾ 4 дол- лара за 1 ф. стерл.	156.000.000 фунт.	221.000.000 фунт.	286.000.000 фунт.

не слишком отличной от существовавшей в то время. С тех пор цены поднялись и затем снова упали. Та же оговорка необходима и при настоящей оценке. Было бы гораздо правильнее с практической точки зрения, если бы, фиксируя долг Германии в деньгах на много лет вперед, приняли бы меры в целях согласования действительного платежного бремени с колебаниями цены денег в течение периода выплаты.

¹⁾ Я привожу это отношение как круглую цифру, а не как предсказание будущего курса доллара. Необходимое согласование, сообразно нынешнему курсу, можно сделать с помощью указаний, сделанных выше на стр. 41.

Все эти суммы не должны быть уплачиваемы Германией непременно в монете; ценность ее поставок натурой заносится на ее кредит в счет этих платежей. Эта статья была исчислена в сумме от 1,2 до 1,4 миллиарда марок ежегодно. В этом отношении окончательный результат будет зависеть главным образом: 1) от количества и стоимости поставляемого угля и 2) от успеха переговоров между Францией и Германией касательно доставки ею материалов для восстановления опустошенных областей. Стоимость угольных поставок зависит от факторов, уже рассмотренных выше на стр. 29 и 30, при чем *цена* на уголь определяется, главным образом, ценой, существующей внутри Германии. При цене угля 20 марок золотом за тонну и при размере поставок в 2.000.000 тонн в месяц (при чем очевидно, что ни та, ни другая цифра не будут ни превзойдены, ни даже достигнуты в ближайшем будущем), уголь даст Германии кредит в 0,48 миллиардов марок золотом. В соглашении Лусера и Ратенау ¹⁾ ценность поставок натурой для Франции, включая уголь, в течение ближайших пяти лет была определена в возможном итоге в 1,4 миллиарда марок золотом ежегодно. Если Франция получит 0,4 миллиарда золотых марок углем, то не более 35% остатка будут кредитованы по счету репараций. Если это будет осуществлено, то общее количество поставок натурой может достигнуть одного миллиарда. Однако вследствие различных причин эта цифра вряд ли будет достигнута, так что если поставка угля и восстановление опустошенных областей дадут 0,75 миллиардов ежегодно, то такой результат надо считать весьма удовлетворительным.

Что касается раскладки платежей, то она произведена таким образом, что выплата их в течение 1921 г. не представит никаких неодолимых трудностей для Германии. Взнос, падающий на 31 авг. 1921 г. (который не превышал сумму, предложенную самой Германией к немедленной уплате в ее апрельском контр-предложении), был надлежащим образом уплачен ею частью из иностранных излишков по ее расчетному балансу, образовавшихся к 1 мая того же года, частью выручкой от продажи бумажных марок на заграничных биржах, частью из временных авансов, сделанных ей международной группой банкиров. Взнос 15 ноября 1921 г. был покрыт стоимостью поставок угля и иных материалов, произведенных после 1 мая сего же года. Даже взносы 15 января и 15 февраля 1922 года могут быть выплачены из дальнейших поставок, временных авансов и иностранной собственности германских промышленников, если только Германии удастся получить их в свое распоряжение. Но уже платеж 15 апреля 1922 года должен представить больше затруднений, а за ним быстро следуют дальнейшие взносы каждое 15 число мая, июля и августа. Между февралем и августом 1922 года наступит момент, когда Германия окажется

¹⁾ См. экскурс III.

не в состоянии платить. Вот как выясняется максимальный вышеуказанного момента передышки ¹⁾.

Таков должен оказаться этот предел, поскольку для своих платежей Германия зависит от своего текущего дохода (а это еще долго не может быть иначе). Если в ее распоряжении окажется капитал или чрезвычайные доходы, то эти заключения потребуют соответствующих изменений. Германия еще обладает значительным нетронутым капиталом в виде собственности ее граждан, ныне секвестрованной и находящейся в руках хранителей собственности враждебных держав (Enemy-Property Custodian) в Соединенных Штатах; ценность этого капитала несколько превышает 1 миллиард марок золотом. Если бы прямо или косвенно Германия могла располагать им для уплаты репараций, то и момент ее несостоятельности был бы соответственным образом отсрочен ²⁾. Равным образом, предоставление Германии иностранных кредитов в крупных размерах, даже трехмесячных кредитов со стороны банкиров под обеспечение золотого запаса Рейхбанка, могло бы отсрочить этот момент на некоторое время; на долгий же срок и такая помощь оказалась бы бесполезна.

Придя к такому заключению, можно рассматривать стоящую перед Германией проблему с трех точек зрения: 1) как проблему расплаты вне самой Германии, другими словами, как проблему экспорта и торгового баланса; 2) как проблему расплаты посредством налогового обложения, т. - е. как проблему бюджета; 3) как пропорцию требуемых с Германии сумм ко всему ее национальному доходу. Я рассмотрю их поочередно, ограничиваясь тем, чего можно ожидать от Германии в

¹⁾ Впервые я высказал печатно это предсказание в августе 1921 года. В момент сдачи в печать этой книги германское правительство уведомило Репарационную комиссию (15 декабря 1921 года), что, ввиду неудачи его попытки получить иностранный заем, оно не может найти, кроме поставок угля, более 150 или 200 миллионов марок золотом для покрытия январского и февральского взносов 1922 года.

²⁾ Соединенные Штаты имеют право удержать и ликвидировать всю собственность, права и доходы, принадлежащие германским гражданам и находящиеся внутри территории колоний и possessions Соединенных Штатов 10 января 1920 года. Средства, вырученные от этой ликвидации, поступают в распоряжение Соединенных Штатов «сообразно их законам и распоряжениям», другими словами, в распоряжение Конгресса в пределах, указанных конституцией, и могут быть использованы им тремя следующими способами: 1) имущества, о которых идет речь, могут быть возвращены их первоначальным владельцам; 2) они могут быть употреблены для удовлетворения претензий граждан Соединенных Штатов, относящихся к их собственности, правам и доходам внутри германской территории, или уплаты им долгов, лежащих на германских гражданах, или, наконец, для удовлетворения претензий, вытекающих из действий германского правительства, имевших место после вступления Соединенных Штатов в войну, а также подобных же претензий американцев к тем союзникам Германии, с которыми Соединенные Штаты вели войну; 3) они могут быть переданы Репарационной комиссии для зачисления на кредит Германии.

ближайшем будущем в смысле выполнения обязательств, и не касаясь того, что она могла бы совершить в гипотетических обстоятельствах много лет спустя.

1) Для того, чтобы Германия могла произвести платежи за границу, необходимо не только, чтобы она могла вывозить товары, но чтобы ее экспорт несколько превышал импорт. В 1920 году, в последнем законченном году, для которого у нас имеются цифры, в этом отношении не только нет превышения, но, напротив, есть дефицит, так как экспорт оценивается около 5 миллиардов марок золотом, а импорт—в 5,4 миллиарда. Насколько нам известны цифры 1921 года, они указывают не на улучшение, но на ухудшение. Легенда о том, будто бы Германия непрерывно ведет обширную и все растущую вывозную торговлю, распространилась так широко, что весьма нелишним будет привести здесь действительные цифры за шесть месяцев от мая по октябрь 1921 года с переводом их на золотые марки:

	Миллионы в бумажных марках.		Миллионы в золотых марках ¹⁾ .		
	Импорт.	Экспорт.	Импорт.	Экспорт.	Превыше- ние импор- та.
1921 г. май	5,487	4,512	374,4	307,9	66,5
„ июнь	6,409	5,433	388,8	329,7	59,1
„ июль	7,580	6,208	413,7	338,7	75,0
„ август	9,418	6,684	477,2	334,8	142,4
„ сентябрь	10,668	7,519	436,6	307,7	128,9
„ октябрь ²⁾	13,900	9,700	852,6	246,0	106,6
Итого за шесть мес.	53,462	40,056	2443,3	1864,8	578,5

В течение этих шести месяцев Германия должна внести фиксированный платеж в 1000 миллионов марок золотом, плюс 26% с экспорта, определенного выше, т.е. 484,8 миллиона марок золотом, что составит в сумме 1484,8 миллиона марок золотом, а это равняется около 80% ее экспорта; а между тем, помимо всяких платежей по репарациям, от своей вывозной торговли она уже получила *дефицит* более, чем в 1 миллиард марок золотом за год. Большая часть импортируемых

¹⁾ Перевод бумажных марок на золотые здесь основан на следующем отношении: 100 золотым маркам соответствовало бумажных марок в мае—1465,5, в июне—1647,9, в июле—1832, в августе—1996,4, в сентябре—2443,2, в октябре—3942,6.

²⁾ Цифры предварительные.

ею товаров необходимы либо для ее индустрии, либо для продовольствия страны. Ясно поэтому, что при экспорте, равном, скажем, 6 миллиардам, она не сможет настолько сократить свой импорт, чтобы получить излишек в $3\frac{1}{2}$ миллиарда, т.-е. цифру, необходимую для уплаты репараций. С другой стороны, если бы можно было повысить ее экспорт до 10 миллиардов, то и по репарациям ей пришлось бы платить 4,6 миллиарда. Итак, чтобы выполнить свои обязательства, Германия должна удвоить ценность экспорта в золоте, сравнительно с 1920 и 1921 годами, без какого бы то ни было повышения своего импорта.

Я не хочу сказать, что такое положение невозможно, если принять во внимание время и чрезвычайные побудительные мотивы, а также если рассчитывать на деятельную помощь союзников германской экспортной промышленности; однако выполнимы ли и вероятны ли подобные условия при настоящем положении дела? Если бы Германия добилась успеха, разве наши собственные промышленники не сочли бы ее последним и окончательным преступлением это широкое развитие экспорта, не уравновешенное импортом? Что это так бы именно и случилось, даже при существовании лондонского соглашения 1921 г. это показывает сумасбродная игра цифрами, которые приводили на общих выборах 1918 года, и которые были в шесть раз выше.

2) Теперь обратимся к проблеме бюджета. Дело в том, что репарационные платежи представляют обязательство германского правительства, и они должны быть покрыты налогами. Здесь нам необходимо прибегнуть к предположению касательно отношения, существующего между марками золотой и бумажной. Ведь в то время, как обязательство фиксировано в золотых марках, государственные доходы (или большая часть их) поступают в бумажных марках. Отношение между теми и другими подвержено колебаниям, которые лучше всего определяются курсом бумажных марок в американских золотых долларах. Эти колебания имеют больше значения в пределах коротких периодов, чем на большом пространстве времени. Причина этому в том, что в большом промежутке времени все цены в Германии, включая сюда также и доход с налогов, стремятся приспособиться к повышению или понижению курса бумажной марки вне Германии. Однако этот процесс совершается очень медленно, и в период, совпадающий с годовым бюджетом, непредвиденные колебания в соотношении золотой и бумажной марки могут целиком опрокинуть финансовые мероприятия германского казначейства.

Такое расстройство, несомненно, наступило в беспрецедентных размерах во второй половине 1921 года. Обложение в форме бумажных марок, которое было тяжким, когда фунт стерлингов стоил 200 бумажных марок, стало совершенно несоответствующим, когда фунт сделался равен 1000 бумажных марок; но быстро приспособить обложение к такой ситуации не в силах никакой министр финансов. Прежде всего, когда

падение внешнего курса марки происходит быстро, то соответствующее падение ее внутренней ценности значительно отстает. Раньше чем совершится взаимное приспособление той и другой цены, что может взять много времени до окончательного завершения процесса, налоговая платежеспособность страны, измеряемая в золоте, становится значительно меньше, чем ранее. Но даже и в этом случае должно пройти некоторое время, прежде чем ценность в золоте налогового сбора, могущего поступать в форме бумажных марок, сможет достигнуть прежнего уровня. Опыт департамента внутренних доходов Британии (British Inland Revenue Department) ясно показывает, что поступления прямого обложения должны в широкой мере зависеть от налогового базиса *предшествующего* периода.

В силу вышеуказанных причин, если кризис курса марки окажется длительным, то он приведет к непоправимому расстройству бюджета 1921—22 года, а вероятно также и бюджета первой половины 1922—23 года. Однако мои аргументы оказались бы преувеличенными, если бы я строил мои заключения на цифрах конца 1921 года. Марка словно тонет в зыбучем песке, и при таком положении для определенной аргументации трудно найти твердую точку опоры.

В течение лета 1921 года золотая марка в круглых цифрах соответствовала 20 бумажным. Внутренняя покупательная сила бумажной марки для продуктов питания рабочего класса превосходила почти вдвое ее стоимость за границей, так что тут едва ли можно говорить об установившемся равновесии. И тем не менее это положение можно назвать устойчивым по сравнению с тем, во что оно превратилось впоследствии. К моменту, когда я пишу эти строки (декабрь 1921 года) золотая марка пережила колебания между 45 и 60 бумажными марками, а покупательная сила бумажной марки внутри Германии для наиболее распространенных товаров пожалуй втрое превышает ее силу за пределами страны.

Так как мои цифры государственных доходов и расходов основаны на отчетах лета 1921 года, то быть может всего правильнее с моей стороны будет взять отношение бумажной и золотой марки, равное 20 к одному. В этом случае мой аргумент выйдет скорее преуменьшенным, нежели преувеличенным. Читатель должен помнить, что если курс марки останется на его нынешнем уровне настолько долго, что внутренние цены успеют приспособиться к нему, то все статьи в нижеследующем счете, доход, расходы и дефицит, будут стремиться к тому, чтобы их цифры утроились.

При указанном соотношении (20 бумажных марок=1 золотой)т возлагаемые на Германию репарационные платежи в $3\frac{1}{2}$ миллиарда золотых марок (принимая экспорт равным 6 миллиардам) соответствуют, 70 миллиардам бумажных марок, а платежи в $4\frac{1}{2}$ миллиарда (исходя из экспорта, равного 10 миллиардам) соответствуют 90 миллиардам бу-

мажных марок. Германская бюджетная смета на финансовый год от 1 апреля 1921 года до 31 марта 1922 года предусматривала 93,5 миллиардов расходов, не считая репарационных платежей и 59 миллиардов доходов ¹⁾. Итак только уплата репараций должна поглотить сумму большую, чем все наличные доходы. Нет сомнения, что расходы могут быть сокращены, а доходы несколько повышены. Тем не менее бюджет не покрывает даже меньшую из приведенных выше цифр репарации, если расходы не будут сокращены наполовину, а доходы увеличены вдвое ²⁾.

Если германский бюджет на 1922—23 год удастся свести без дефицита *помимо* каких-либо оплат репараций, это явится признаком энергичного напряжения и значительного успеха. Однако не говоря уже о технических финансовых трудностях, мы имеем здесь еще политическую и социальную стороны вопроса, которые заслуживают внимания. Союзники ведут дела с установленным германским правительством, заключают с ним сделки и наблюдают за тем, чтобы они были выполнены. Союзники не получают платежей с отдельных немцев непосредственно; они оказывают давление на нечто преходящее и абстрактное, именуемое германским правительством, и предоставляют ему определять, кто и сколько должен платить, а также добиваться этой уплаты. Так как

¹⁾ Баланс обыкновенных расходов и обыкновенных доходов сведен в 48,48 миллиарда бумажных марок. Чрезвычайные расходы доходили до 59,68 миллиарда, что составляет общую сумму расходов в 108,16 миллиарда, однако в эту сумму включены разные статьи репараций на 14,6 миллиарда; эти статьи однако подлежат оплате до 1-го мая 1921 года и не относятся к платежам, определяемым лондонским соглашением; чтобы избежать путаницы, я вычел их из сделанного выше исчисления расходов. Чрезвычайные доходы исчислены в 10,5 миллиарда, что дает общую сумму доходов в 58,98 миллиарда.

²⁾ До сих пор я не принимал во внимание издержек на оккупационную армию, которые согласно букве договора Германия обязана оплачивать в добавление к суммам, идущим на репарации в собственном смысле. Так как оплата этих издержек имеет первенство перед оплатой репараций, так как далее лондонское соглашение ничего не говорит о них, то я думаю, Германия обязана оплачивать их по мере их возрастания, как добавление к ежегодным взносам, фиксированным в лондонском соглашении. Однако я сомневаюсь в том, чтобы союзники в самом деле намеревались их потребовать. До сих пор издержки на содержание армий были столь велики, что они должны бы поглотить всю сумму полученных с Германии (см. ниже экскурс V); в середине 1921 года они дошли приблизительно до 200.000.000 фунтов. Во всяком случае теперь наступило время, когда должно войти в силу соглашение, подписанное в 1919 году в Париже Клемансо, Ллойд Джорджем и Вильсоном; в силу этого соглашения сумма, ежегодно подлежащая уплате Германией на издержки оккупации, должна быть сведена к 240.000.000 марок золотом, коль скоро союзники, „придут к убеждению, что условия разоружения выполняются Германией удовлетворительно“. Если мы предположим, что эта уменьшенная цифра приводится в исполнение, как этому и надлежит быть, то все платежное бремя, лежащее на Германии по репарациям и оккупации, исходя из более низкой цифры экспорта, суммируется в 3,8 миллиарда золотых марок, что составляет 76 миллиардов бумажных марок.

в настоящее время германский бюджет далек от равновесия, даже если бы Германии вовсе не приходилось платить по репарациям, то следует открыто признать, что до сих пор не было сделано даже попытки разрешить проблему касательно того, каким образом платежное бремя должно быть распределено между различными классами и интересами.

А ведь это—основная проблема. Платеж представляется совсем в ином виде, если мы не выражаем его в миллиардах, как обязательство, лежащее на некой преходящей абстракции (т.-е. правительстве), а превращаем в требование определенной суммы, предъявляемое к живому индивидууму. Этот момент еще не достигнут, но пока он не достигнут, вся внутренняя трудность проблемы еще не вышла за порог сознания. Дело в том, что именно в этот момент борьба перестает быть состязанием между союзниками и германским правительством и становится борьбой между различными группами и классами немцев. Она должна быть жестокой и бурной, ибо она ведется между противоположными интересами и представляет вопрос жизни и смерти, в нее впутаны самые могущественные влияния и мотивы личного интереса и самозащиты. Друг против друга стоят непримиримые понятия о цели и природе человеческого общества. И всякое правительство, которое попытается на деле выполнить свои обязательства по репарациям, неминуемо потеряет свою власть.

3) Теперь рассмотрим вопрос, в каком отношении требования репараций стоят к третьему мерилу платежеспособности Германии, а именно к теперешнему доходу германского народа? Платежное бремя в 70 миллиардов бумажных марок (принимая предварительно эту цифру, как основу вычисления) для населения страны приблизительно в 60 миллионов, дает 1170 марок на человека, считая всех мужчин, женщин и детей.

Огромные перемены в ценах денег, происшедшие повсюду, делают весьма затруднительными оценки национального дохода в деньгах при новых условиях. Брюссельская конференция 1920 года на основании анкет 1919-го и начала 1920-го годов оценила доход Германии в 3900 бумажных марок на человека. Эта цифра была повидимому слишком низка даже для своего времени, а при дальнейшем понижении стоимости марки она и подавно чрезмерно низка для настоящего момента. Один автор в газете *Deutsche Allgemeine Zeitung* (от 14-го февраля 1921 г.), основываясь на статистике налога на жалованье и доходы, установил цифру в 2333 марки на человека. Эта цифра тоже должна быть признана слишком низкой, отчасти потому что статистика относится главным образом к более раннему времени, когда марка еще не была так обесценена, отчасти же потому что все такие статистические данные по необходимости страдают неполнотою, благодаря уклонениям плательщиков от налога. В обратную крайность впадает исчисление д-ра Альберта Ланс-

бурга (*Die Bank*, март 1921 г.), который определяет доход в 6570 марок на человека ¹⁾. Другая недавняя оценка сделана д-ром Артуром Гейхеном в газете *Pester Lloyd* (5 июля 1921 г.); он кладет 4450 марок на человека. В статье, напечатанной в различных журналах в августе 1921 года, я счел возможным остановиться на цифре в 5000 марок, как наиболее близкой к истине. Высказываясь за эту цифру, я принимал во внимание как вышеприведенные оценки, так и статистические данные касательно общего уровня заработной платы и жалованья. С тех пор я подверг этот вопрос дальнейшему рассмотрению и продолжаю думать, что эта цифра достаточно высока для того времени.

Мой вывод подтверждается результатами анкеты, которую я адресовал д-ру Морицу Эльзасу в Франкфурте-на-Майне; на его авторитет и опираются приводимые ниже цифры. Наиболее известная оценка довоенного дохода Германии находится в книге Гельфериха *Deutschlands Volkswohlstand 1888—1913*. В этой книге он определяет национальный доход 1913 года в 40,41 миллиарда марок золотом, плюс $2\frac{1}{2}$ миллиарда чистого дохода с государственных предприятий (железные дороги, почта и проч.), т.-е. в общем итоге 43 миллиарда или 642 марки на человека. Исходя из цифры в 41 миллиард (поскольку государственные предприятия более не приносят дохода) и вычитая 15% на потерю территории, мы получаем цифру в 34,85 миллиарда. Какой множитель должны мы взять, чтобы получить нынешнюю цифру дохода, выраженную в бумажных марках? В 1920 году коммерческие служащие получали средний доход в бумажных марках в $4\frac{1}{2}$ раза превышающий их доход до войны; в то же время рабочие добились повышения жалованья на 50% большего, нежели повышение торговых служащих, так что их доход от 6 до 8 раз превосходит довоенный. По данным Государственного департамента статистики (*Statistisches Reichsamt* см. *Wirtschaft und Statistik*, вып. 4, год I) в начале 1921 года коммерческие служащие получали: мужчины в $6\frac{2}{3}$, а женщины в 10 раз больше сравнительно с 1913 годом ²⁾. Основываясь на той же пропорции, как в 1920 году, для рабочих мы устанавливаем десятикратное повышение номинального заработка. Августовский номер газеты *Frankfurter Zeitung* (1921 года), содержащий указатель цифр жалованья, оценивает часовую оплату труда в 11 раз против ее довоенного уровня; но так как количество рабочих часов сократилось с девяти до восьми, то нынеш-

¹⁾ „Эта оценка берет за основу среднее месячное жалованье приблизительно в 800 бумажных марок для мужчины и в 400 марок для женщины“. Превращая эти цифры в золото, по расчету 12 бумажных марок за одну золотую, он получает общую сумму национального дохода, равную от 30 до 34 миллиардов золотых марок. Трудно понять, каким образом принятые им цифры жалованья, даже допуская их точность, могут дать столь крупный итог.

²⁾ В германской торговле занято вдвое большее количество мужчин, чем женщин.

ний заработок увеличился в действительности в 8,8 раз. Ввиду того, что жалованье торговых служащих мужского пола повысилось менее, чем заработок рабочих, далее, ввиду того, что доходы с предприятий, выраженные в бумажных марках, достигают этой степени повышения только в исключительных случаях, а доходы ратье, землевладельцев и лиц свободных профессий возросли в гораздо меньших размерах, то восьмикратное повышение национального дохода всей страны в целом для августа месяца 1921 года следует признать скорее преувеличенной, чем преуменьшенной оценкой. Таким образом мы приходим к заключению, что общий национальный доход, исчисленный на основе довоенных цифр Гельфериха, в августе 1920 года равняется 278,80 миллиарда бумажных марок, что дает 4647 марок на человека.

В этом исчислении мы не делаем вычета для военных потерь взрослыми людьми, для потерь заграничного дохода, поступавшего раньше с иностранных помещений капитала и торгового флота, наконец для оплаты возросшего числа должностных лиц. Эти потери уравновешиваются сокращением армии и возрастанием числа работающих женщин.

Чрезвычайная неустойчивость условий экономической жизни делает почти невозможным в настоящее время непосредственное статистическое обследование интересующей нас проблемы. При данных обстоятельствах общий метод д-ра Эльзаса кажется мне наиболее удобным. Его результаты показывают, что цифра, установленная выше, в общем и главном верна, что вероятность ошибки в ней лишь незначительна. Кроме того он позволяет установить для наших цифр также верхний предел допустимой возможности. Я думаю, никто не станет утверждать, что в августе 1921 года номинальный доход Германии в 10 раз превосходил его довоенный размер; ведь довоенная оценка Гельфериха, увеличенная в 10 раз, дает цифру в 6420 марок. Для национального дохода вообще не существует вполне точных статистических данных; однако утверждая, что в середине 1921 года ежегодный доход германского гражданина определяется цифрой, лежащей посредине между 4500 и 6500 марок, что эта цифра должна быть ближе к первой, чем ко второй границе и равняется, скажем, 5000 марок, утверждая это, мы настолько близко подходим к истине, насколько это вообще возможно.

Ввиду неустойчивости марки подобные исчисления конечно не могут сохранять свое значение долгое время и нуждаются в постоянных периодических пересмотрах. Тем не менее это обстоятельство отнюдь не обесценивает нижеследующие вычисления в такой мере, как это может показаться с первого взгляда, так как оно до известной степени оказывает свое влияние сразу на обе части соотношения. Если марка подвергнется дальнейшему обесценению, то средний доход на человека, выраженный в бумажных марках, будет стремиться к повы-

шению; однако в этом случае будет стремиться к повышению также и исчисленный в бумажных марках эквивалент репарационных обязательств, так как он определен в *золотых* марках. Реальное облегчение может произойти только в результате падения ценности *золота* (т.е. роста мировых цен).

К налоговому обложению, необходимому для покрытия репарационных платежей, должно присоединить стоимость содержания собственного германского правительства, как центрального, так и местного. Посредством самой строгой экономии, посредством отказа платить военные долги и военные пенсии это бремя едва ли могло бы быть сокращено до цифры ниже, чем 1000 бумажных марок на человека (считая 20 бумажных марок за одну золотую), т.е. 60 миллиардов в общей сумме, а эта цифра значительно ниже нынешнего расхода. Итак, в итоге из общего дохода в 5000 марок на человека 2170 марок или 43% должны идти на уплату налогов. Если экспорт повысится до 10 миллиардов марок золотом, а средний доход на человека до 6000 бумажных марок, то соответствующая цифра налога будет равна 2500 маркам или 42% дохода.

Бывают такие обстоятельства, в которых богатая нация, побуждаемая исключительными мотивами собственного интереса, может выдержать подобное бремя. Однако годовой доход в 5000 бумажных марок на человека по курсу представляет эквивалент 12½ фунтов золотом (принимая 20 бумажных марок за 1 золотую марку); за вычетом обложения остается 7 фунтов золотом, что даст менее 6 пенсов в день; в августе 1921 года покупательная сила 6 пенсов в Германии равнялась покупательной силе от 9 пенсов до 1 шиллинга в Англии¹⁾. Если бы Германии была дарована отсрочка, то ее доход—и вместе с тем ее платежеспособность—могли бы повыситься; но под тяжестью ее нынешнего бремени, которое делает какие-либо сбережения невозможными, гораздо вероятнее ожидать понижения уровня ее благосостояния. В летописях истории не было примера, чтобы бичи и скорпионы какого-либо правительства сумели извлечь из народа, поставленного в такое положение, почти половину его дохода.

Ввиду всех этих соображений я прихожу к выводу, что лондонское соглашение правда дало Германии возможность передышки до конца 1921 года, но что длительным стать оно не может так же, как соглашения, ему предшествовавшие.

¹⁾ Всестороннее рассмотрение покупательной силы бумажной марки внутри Германии можно найти в статье М. Эльзаса в *Economic Journal*, сентябрь 1921 года.

Экскурс III.

Висбаденское соглашение.

Летом 1921 года напряженный интерес вызвали слухи о конфиденциальной беседе между французским и немецким министрами восстановления разоренных войною областей, Лушером и Ратенау. Предварительное соглашение было достигнуто в августе 1921 года, а в октябре оно было уже окончательно подписано в Висбадене ¹⁾; однако оно не должно было вступить в силу до утверждения Репарационной комиссии. Давая свое одобрение основным принципам соглашения, комиссия в то же время сообщила их главным союзным правительствам в силу того, что соглашение представляло такое отклонение от Версальского договора, которое превышало компетенцию самой комиссии. Английский член комиссии сэр Джон Брандбери предложил своему правительству одобрить соглашение с некоторыми модификациями, которые он считал необходимыми; его доклад правительству в свое время был опубликован ²⁾.

Висбаденское соглашение представляет из себя сложный документ; однако сущность его объяснить легко. Оно распадется на две отличные друг от друга части. Во-первых оно устанавливает ряд способов, дающих частным французским фирмам возможность приобретать у немецких фирм материалы, необходимые для восстановления Франции, не производя одновременно платежа наличностью. Во-вторых соглашение определяет, что Германия пока не должна получать сразу полную оплату этих материалов; только часть следуемой ей суммы немедленно записывается на ее кредит в книгах Репарационной комиссии; остальная же часть считается авансом, полученным с нее Францией для данного времени и заносится в счет репараций позднее.

Первая группа мер со всех сторон была встречена огульным одобрением. Соглашение, которое может стимулировать уплату репараций в форме материалов для восстановления разоренных областей, удовлетворяет справедливости экономии и чувству наиболее прямым путем. Но такие доставки уже были предусмотрены в договоре; таким образом главное значение новой процедуры заключается в том, что сложные махинации Репарационной комиссии она заменяет прямыми сношениями между французскими и германскими властями ³⁾.

¹⁾ Краткое резюме этого соглашения и прочих относящихся к нему документов см. в приложении VIII.

²⁾ См. приложение VIII.

³⁾ Между прочим висбаденское соглашение определяет более справедливый способ установления цен на доставляемые материалы, чем способ, предусмотренный в договоре. Согласно договору цены устанавливаются единственно по

Вторая группа мероприятий имеет во всяком случае иной характер; она вносит изменения в существующее между самими союзниками соглашение относительно очереди и пропорций, в каких каждый из них получает свою долю в поступлениях из Германии; при этом она старается обеспечить Франции бóльшую часть в первых получениях, чем какая досталась бы ей при других условиях. На мой взгляд первенство Франции желательно, но это первенство должно быть признано за нею в связи с общим пересмотром репараций, в котором Великобритания должна целиком отказаться от своих требований. Кроме того, соглашение заставляет Германию совершить акт сомнительной искренности. В самом деле, она в свое время настойчиво (и, как я думаю, вполне основательно) протестовала против лондонских постановлений, как ставящих ей требования свыше ее сил. В таком случае для нее неудобно добровольно идти на соглашение, которое, если оно вступит в силу, увеличит ее обязательства значительно сверх той меры, которую она в своем протесте признала для себя невозможной. Конечно Ратенау может оправдываться, что этот акт представляет первый шаг к замене лондонских постановлений более разумным соглашением, в результате чего, удовлетворив самого крупного и настойчивого кредитора, Францию, он сможет не очень бояться остальных. С другой стороны Лушер наверное так же хорошо знает, как и я, хотя он и говорит иное, что лондонские постановления невыполнимы, и что наступило наконец время для более реальной политики; сверх того он должен рассматривать свою беседу с Ратенау, как преддверие более непринужденных отношений между деловыми интересами по обе стороны Рейна. Впрочем продолжение этих соображений привело бы нас к иному способу аргументации.

В своем докладе британскому правительству¹⁾ по поводу соглашения сэр Джон Брандбери предложил некоторые изменения, направленные к сохранению преимуществ первой группы мероприятий, но в то же время уничтожающие вторую группу, поскольку она наносит ущерб интересам союзников Франции.

Однако мне кажется, что значение этого предмета было слишком преувеличено, так как действительные поставки товаров по висбаденскому или другому соглашению в том же роде едва ли окажутся равны столь крупным суммам денег, как об этом идут разговоры. Поставки угля, красок и кораблей, трактуемые в приложении к части VIII договора,

усмотрению Репарационной комиссии. В висбаденском соглашении это подлежит компетенции арбитражной комиссии, состоящей из представителя Германии, представителя Франции и третьего беспристрастного лица; все трое устанавливают цены, вообще говоря, сообразно существующим во Франции в данную четверть года, предполагая, что эти цены не более чем на 5% уступают ценам в Германии за тот же период времени.

¹⁾ Ср. приложение VIII.

нарочито исключаются из круга операций висбаденского соглашения, которое ограничивается только поставками орудий и материалов, при чем Франция обязуется применять их *исключительно* для восстановления разоренных областей. Количество товаров, которые французские торговые фирмы и отдельные лица пожелают выписать из Германии по полной рыночной цене, и которые Германия действительно сможет доставить им для этого дела (а стоимость его выполнения гораздо более зависит от оплаты *труда* на месте работы, чем от цены материалов, ввозимых из Германии), едва ли даст в ближайший пятилетний период столь большую сумму, что прочие союзники почувствуют зависть к Франции за предоставленное ей преимущество.

В добавление к только что сказанному я сомневаюсь насчет важности, придаваемой висбаденскому соглашению, как прецеденту для подобных же соглашений с прочими союзниками; мне кажется необходимым поднять вопрос о пользе таких условий, которые требуют, чтобы Германия вообще платила больше натурою, чем деньгами также и для других целей, кроме восстановления разоренных областей.

Существует широко распространенное мнение, что если Германия будет удовлетворять наши требования не уплатой денег, но доставкой специальных товаров по нашему выбору, то мы сможем устранить конкуренцию германских продуктов на мировых рынках; такой результат должен получиться, если мы принудим ее добывать иностранную валюту продажей своих товаров за границей по столь пониженной цене, по какой окажется необходимым продавать их¹⁾.

Большинство доводов в пользу получения нами платежей в форме товаров до того неопределенны, что критиковать их не стоит. Они страдают смешением понятий, заключающимся в предположении, будто бы уплата нам со стороны Германии непосредственно натурой представляет некоторые преимущества даже тогда, когда дело идет о товарах, которые Германия наверное станет вывозить к нам во всяком случае. Так например, прибавления к договору, трактующие о натуральных поставках, имеют в виду преимущественно уголь, краски и корабли. Эти предметы несомненно не входят в разряд неконкурирующих с нашими собственными изделиями, и я вижу очень мало пользы, наоборот известную невыгоду и неудобство, если союзники будут получать эти предметы непосредственно вместо их стоимости в деньгах, вырученных Германией от их продажи на самых лучших рынках. В частности что касается угля, то было бы несравненно правильнее, если бы Германия продавала свою добычу на самых выгодных внешних рынках, например, во Франции, Бельгии или в соседних с нею нейтральных государствах, и затем из вырученных сумм делала денежные взносы тем же Франции и Бельгии, чем такое положение, когда уголь доставляется союзникам,

¹⁾ К теоретической стороне этого вопроса я вернусь в главе VI.

которые могут и не найти ему немедленного применения, при чем он перевозится по путям экономически невыгодным, в то время как нейтральные страны действительно нуждаются в угле, а союзники в деньгах. В некоторых случаях союзникам приходилось перепродавать доставленный Германией уголь, а ведь операция эта в применении к такой статье, как уголь, влечет за собою непроизводительные расходы, так как в общей цене угля значительную часть составляют издержки транспорта.

Если мы будем стараться обусловить определенный вид товаров, которыми Германия должна уплачивать нам, то мы не обеспечим себе такой же крупной дани, как в том случае, если будет установлена сумма, соразмерная ее платежеспособности, а Германии будет предоставлено изыскивать денежные средства наилучшим для нее способом. Далее, если установленная сумма будет разумна, то ежегодные платежи окажутся не настолько велики пропорционально общему объему международной торговли, что нам придется беспокоиться, как бы платежи не опрокинули равновесия нашей хозяйственной жизни в большей степени, чем это должно случиться непременно при постепенном экономическом восстановлении столь страшного торгового соперника, каким была довоенная Германия.

Высказывая эти соображения в интересах научной точности, я допускаю также, что проекты, настаивающие на платеже натурою, могут оказаться весьма полезны политически, как средство выйти из того *тупика*, в который мы попали. На практике ценность поставок натурою может оказаться неизмеримо ниже, нежели ценность денег, которых мы ныне требуем; но может быть, будет легче платеж деньгами заменить доставкой материалов, последствием чего явится большая сбавка наших требований, чем понижать эти требования путем долгих переговоров. Сверх того протесты против разрешения Германии платить нам деньгами, выручаемыми от свободной продажи товаров, располагают в пользу пересмотра договора всех сторонников протекционизма, которых среди нас еще много. Если бы Германия сделала напряженное усилие, чтобы заплатить нам с помощью единственного доступного ей способа, а именно посредством продажи по всему свету возможно большего количества товаров за низкую цену, то немедленно множество народа стало бы представлять это усилие как заговор с целью нашего разорения; людей с таким образом мыслей можно было бы легче всего убедить, выставляя им сокращение наших требований, как запрещение, предупреждающее развитие вредной для нас конкуренции германской торговли. Такой способ формулировать желательное изменение в политике соединяет истинную основу с ложной доктриной, что позволило, например, *Таймсу* в передовой статье рекомендовать его, нисколько не отдавая себе отчета в его логической несостоятельности; этот способ дает также то, чего в настоящее время ищет так много лиц, а именно

предлог вести себя разумно, не чувствуя в то же время непридичности и неудобства также и говорить и думать разумно. Боже меня сохрани охлаждать их в этом стремлении! Слишком редко благая цель бывает способна привлечь себе на помощь аргументы, достаточно искусно построенные, чтобы обеспечить ей успех.

Экскурс IV.

Курс марки.

Ценность в золоте неразменных бумажных денег данной страны может падать, либо потому что правительство расходует больше, чем собирает путем займов и налогов, и сводит бюджет посредством выпуска бумажных денег, либо потому что государству приходится платить крупные суммы иностранцам для выкупа помещенных ими капиталов или для расчета по долговым обязательствам. Иногда понижение может быть также результатом спекуляции, т.-е. правильного или ошибочного *расчета*, что тот или иной из вышеуказанных факторов вскоре выступит на сцену. Однако влияние спекуляции обыкновенно слишком преувеличивают вследствие того огромного действия, которое она может произвести быстро и неожиданно. Действие обоих факторов выявляется в балансе подлежащих немедленной уплате взаимных долгов между рассматриваемой нами страной и остальным миром: ее обязательство платить иностранцам оказывает на баланс прямое влияние, тогда как инфляция денежного обращения действует на него косвенно, либо благодаря тому, что выпущенные сверх нормы бумажные деньги, повышая при данном уровне цен покупательную силу населения, поощряют импорт и замедляют экспорт, либо вследствие того, что ожидание такой ситуации уже заранее вызывает спекуляцию. Увеличение денежного обращения не может оказывать никакого влияния на курс денег, пока оно не действует на соотношение импорта и экспорта или не поощряет спекуляцию; но так как спекуляция рано или поздно исчезает, то влияние увеличения денежного обращения на курс может быть длительным только благодаря воздействию на импорт и экспорт.

Эти общие положения без затруднения можно применить при рассмотрении курса марки, начиная с 1920 года. Сперва разнообразные причины действовали не в одном и том же направлении. Денежная инфляция способствовала понижению марки; такое же значение имело помещение немцами своих капиталов за границей (так называемое «бегство от марки»); обратное влияние оказывало приобретение иностранцами германских ценностей и германской валюты (при чем трудно провести границу между этой операцией и недолговременной спекуляцией). После того как марка настолько упала в цене, что за один

фунт стало возможно купить более ста марок, повсюду за границей у весьма многих лиц сложилось убеждение, что марка когда-либо сможет подняться до ее довоенной цены, и что, следовательно, приобретение марок или ценностей в марках является хорошим помещением капитала. Это помещение приняло столь крупные размеры, что, в конце концов, Германия оказалась обладательницей иностранной валюты в общей сумме от 200 до 250 миллионов фунтов стерлингов. Эти средства дали Германии возможность, по крайней мере частично, пополнить ее продовольственные запасы и снабдить промышленность сырьем. Эти потребности, вызывавшие превышение импорта над экспортом, без помощи упомянутых средств не могли бы быть оплачены. Сверх того, они дали возможность отдельным немцам перевести часть своего имущества за границу для помещения его в других странах.

Между тем денежная инфляция продолжалась. В течение 1920 года количество находившихся в обращении банкнот Рейхбанка приблизительно удвоилось, тогда как курс марки по сравнению с началом того же года ухудшился незначительно.

Сверх того вплоть до конца 1920 года и даже в течение первой четверти 1921 года Германия не производила никаких платежей деньгами в счет репараций; наоборот, по соглашению в Спа она получила некоторые суммы в оплату значительной части поставленного ею угля.

Тем не менее со второй половины 1921 года различные причины, которые до сего времени уравнивали одна другую, стали действовать в одном направлении, а именно к понижению ценности марки. Бумажная инфляция продолжалась и в течение 1921 года. Выпуск банкнот Рейхбанка повысился почти втрое, достигнув цифры, превышавшей приблизительно в шесть раз то количество, которое находилось в обращении два года назад. Ввоз неизменно превышал вывоз. Некоторые иностранные держатели марок почувствовали тревогу и вместо того, чтобы увеличивать свои вклады, стали искать способов уменьшить их. И как раз теперь германскому правительству было предъявлено требование сделать крупные денежные взносы в счет репараций. Продажи марок из Германии не только не поглощались заграничными вкладчиками, но, напротив, встречали конкуренцию именно этих вкладчиков. Естественно, что для марки наступил кризис. Падение ее курса должно было продолжаться до той цены, при которой опять появились бы новые покупатели или сами продавцы воздержались бы от дальнейших продаж ввиду их невыгодности ¹⁾.

Во всем этом нет ничего таинственного, наоборот, все просто и понятно. Вера в рассказы о «германском заговоре», имевшем будто бы цель умышленно понизить германскую марку, есть лишнее доказатель-

¹⁾ Всякий, кто дойдет до убеждения в неизменной истине тезиса, что еже-дневно биржевые продажи должны точно соответствовать покупателям, должен будет еще долго промучиться, раньше чем придет к пониманию тайны колебаний курса

ство поразительного невежества публики в причинах, управляющих курсами валюты. Это невежество ярко обнаружилось в международном увлечении покупкой марок, которая принесла большую денежную выгоду Германии.

В дальнейшем падение марки было вызвано, главным образом, необходимостью делать репарационные взносы за границу и оплачивать иностранных держателей германских ценностей, в результате чего падение марки за границей значительно перешло тот предел, который мог бы быть оправдан тогдашними размерами денежной инфляции.

Для Германии потребовалось бы гораздо большее количество бумажных денег, чем теперь, если бы ее внутренние цены можно было бы приравнять к золоту по курсу тысяча с лишком марок за фунт стерлингов¹⁾. Поэтому если бы прочие причины могли быть устранены, другими словами, если бы требования репараций были пересмотрены, а у иностранных вкладчиков снова явилось бы доверие, то могло бы наступить быстрое восстановление курса. С другой же стороны, серьезная попытка Германии выполнить требование репараций принудит государство к такому превышению расходов над доходами, что денежная инфляция и внутренний уровень цен в скором времени достигнут внешнего обесценения марки.

И в том и в другом случае Германию ожидают далеко не радужные перспективы. Если нынешнее обесценение марки будет продолжаться, и уровень внутренних цен приспособится к нему, то вытекающее отсюда перераспределение богатств между различными классами общества превратится в социальную катастрофу. С другой стороны, если курс марки восстановится, то исчезновение нынешнего стимула к промышленной деятельности и биржевому ажиотажу, этих следствий обесценения марки, может привести к финансовой катастрофе²⁾.

1) Так как в обращении находится почти такое же количество краткосрочных векселей германского казначейства (German Government Treasury Bills), размещенных среди частных лиц и частных банков, как и банкнот Рейхсбанка, то представляется возможным легко увеличить выпуск кредитных билетов, коль скоро появляется необходимость поддержать внутренний уровень цен более законным платежным средством, не говоря уже о том, что правительство всегда может прибегать к новым выпускам для покрытия превышения своих расходов над доходами. Можно спросить тех, кто хотел бы заставить германское правительство прекратить работу „печатного станка“, не имеют ли они в виду, чтобы подлежащие оплате векселя казначейства были объявлены недействительными, когда их держатели явятся в законный срок для их размена на наличные деньги? Такими упрощенными мерами не разрешить труднейшей проблемы германских финансов.

2) Кроме того, всякое улучшение в ценности марки повышает реальное бремя германского долга иностранным держателям марок, а также давление долговых обязательств на казначейство. Курс, при котором фунт стерлингов равен более чем 1000 марок, имеет, по крайней мере, то преимущество, что он сильно облегчает вышеупомянутое бремя.

Лица, ответственные за финансовую политику Германии, стоят перед неизмеримо трудной задачей. До тех пор пока репарационные обязательства Германии не будут улажены разумными способами, едва ли стоит ломать себе голову над неразрешимой проблемой. Когда устойчивость в политике вообще станет возможна, то всего благоразумнее будет твердо установить цены на каком-либо определенном уровне; по всей вероятности, только тогда можно будет говорить о восстановлении торговли.

ГЛАВА IV.

Счет репараций.

Версальский договор подробно установил категории убытков, которые Германия обязывалась возместить союзникам. Но он не определяет эти убытки в какой-либо сумме. Это дело было возложено на Репарационную комиссию, которая получила поручение сообщить произведенный ею подсчет германскому правительству не позже 1 мая 1921 года.

Во время мирной конференции была сделана попытка столкнуться насчет какой-либо определенной цифры при самом составлении договора и включить ее в его текст. Этому добивались в особенности представители Америки. Однако эти попытки не увенчались успехом. Какая бы то ни было рациональная цифра не могла удовлетворить всеобщих ожиданий публики во Франции и Великобритании ¹⁾. Самая крупная цифра, на которую соглашались американцы, а именно 140 миллиардов марок золотом, как мы увидим ниже, немногим превышала оценку Репарационной комиссии; самая скромная цифра, которую могли принять Франция и Великобритания, т. е. 180 миллиардов марок золотом, как это стало ясно позже, значительно превышала ту сумму, на которую они имели право, основываясь на их же собственных категориях претензий ²⁾.

В промежутке времени, истекшем между подписанием договора и обнародованием заключений Репарационной комиссии, происходило много споров насчет размера общего итога. Я намерен рассмотреть некоторые детали этой проблемы, ибо если люди хотя в некоторой

¹⁾ Верное представление об этой контрверсе во время мирной конференции можно составить себе путем сопоставления различных мест следующих книг: Baguch, *Making of Reparation and Economic Sections of the Treaty*, стр. 45—50; Lamont, *What really happened at Paris*, стр. 262—265; Tardieu, *The Truth about the Treaty*, стр. 294—309.

²⁾ Об этих цифрах см. у Tardieu, *op. cit.*, стр. 305.

степени руководятся истиной в решении международных дел, то верный взгляд на эти дела может принести пользу при разрешении проблемы репараций.

Главные тезисы, которые я старался доказать в книге *Экономические последствия Версальского мирного договора*, таковы: 1) претензии, удовлетворения которых союзники ожидали от Германии, не могут быть оплачены; 2) Европа до такой степени связана узами взаимной экономической солидарности, что попытка навязать эти претензии силой должна разорить каждое государство; 3) денежная оценка убытков, причиненных неприятелем Франции и Бельгии, преувеличена; 4) включение в наши претензии пенсий и пособий военным и их семьям представляет нарушение данного слова; 5) наконец наши правомерные требования к Германии должны сообразоваться с ее платежеспособностью.

В главах III и VI я сделал несколько дополнительных замечаний к тезисам 1 и 2. В этой главе я буду говорить о тезисе 3, и в главе V о тезисе 4. Оба они еще имеют значение. Если время сыграло такую роль по отношению к тезисам 1 и 2, что уже немного лиц оспаривают их, то иначе обстоит дело с вопросом о наших правомерных претензиях к Германии; события еще не успели поставить его в центр всеобщего внимания. Тем не менее, если мой отнюдь не к этому вопросу тезис может быть доказан, то миру будет легче притти к практическому соглашению. Принято думать, что требования справедливости в таких случаях находятся в противоречии с требованиями возможного, так что если даже сила событий вопреки нашей воле заставляет нас признать первенство практически осуществимого, чувство справедливости остается неудовлетворенным. С другой стороны, если в наших требованиях мы будем исходить только из ущерба, причиненного опустошением Франции и Бельгии, и докажем, что полное его возмещение соответствует платежной способности Германии, то это сделает возможным установить гармонию наших чувств и действий.

Имея в виду эту цель, я считаю необходимым на этот раз с более полной осведомленностью, доступной для нас в настоящее время, снова вернуться к тем утверждениям, которые я высказал в *Экономических последствиях Версальского мирного договора* (русск. пер., стр. 54), а именно, что, «исчисление общей суммы материального ущерба, причиненного занятым территориям, дало повод к невероятным, хотя психологически понятным преувеличениям». Эти утверждения навлекли на меня обвинение со стороны французов, к которому присоединились Клемансо¹⁾ и Пуанкаре, обвинение в том, что, критикуя аргументы Клоца,

¹⁾ О вышеприведенных местах из моей книги Клемансо написал следующие строки в предисловии к книге Тардье: «Fort en thème d'économiste, M. Keynes (qui ne fut pas seul, dans la Conférence, à professer cette opinion) combat, sans aucun

Лущера и других французов, я руководился не истиной, но чувством вражды к Франции. Однако я снова настаиваю на том, что аккуратность и свобода от преувеличений есть самая лучшая служба делу Франции, что причиненный ей вред гораздо легче загладить, определяя его в цифре возможной и вероятной, что наконец, чем более умеренны будут ее требования, тем скорее она получит поддержку всего мира и обеспечит для них первенство перед прочими претензиями. Широкою пропагандою, с целью создать предубеждение против моих статистических данных, вел между прочим г. Бренье. Однако приписывание нулей к конечной цифре вычисления вовсе не доказывает благородства духа. В конце концов лица, которые позорят имя Франции и, приводя совершенно ясные цифры, вызывают сомнение в чистоте ее намерений, оказываются плохими ее защитниками. Нам никогда не придется приступить к восстановлению Европы, если мы не сумеем заставить не только экспертов, но также и публику хладнокровно рассматривать вопрос о том, какой материальный вред был причинен Франции, и какими материальными ресурсами для ее восстановления располагает Германия. Нескольким статьям Бренье *Таймс* предпослал передовицу (4 декабря 1920 года), в которой он говорит с оттенком благородного презрения: «Мистер Кейнс смотрит на потери Франции как на вопрос статистики». На это я могу возразить, что хаос и бедность не покинут Европу до тех пор, пока мы с прежним упорством будем делать из статистики барометр наших эмоций и пользоваться ею, как средством для подогревания желательных нам чувств. Я позволяю себе думать, что в дальнейшем рассмотрении цифр я пользуюсь ими для измерения фактов, а не для литературных излияний чувства любви или ненависти.

Оставляя пока в стороне военные пенсии и пособия, а также ссуды Бельгии, рассмотрим данные, относящиеся к материальным повреждениям, причиненным северу Франции. Претензии, предъявленные французским правительством, не изменились сколько-нибудь значительно за период времени от весны 1919 года, когда заседала мирная

ménagement, «l'abus des exigences des Alliés» (lisez de la France) et de ses négociateurs... Ces reproches et tant d'autres d'une violence brutale, dont je n'aurais rien dit, si l'auteur, à tous risques, n'eût cru servir sa cause en les livrant à la publicité, font assez clairement voir jusqu'où certains esprits s'étaient montés». (Весьма компетентный в экономических вопросах, г. Кейнс (который, впрочем, разделял эти взгляды с некоторыми другими членами конференции) ведет беспощадную борьбу против «неумеренных требований союзников» (читай Франции) и ее представителей... Эти и другие необычайно страстные упреки я обошел бы молчанием, если бы автор не решился опубликовать их в печати в целях защиты своей точки зрения. Они ясно показывают, до чего может довести людей известное настроение). В английском издании своей книги Тардье перевел слова французского текста: *fort en thème d'économiste* так: „обладающий некоторыми сведениями в экономических вопросах, но лишенный воображения и характера“; такой перевод является, пожалуй, слишком вольным.

конференция, до весны 1921 года, когда Репарационная комиссия производила свою оценку, хотя колебания курса франка в течение этого периода вносят в расчет некоторую неясность. В начале 1919 года Дюбуа, говоря в Палате от имени бюджетной комиссии, привел «в качестве минимальной цифры» 65 миллиардов франков, а 17 февраля того же года Лушер, министр промышленного восстановления, в своей речи в Сенате определил стоимость убытков в 75 миллиардов по ценам того времени. 5 сентября 1919 года министр финансов Клоц оценил в Палате депутатов все претензии Франции, вызванные потерей собственности (включая также потери на море и проч.), в 134 миллиарда франков. В июле 1920 года Дюбуа, на сей раз уже в качестве председателя Репарационной комиссии, в докладе, составленном для конференций в Брюсселе и Спа, привел цифру в 62 миллиарда, исходя из цен, существовавших до войны ¹⁾. В январе 1921 года министр финансов Думер привел цифру в 110 миллиардов. Требование французского правительства, представленное на рассмотрение Репарационной комиссии в апреле 1921 года, называло цифру в 127 миллиардов бумажных франков по тогдашним ценам ²⁾. В то время курс франка, равно как его покупательная сила значительно понизились, так что между приведенными выше оценками нет такой большой разницы, как могло бы показаться на первый взгляд.

Для того чтобы установить свою оценку, Репарационной комиссии было необходимо перевести цифры этих требований с бумажных франков в золотые марки. Вопрос о том, по какой пропорции должно было сделать этот перевод, возбудил резкие разногласия. При соотношении курсов, господствовавшем в то время (в апреле 1921 года), золотая марка стоила приблизительно 3,25 бумажных франка. Представители Франции заявляли, что это падение курса франка—временное, и что длительное соглашение не должно быть построено на нем. Поэтому они настаивали на принятии отношения 1,50 или 1,75 франка за одну золотую марку ³⁾. Вопрос был передан на усмотрение м-ра Бойдена, делегата Америки в Репарационной комиссии, который по обычаю большинства посредников избрал средний путь и решил, что ^{вбыл} 2,20 бумажных франка должны считаться эквивалентом одной золотой

¹⁾ Приблизительно в это же время германская комиссия по возмещению убытков (*Reichsentschädigungs Kommission*) оценила ущерб, причиненный северной Франции, в 7228 миллионов марок золотом, тоже исходя из современных цен, таким образом, ее оценка в семь раз меньше оценки Дюбуа.

²⁾ Поскольку детали этого требования были опубликованы, они приведены ниже в приложении III. Его цифра содержит следующие статьи: повреждения промышленности, домов, мебели и утвари, разрушение почвы, государственной собственности и общественных сооружений.

³⁾ Ср. речь Лушера в Палате депутатов 20 мая 1921 года.

марки ¹⁾. Едва ли он сумел бы привести достаточные основания для такого решения. Что касается той части требования французов, которая относилась к пенсиям, то предварительная смета золотой ценности франка имела для нее большое значение, хотя бы эта смета и оказалась впоследствии не соответствующей действительности. Но в той части, которая относилась к материальным повреждениям, в согласовании цен (золотой и бумажной) никакой надобности не было ²⁾; дело в том, что требование французов составлено на основании текущих издержек восстановления разоренных областей, при чем нет нужды ожидать, что золотой эквивалент этих издержек повысится вместе с ростом золотой ценности франка, так как улучшение курса рано или поздно уравнивается падением цен во франках. Следовало бы установить вычет за разницу, существующую в момент оценки между внутренней покупательной способностью франка и его биржевой ценностью в золотом эквиваленте на внешнем рынке. Однако в апреле 1921 года франк не слишком удался от его действительного «паритета покупательной способности», и я высчитал, что на этой основе было приблизительно точно приравнять золотую марку к трем бумажным франкам. Поэтому соотношение 2,20 бумажных франка за одну золотую марку приводит к весьма значительному повышению французского требования к Германии.

При таком соотношении требование суммы в 127 миллиардов бумажных франков в уплату за материальные убытки равнялось 57,7 миллиардов золотых марок; главные статьи счета таковы:

	Бумажные франки в миллионах.	Золотые марки в миллионах.
Убытки промышленности	38.882	17.673
Повреждения домов	36 892	16.768
Мебель и утварь	25.119	11.417
Поврежд. незастроенной почвы	21.671	9.850
Государственная собственность	1.958	890
Общественные сооружения . .	2.583	1.174
Итого	127.105	57.772

¹⁾ Для оправдания этого соотношения необходимо, чтобы курс франка на Нью-Йоркской бирже поднялся приблизительно до 11 центов.

²⁾ Заявление Лусера во французской Палате предполагает, что перевод бумажных франков в золотые марки применяется не только к пенсиям, но и к материальным убыткам; в моих дальнейших рассуждениях я принимаю это во внимание; однако точной официальной информации по этому вопросу не существует.

Этот итог, равный 2.886 миллионам фунтов, я считаю огромным, прямо-таки фантастическим преувеличением, которое далеко превосходит всякую цифру, которую можно установить путем перекрестного допроса. Когда я писал *Экономические последствия Версальского мирного договора*, то еще не было точных статистических данных для вычисления причиненных убытков; поэтому приходилось фиксировать известный рациональный максимум претензий, исходя из оценок довоенного богатства разоренных территорий. Теперь же в нашем распоряжении имеется гораздо больше детальных сведений, позволяющих проверить сумму требований.

Заявление Бриана в Сенате 6 апреля 1921 года, дополненное официальным мемуаром, опубликованным несколько дней позже, приводит нижеследующие детали и изображает тогдашнее положение в следующем виде ¹⁾:

1) В апреле 1921 года население в разоренных областях равнялось 4.100.000 чел., а в 1914 г. его было 4.700.000.

2) 95% поверхности почвы, пригодной к обработке, было выравнено, и 90% ее запахано и уже приносило урожай.

3) 293.733 дома было уничтожено целиком; взамен их было выстроено 132.000 временных жилищ различных типов.

4) 296.502 дома было разрушено частично; из них 281.000 было отремонтировано.

5) Из всего числа фабрик и заводов было пущено в ход 50%.

6) 2.404 километра разрушенных железнодорожных путей были восстановлены полностью.

¹⁾ Цифры убытков, приведенные Брианом, вообще несколько ниже тех, которые десятью месяцами раньше (в июне 1920 г.) были даны в докладе Тардье, занимавшего пост председателя комитета разоренных областей. Однако различие между ними несущественно. С целью сравнения я привожу цифры Тардье вместе с данными о восстановлении разрушений, выполненном в то же время:

	Разрушения.		Исправления.	
Дома, разрушенные целиком	319.269		2.000	
Дома, разрушенные частично	313.675		182.000	
Рельсовые пути	5.534	килом.	4.042	килом.
Каналы	1.596	"	784	"
Дороги	39.000	"	7.548	"
Мосты, плотины и проч.	4.785	"	3.424	"
	Поврежде- но.	Очищено от снарядов.	Выравне- но.	Вспахано.
Пахотная земля в (гектарах)	3.200.000	2.900.000	1.700.000	1.150.000
	Разрушено.	Восстановлено и пущено в ход.	Восстанавли- вается.	
Фабрики и мастерские	11.500	3.540	3.812	

Еще много раньше Дюбуа составил аналогичный отчет для Бюджетной Комиссии французской Палаты и опубликовал его в Актах парламента за № 5432 сессии 1918 года.

Итак, оставляя в стороне постройку заново домов и фабрик, их меблировку и оборудование, так как большую часть всего этого еще предстоит сделать, можно сказать, что в главном опустошения уже исправлены ежедневным обычным трудом французского народа в течение двух лет, истекших со времени мирной конференции, раньше чем Германия внесла хоть некоторую сумму для этого восстановления.

Таким образом страна выполнила колоссальный труд, и здесь перед нами еще одно доказательство того, какие богатства способна создать Франция терпеливой настойчивостью своих крестьян; эта настойчивость делает ее одной из богатейших стран мира вопреки испорченной финансовой клике Парижа, которая за истекшее поколение расточила сбережения, доверенные ей вкладчиками. Глядя уже теперь на северную Францию, мы можем видеть, что способен создать добропорядочный француз ¹⁾. Но стоит нам обратиться к денежным

¹⁾ Более свежие данные (от 1 июля 1921 года) были сообщены депутатом Уазы Фурнье-Сарловезом, по его словам на основании официальных источников. Некоторые его цифры таковы:

Обитаемые дома.

В момент перемирия:	Разрушенные целиком	289.147
	Пострадавшие значительно	164.317
	Пострадавшие частично	258.419
В июле 1921 г.:	Построены заново	118.863
	Временно исправлены	182.694

Общественные здания.

	Церкви.	Муниципальные здания.	Школы.	Почтовые конторы.	Больницы.
Разрушено	1.407	1.415	2.243	171	30
Повреждено	2.079	2.154	3.153	271	197
Восстановлено	1.214	322	720	53	28
Временно и спешно исправлено	1.097	931	2.093	196	128

Пахотная земля.

В момент перемирия:	Приведено в полную негодность	4.693.516 акров.
В июле 1921 г.:	Выравнено	4.067.408 "
	Запахано	3.528.950 "

С к о т.

	1914	Ноябрь 1918.	Июль 1921.
Крупный рогатый скот	890.084	57.500	478.000
Лошади, ослы и мулы	412.730	32.600	235.400
Овцы и козы	958.308	69.100	276.700
Свиньи	357.003	25.000	169.000

требованиям, учитывающим всю эту работу, и мы снова попадаем в атмосферу Парижа с его финансовой кликой, до такой степени алчной, бесчестной и лживой, что в конце концов она губит свое же собственное дело.

В самом деле, сравним некоторые статьи опустошений с выставленными требованиями.

1) 293.733 дома были разрушены до основания, а 296.502 подверглись частичному разрушению. Так как дома этой последней категории были почти все отремонтированы, то можно считать, не рискуя недооценить общий итог повреждений, что в среднем поврежденные дома были *наполовину* разрушены, и таким образом мы получаем для этой категории эквивалент, равный 442.000 домов, разрушенных целиком. В общем счете такое сравнение будет верным. Возвращаясь к требованию французского правительства, мы находим, что повреждения домов были оценены им в 16.768 миллионов золотых марок, т.-е. в 1.000.000.000 фунтов ¹⁾. Разделяя эту сумму на число домов, мы получаем оценку дома в среднем в 2.275 фунтов! ²⁾ Таковы требования уплаты за жилища, которые представляют преимущественно избы крестьян и углекопов и домишки мелких уездных городков. Тардые ссылался на Лусера, утверждая, что дома в округе Лан-Куррьер до войны стоили 5000 франков (200 фунтов), теперь же, после войны, их постройка обойдется в 15.000 франков. Это утверждение вполне соответствует здравому смыслу. В апреле 1921 года стоимость постройки зданий в Париже (которая несколько месяцев раньше обходилась гораздо дороже) оценивалась в три с половиною раза выше против довоенного времени, считая на бумажные франки ³⁾. Но если даже мы оценим издержки во франках в пять раз больше сравнительно с довоенными цифрами,

¹⁾ Принимая курс равный фунту за 34 марку.

²⁾ Если бы даже мы предположили, что каждый поврежденный дом считается разрушенным до основания, то на каждый дом пришлось бы класть 1700 фунтов.

³⁾ Бренье, потративший много времени на критику моих взглядов, с полным одобрением ссылается (*Таймс* от 24 янв. 1921 г.) на одного французского архитектора, который оценивает издержки постройки в среднем в 500 фунтов на дом, ссылается также на германскую оценку, определяющую среднюю стоимость постройки в 240 фунтов. В той же статье он, кроме того, утверждает, что количество разрушенных домов равно 304.191, а поврежденных 290.425, что в сумме дает 594.616 домов. Указав на необходимость считаться в этом вопросе с человеческими чувствами, он множит цифру в 500 фунтов не на число домов, но на число населения и получает произведение, равное 750.000.000 фунтов. Что же можно возразить на это умножение чувств? Какой великий ответ можно дать в споре, который переносится на такую почву? (Остальные его цифры представляют какую-то массу опечаток, запутанной арифметики, смешения гектаров с акрами и тому подобное; и потому, хотя атака критики легко могла бы обратить их в опустошенную область, было бы слишком жестоко подвергать всерьез разбору эту благонамеренную смесь всякой всячины. Как писатель на эти темы, Бренье относится к той же категории, как и Рафаэль-Жорж Леви).

т.-е. в 25.000 бумажных франков на дом, то требование французского правительства все же в три с половиною раза превышает реальную цену. Мне кажется, что разница цифр как в этой статье, так и в других, отчасти объясняется тем, что официальное французское требование принимает во внимание также и косвенные убытки, а именно потерю ренты—*perte de loyer*. Остается неясным, как смотрит Репарационная комиссия на *косвенные* денежные и деловые убытки, причиненные войной в опустошенных областях. Однако, я не думаю, чтобы подобные претензии соответствовали условиям договора. Как ни реальны потери такого рода, они не представляют существенных отличий от аналогичных потерь также и в других областях, притом на всей территории союзных государств. Во всяком случае даже максимальные требования по этой статье не могут оправдать размер вышеуказанной цифры; поэтому мы вправе предположить значительную ошибку в вычислении этой добавочной статьи, нисколько не ослабляя нашего заключения о преувеличенности официальных требований. В *Экономических последствиях Версальского мирного договора* (рус. пер., стр. 58) я высчитал, что 250.000.000 фунтов золотом представляют добросовестную оценку повреждений, причиненных домам; и я продолжаю думать, что эта цифра близка к истине.

2) Требования уплаты за повреждения домов не касаются мебели и утвари, которые представляют особую статью, оцененную в 11.417 миллионов марок золотом или почти в 700.000.000 фунтов стерлингов. Чтобы проверить эту цифру, предположим, что мебель и утварь были уничтожены целиком не только в случаях полного разрушения домов, но и при их частичном повреждении. Конечно это—преувеличение, но оно уравнивается тем, что во многих случаях мебель могла быть похищена и не возвращена (хотя в действительности большое количество мебели было возвращено владельцам), при чем постройка осталась в неприкосновенности. Общее число поврежденных или разрушенных домов равняется 590.000. Разделяя 700.000.000 фунтов на это число, мы получаем в среднем 1180 фунтов на дом; и эта средняя оценка более чем в 1000 фунтов применяется к обстановке домов крестьян и углекопов! Я затрудняюсь огределить, как велико преувеличение, допущенное в такой цифре.

3) Однако самое высокое требование предъявляется к «повреждениям промышленности», оно выражается в сумме в 17.673 миллионах марок золотом или около 1.060.000.000 фунтов стерлингов. В 1919 году Лущер оценивал издержки восстановления угольных копей в 2000 миллионов франков, т.-е. в 80.000.000 фунтов по курсу *al pari*¹⁾. Ввиду

¹⁾ Тардьё утверждает, что ввиду последовавшего повышения цен, оценка Лущера в бумажных франках оказывается недостаточной. Однако это не имеет значения, так как я перевел бумажные франки в стерлинги по курсу *al pari*.

того, что довоенная стоимость всех угольных копей Великобритании была оценена в 130.000.000 фунтов, а довоенное производство британских шахт в пятнадцать раз превышало производство занятых неприятелем округов Франции, такая цифра кажется слишком высокой¹⁾. Но если даже мы согласимся с ней, то придется привести основание, по крайней мере, для тысячи миллионов фунтов, фигурирующих в ней. Крупная текстильная индустрия Лилля и Рубэ лишилась своего сырья, но ее машины не подверглись серьезным повреждениям; это доказывается тем, что в 1920 году в шерстяной промышленности этих округов уже работало 93,8% всего количества ее персонала до войны, а в хлопчатобумажной промышленности—78,8%. В Туркуэне из 57 фабрик работало 55, а в Рубэ из 48 работало 46²⁾.

Утверждают, что всего было остановлено 11.500 промышленных заведений, однако, в эту цифру включена каждая деревенская мастерская, при чем около трех четвертей из них работало менее чем с двадцатью рабочими. Половина их снова действовала весной 1921 года. Каково же требование в среднем, относящееся к их повреждениям? Вычитая цифру, касающуюся угольной промышленности, и разделяя сумму требования на 11.500, получаем среднюю цифру в 8.500 фунтов. Преувеличение кажется *на первый взгляд* столь же высоким, как в статье домов и мебелировки.

4) Остается еще одно важное требование, а именно за повреждение почвы. Эта статья фиксирована в 9.850 миллионов золотых марок или около 590.000.000 фунтов стерлингов. В упомянутой выше книге Тардье (стр. 347) приводит следующие слова Ллойд Джоржа, произнесенные однажды в речи на мирной конференции, в которой он указывал на преувеличенный характер требований Франции: «Если бы вам пришлось тратить деньги, которые вы требуете на восстановление разоренных областей северной Франции, я утверждаю, что вы не сумели бы истратить их. Во всяком случае, земля там еще существует. Хотя она истерзана в клочки, она не исчезла. Если вы попытаете продать с аукциона даже Шемен-де-Дам, вы найдете покупателей». Мнение Ллойд Джорджа оправдалось на деле. В апреле 1921 года французский премьер мог сказать в сенате, что 95% пригодной к обработке земли было выравнено от траншей, а 90% запаханно и уже давало урожай. Некоторые решаются даже утверждать, что плодородие почвы было значительно повышено благодаря тому, что поверхность ее была глубоко разрыта, и тому, что несколько лет она лежала под

¹⁾ Угольные копи Лана, подвергшиеся наиболее полному разрушению, имели 29 шахт и в них работало в 1913 году 16.000 углекопов, добывавших 4 миллиона тонн угля.

²⁾ Я заимствую эти цифры у Тардье, который в различных главах очень выразительно утверждает, согласно своим тезисам каждого данного момента, что восстановление едва началось и что оно уже почти закончено.

паром. Но оставляя в стороне то обстоятельство, что эту категорию повреждений удалось поправить легче, чем это казалось сначала, вся площадь обработанной земли (исключая лесные участки) всего пространства одиннадцати департаментов, затронутых войною, равняется приблизительно 6.650.000 акров; из них 270.000 акров лежат в «зоне разрушений», 2.000.000 акров—«в зоне окопов и бомбардировки» и 4.200.000 акров—«в зоне обыкновенной оккупации». Поэтому требование, разложенное на всю площадь, выражается в цифре около 90 фунтов на акр, а разложенное на две первые категории, выражается в цифре около 260 фунтов на акр. Хотя это требование относится специально к повреждениям почвы, оно вероятно принимает во внимание также здания ферм (в отличие от жилых домов), инвентарь, рабочий скот и урожай августа месяца 1914 года, погибший на корню. Так как опыт доказал, что постоянные качества земли были серьезно повреждены лишь на небольшой площади, то большую часть суммы требования составляют вероятно эти последние статьи. Мы должны также принять во внимание разрушение лесных участков. Однако даже допуская высокую оценку каждой из этих статей, я не понимаю, как можно получить итог, превышающий сумму, требуемую в действительности.

Приведенные мною аргументы не обладают полною точностью, и все же их точность достаточна, чтобы доказать, что требование, представленное в Репарационную комиссию, не выдерживает критики. Я думаю, что оно по крайней мере вчетверо выше действительной цифры убытков. Возможно однако, что я просмотрел какие-либо статьи требования, и вообще в рассуждениях этого рода лучше допускать широкую возможность ошибки. Поэтому я ограничиваюсь утверждением, что требование превышает истинную цифру не менее, чем в два или три раза.

Я посвятил много времени рассмотрению французских требований, так как они по размерам являются самыми крупными, и так как о них мы имеем более детальных сведений, нежели о требованиях других союзников. Требования Бельгии дают повод к такой же критике, как и требования Франции. Однако в них большее место занимают поборы с гражданского населения и личные притеснения бельгийцев. Во всяком случае материальный ущерб, причиненный Бельгии, значительно меньше, чем во Франции. Бельгийская индустрия работает уже с ее довоенной продуктивностью, а размеры восстановления повреждений, которые еще предстоит сделать, невелики. В феврале 1920 года бельгийский министр внутренних дел заявил в Парламенте, что в момент перемирия в Бельгии лежали разрушенными 80.000 частных домов и 1100 общественных зданий. Это значит, что по настоящей статье требования Бельгии должны составлять около четверти французских требований; но так как захваченные округа Франции гораздо богаче бельгийских, убытки Бельгии, вероятно, значительно меньше четверти убытков, понесенных Францией. Официальное тре-

бование Бельгии, относящееся к собственности, кораблям, частным лицам и пленникам (т. е. всей совокупности убытков за исключением военных пенсий и пособий), доходит до 34.254 миллионов бельгийских франков. Так как бельгийское министерство финансов в официальном обзоре 1913 года оценило все богатство страны в 59.525 миллионов бельгийских франков, отсюда явствует, что, даже принимая во внимание падение курса бельгийского франка, служащего нам мерилom ценности, это требование все же чрезвычайно преувеличено. Я думаю, что это преувеличение так же велико, как и преувеличение французских требований.

Требование, предъявленное Британской империей, помимо военных пенсий и пайков, почти целиком относится к потерям, причиненным судоходству. Потери и повреждения тоннажа установлены точно. Что же касается корабельных грузов, то они являются трудной темой для гадательных вычислений. Кладя в среднем 30 фунтов стерлингов на тонну за кузов судна и 40 фунтов на тонну за груз, я определял убыток в *Экономических последствиях Версальского мирного договора* (русск. пер. стр. 60) в 540.000.000 фунтов. Официальное же требование предъявлено ныне на сумму в 767.000.000 фунтов. Многие в этом вопросе зависят от того, когда было произведено вычисление стоимости возмещения убытка. Большая часть тоннажа фактически была возмещена из тех кораблей, постройка которых началась либо до окончания войны, либо вскоре после него; стоимость их постройки в это время гораздо выше, нежели позже, напр., в 1921 году. Однако и в этом случае предъявленное требование слишком велико. Повидимому оно исходит из оценки в 100 фунтов стерлингов за зарегистрированную валовую погибшую тонну, считая кузов и груз вместе, при чем всякое превышение этой цифры было отброшено ввиду того, что для судов, не потопленных, а только лишь поврежденных или подвергшихся нападению в море, не было сделано никакой соответствующей сбавки. Эту цифру надо считать высшим пределом возможного; если ее и нельзя доказать юридически, то все же можно обосновать рациональными доводами. Я остаюсь при той оценке, которую я приводил в *Экономических последствиях Версальского мирного договора*.

Я опускаю требования остальных союзников. Поскольку их детали были опубликованы в печати, читатель найдет их в приложении III.

Вышеприведенные замечания относятся к требованию возмещения материальных убытков и не касаются военных пенсий и пособий, которые представляют однако весьма значительную статью. Согласно договору эта статья должна быть вычислена так, что издержки на пенсии «выражаются в капитализированной сумме к моменту вступления договора в силу, исходя из окладов, принятых во Франции в это время», а пособия, выдававшиеся во время военных действий семьям мобилизованных, «капитализируются, исходя из средних окла-

дов, принятых во Франции» в течение каждого года. Другими словами, оклады французской армии признаются критерием для всех остальных союзников; принимая во внимание, что дело идет о крупных числах, в результате должны получиться определенные цифры, заключающие в себе незначительную возможность ошибки. Предъявленные в действительности требования в миллиардах золотых марок ¹⁾ таковы:

	Миллиарды марок (золотом)
Франция	33
Британская империя	37
Италия	17
Бельгия	1
Япония	1
Румыния	4
	93

В эту сумму не входят ни Сербия, для которой не имеется отдельной цифры, ни Соединенные Штаты. Поэтому полный итог должен равняться приблизительно 100 миллиардам золотых марок ²⁾.

Каков же окончательный результат совокупности этих требований по всем статьям, и в каком отношении он находится к последней оценке Репарационной комиссии? Так как требования фиксированы, каждое в собственной национальной валюте, то получить настоящий итог дело нелегкое. В нижеследующей таблице французские франки превращены в золотые марки по пропорции 2,20 фр. за одну золотую марку (пропорция, принятая Репарационной комиссией, как было объяснено выше); стерлинги приблизительно по паритету (по аналогии с пропорцией, принятой для франков); бельгийские франки по той же пропорции, как французские; итальянские лиры по двойной пропорции; сербские динары по четверной пропорции; японские иены по паритету.

	Миллиарды марок (золотом)
Франция	99
Британская империя	54
Италия	27
Бельгия	16 ¹ / ₂
Япония	1 ¹ / ₂
Юго-Славия	9 ¹ / ₂
Румыния	14
Греция	2
	223 ¹ / ₂

¹⁾ Франки здесь переведены в золотые марки по пропорции 2,20 франка за одну золотую марку, а стерлинги по пропорции один фунт за 20 золотых марок.

²⁾ Это точная цифра оценки, приведенной мною в *Экономических последствиях Версальского мирного договора* (стр. 72 русск. пер.). Но там я прибавил: „я питаю гораздо более доверия к приблизительно точности общего итога, чем к его распределению между различными участниками“. Эта оговорка была необходима, так как я преувеличил требование Франции и недооценил требования Британской империи и Италии.

В этой таблице опущены Польша и Чехо-Словакия, которые не имеют права предъявлять требования, Соединенные Штаты, которые никаких требований не предъявили, а также некоторые менее важные *аспиранты*, перечисленные в приложении III.

Итак, в круглых цифрах мы можем определить требования, представленные в Репарационную комиссию, в сумме около 225 миллиардов марок золотом, из коих 95 миллиардов относятся к военным пенсиям и пособиям, а 130 миллиардов к остальным статьям.

Опубликуывая свое решение, Репарационная комиссия не различала особо ни требований отдельных союзников, ни отдельных статей, но попросту установила общую сумму. Эта сумма выразилась в цифре 132 миллиарда, т.-е. около 58% совокупных требований союзников. Это решение отнюдь не сообразовалось с платежеспособностью Германии и представляло голую оценку, претендующую на юридическую объективность, устанавливая сумму, действительно и по справедливости должную Германией, согласно статьям требования, установленного Версальским договором.

Решение было принято единогласно, но только благодаря опасности резкого расхождения в мнениях. Вообще не следует и не допускается приличием образовывать группу заинтересованных лиц с целью получить юридическое решение в деле, где они являются одной из сторон. Весь этот результат есть следствие той идеи, которая красной нитью проходит через весь договор, и которая предполагает, как нечто неоспоримое, что союзники неспособны поступать несправедливо или даже пристрастно.

Дискуссии, которые привели к этому решению, в Англии не попали в печать. Однако Пуанкаре, бывший одно время председателем Репарационной комиссии и, как надо думать, прекрасно осведомленный о ее деятельности, несколько приподнял завесу в статье, напечатанной в *Revue des Deux Mondes* 15 мая 1921 года. В этой статье он разоблачает факт, что окончательный результат получился путем компромисса между французскими и британскими делегатами; последние пытались фиксировать сумму в 104 миллиарда, при чем защищали эту цифру не только с искусством, но даже со страстной энергией ¹⁾

Когда решение Репарационной комиссии было впервые опубликовано в печати, когда оказалось вместе с тем, что оно так сильно

¹⁾ «Elle avait été le résultat d'un compromis assez pénible entre le délégué français, l'honorable M. Dubois, et le représentant anglais, sir John Bradbury, depuis lors démissionnaire, qui voulait s'en tenir au chiffre de cent quatre milliards et qui avait défendu la thèse du gouvernement britannique avec une habileté passionnée». (Решение было результатом довольно трудного компромисса между французским делегатом уважаемым Дюбуа и английским делегатом сером Джоном Брэдбери, впоследствии ушедшим в отставку; последний настаивал на цифре в 104 миллиарда и защищал точку зрения британского правительства с искусством и страстной настойчивостью).

сокращает требования союзников, я приветствовал его, будучи, ^{быть} может, несколько введен в заблуждение очень близким сходством с моими собственными предсказаниями, как торжество правосудия в международных отношениях. До известной степени я продолжаю думать так и теперь. Репарационная комиссия своим непризнанием правдивости требований союзников сделала значительный шаг вперед. В самом деле, сокращение требований по всем статьям кроме пенсий и пособий, должно было быть весьма значительным, если мы примем во внимание, что требование возмещения пенсий, поддающихся более или менее точному исчислению ¹⁾, едва ли могло быть определено с первоначальной ошибкой почти в 42%. Если, говоря для примера, комиссия сократила требование, касающееся пенсий и пособий, с 95 миллиардов до 80, то прочие требования она должна была сократить с 130 миллиардов до 52, т.е. на 60%. И все же, даже и при таком положении дела, на основании имеющихся у нас теперь данных я не думаю, что ее приговор можно было бы отстоять перед беспристрастными судьями. Цифра в 104 миллиарда, автором которой Пуанкаре называет сера Джона Бадбери, повидимому всего более близка к строго беспристрастной оценке.

Чтобы сделать полным это суммарное рассмотрение фактов, мы должны указать еще на две особенности: 1) Итог, установленный Репарационной комиссией, заключает в себе совокупность требований, предъявляемых Германии и ее союзникам. Другими словами оно имеет в виду убытки, причиненные армиями Австро-Венгрии, Турции и Болгарии в такой же степени, как и армиями Германии. Если союзники Германии внесут какие-либо платежи, то предполагается, что эти платежи должны быть вычтены из суммы, должной ею. Однако Прибавление I к главе о репарациях в Версальском договоре редактировано так, что Германия делается ответственной за всю сумму. 2) В этот итог не включена сумма, которую договор предусматривает для погашения ссуд, полученных Бельгией от ее союзников во время войны. Во время лондонского соглашения (май 1921 года) обязательство Германии по этой статье было предварительно фиксировано в 3 миллиарда марок золотом. Однако в то время не выяснили, по какой пропорции эти займы, полученные в долларах, стерлингах и франках, должны быть превращены в золотые марки. Вопрос был передан на решение мистера Бойдена, делегата Соединенных Штатов в Репарационной Комиссии; в конце сентября 1921 года он объявил, что за основание должно взять соотношение курсов, господствовавших в момент перемирия. Присчитывая прирост в 5%, предусмотренный в договоре, я заключаю, что это обязательство к концу 1921 года равня-

¹⁾ В этом вопросе вполне законно можно было спорить главным образом о курсе для превращения бумажных франков в золотые марки.

ется приблизительно 6 миллиардам золотых марок; из этой суммы несколько более трети приходится на долю Великобритании, Франция же и Соединенные Штаты имеют получить несколько менее трети каждая.

Итак я прихожу к окончательному заключению касательно суммы, наиболее близкой к истине, которую Германия должна заплатить согласно буквальному смыслу Версальского договора. Эта сумма—110 миллиардов золотых марок, при чем между главными категориями требований она распределяется таким образом: 74 миллиарда в уплату военных пенсий и пособий, 30 миллиардов за непосредственный ущерб, причиненный имуществу и личности граждан и 6 миллиардов в погашение военного долга Бельгии.

Этот итог превышает платежеспособность Германии. По требованию по другим статьям, нежели пенсии и пособия, она удовлетворить в состоянии. Включение в требование оплаты пенсий и пособий было предметом долгой борьбы и ожесточенного спора в Париже. Я уже приводил доказательства, что это требование противоречит тем условиям, на которых Германия сложила оружие и заключила перемирие. К этому вопросу я снова возвращусь в следующей главе.

Экскурс V.

Получения и выплаты до 1 мая 1921 года.

Статья Версальского договора, предписывавшая, чтобы Германия с некоторыми вычетами уплатила 1.000 миллионов фунтов золотом к 1 мая 1921 года, до такой степени не соответствовала фактам и возможностям, что некоторое время никто не вспоминал об этом неудачном детище скудной фантазии Парижа. Так как это требование целиком отброшено лондонским соглашением 5 мая 1921 года, то не стоит возвращаться к этой спорной, но забытой теме. Интересно, однако, напомнить, какие платежи в действительности сделала Германия в течение промежуточного периода. Нижеследующие детали заимствованы из отчета, опубликованного британским казначейством в августе 1921 года:

Приблизительный отчет Ремонтной комиссии о поступлениях из Германии с 11 ноября 1918 года по 30 апреля 1921 года.

	Золотые марки.
Получено деньгами	99.334.000
Получено натурой:	
Корабли	270.331.000
Уголь	437.160.000
Красящие вещества	36.823.000
Прочие предметы	987.040.000
	1.780.688.000
Недвижимая собственность и имущество, еще не обращенное в деньги	2.754.104.000
	4.534.792.000
	т.-е. около 284.500.000 фунтов.

Недвижимая собственность состоит преимущественно из Саарских угольных копей, переданных Франции, государственной собственности в Шлезвиге, уступленной Дании, и государственной собственности (с некоторыми исключениями) на территории, отошедшей к Польше.

Все денежные суммы, две трети кораблей и четвертая часть красящих веществ достались Великобритании. Часть кораблей и красящих веществ, Саарские угольные копи, большая часть угля и поставлений «прочими предметами» (см. таблицу), включая ценные материалы, брошенные отступавшей германской армией, достались Франции. Несколько кораблей, некоторая часть угольных и иных поставок, а также компенсация, следуемая с Дании за Шлезвиг, достались Бельгии. Италия получила некоторую часть угля и кораблей и кое-что в прибавку. Стоимость германской государственной собственности в Польше могла быть передана только Польше.

Впрочем, все эти суммы не могли войти в категорию репараций. Из них подлежали изъятию: 1) суммы, возвращенные Германии в силу соглашения в Спа, т.-е. 360.000.000 марок золотом¹⁾, и 2) издержки по содержанию оккупационных армий.

В сентябре 1921 года Репарационная комиссия опубликовала следующую приблизительную оценку издержек по оккупации германской территории союзными армиями за время, истекшее от перемирия до 1 мая 1921 года:

	Общая сумма издержек.	Стоимость ежедневного содержания одного солдата.
Соединенные Штаты .	278.067.610 доллар.	4,50 доллара
Великобритания . . .	52.881.298 фунт.	14 шиллингов
Франция	2.304.850.470 франк.	15,25 франка
Бельгия	378.731.390 фр.	16,50 франка
Италия	15.207.717 фр.	22 франка

Превращение этих сумм в золотые марки возбуждает обычные разногласия касательно курсов, которые должны быть при этом приняты за основание. Как бы то ни было, общая сумма издержек была фиксирована в три миллиарда марок золотом²⁾, из коих один миллиард

¹⁾ Эта сумма авансирована Германии союзниками: около 5.500.000 фунтов Великобританией, 772.000.000 франков Францией, 96.000.000 франков Бельгией, 147.000.000 лир Италией и, кроме того, 56.000.000 франков Люксембургом.

²⁾ Германские власти опубликовали несколько более высокую цифру. Согласно меморандуму, представленному Рейхстагу министром финансов в сентябре 1921 г., стоимость оккупационных армий и Комиссии Рейнских провинций до конца марта 1921 года равнялась 3.936.954.542 золотым маркам, оплаченным в первую очередь оккупирующими державами, но впоследствии подлежащим возмещению со стороны Германии, плюс 7.313. 911.829 бумажным маркам, непосредственно оплаченным германским правительством.

должны были получить Соединенные Штаты, один миллиард Франция, 900 миллионов Великобритания, 175 миллионов Бельгия и 5 миллионов Италия. 1 мая 1921 года Франция держала на Рейне 70.000 солдат, Великобритания около 18.000, а Соединенные Штаты ничтожный по численности отряд.

Итак, чистый результат переходного периода сводится к следующему:

1) Оставляя в стороне государственную собственность, переданную Польше, совокупность имущества, полученного с Германии за два с половиною года, истекшие со времени перемирия, и взысканного по всей строгости договора, направленного к тому, чтобы получить всю доступную изъятию собственность, оказалась достаточной как раз для покрытия издержек сбора, другими словами, издержек по содержанию оккупационных армий, при чем для репараций из этого имущества не осталось *никакого излишка*.

2) Впрочем так как Соединенные Штаты еще не получили миллиарда, приходящегося им за оккупационный отряд, то остальные союзники поделили между собою излишек приблизительно в один миллиард. Эта сумма была распределена не поровну. Великобритания получила на 450—500 миллионов золотых марок *меньше*, чем сама истратила, Бельгия на 300—350 миллионов *больше*, чем истратила, и также Франция на 1.000—1.200 миллионов *больше*¹⁾.

Согласно букве договора тот из союзников, кто получил менее своей доли, имеет право требовать уплаты разницы деньгами с тех союзников, которые получили больше. Это условие, а также употребление миллиарда, полученного с Германии между маем и августом 1921 года, было предметом финансового соглашения, предварительно подписанного в Париже 13 августа того же года. Главное содержание этого соглашения представляет ряд уступок Франции частью со стороны Бельгии, которая согласилась на частичную отсрочку ее права первенства на получение двух миллиардов из первых денежных поступлений из Германии в счет репараций, частью же со стороны Великобритании, которая в целях более удобного внутреннего расчета между самими союзниками признала более низкую цену на уголь, поставляемый Германией, нежели цена, установленная в договоре²⁾. Взамен этих уступок, в связи с будущими платежами *первый* миллиард, полученный деньгами *после* 1 мая 1921 года, был поделен между Великобританией и Бельгией, при чем первая получала 450 миллионов

¹⁾ Я не ручаюсь за точность этих цифр, которые представляют мое собственное грубое вычисление, извлеченное из неполных опубликованных в печати сведений.

²⁾ С другой стороны, точка зрения Британии была принята при оценке кораблей.

Российская
Библиотека
История
1917-1918

золотых марок в уплату еще причитающегося ей остатка за содержание оккупационного отряда, а вторая получала остальное, в качестве первого взноса сумм, на которые она имела право первенства. Французская пресса характеризовала это соглашение, как новое бремя, возложенное на Францию, или, по меньшей мере, как лишение ее предоставленных ей прав. Однако такое утверждение не соответствует действительности. Напротив, соглашение было всецело направлено на то, чтобы смягчить строгость, с которой буквальный смысл договора и условий, заключенных в Спа, мог быть применен к ущербу для Франции ¹⁾.

Действительная ценность этих платежей представляет поразительный пример того, насколько цена предметов, подлежащих выдаче союзникам, оказывается ниже общепринятых оценок. Репарационная комиссия постановила, что кредит, который Германия получит в счет ее торгового флота, составит сумму около 755 миллионов золотых марок. Эта цифра низка отчасти вследствие того, что корабли поступили в распоряжение союзников после стремительного падения фрахтов ²⁾. Тем не менее корабли представляли один из осязательных видов собственности большой ценности, на которую одно время охотно указывали, возражая тем, кто сомневался в способности Германии внести крупные платежи. Что дают корабли для общего счета, предъявленного Германии? Счет показывает 138 миллиардов марок золотом, прирост которых из 6% годовых дает 8.280 миллионов марок золотом. Это значит, что весь торговый флот Германии, выдача которого так унизила ее гордость и потребовала такого усилия, покрывает всего лишь сумму приблизительно месячного платежа.

¹⁾ В виду политических затруднений, в которые это соглашение вовлекло кабинет Бриана, вопрос был очевидно улажен Великобританией и Бельгией, которые получили свои указанные выше доли, «подлежащие урегулированию окончательного будущего соглашения», касательно вопросов, трактуемых в этом соглашении. Чистый результат 30 сентября 1921 года заключался в том, что вместе с вышеуказанными суммами Великобритания получила обратно 5.445.000 фунтов в зачет ее авансов за уголь (по соглашению в Спа) и, кроме того, ей были выплачены или выплачивались в это время около 43.000.000 фунтов в счет содержания оккупационной армии (приблизительно 50.000.000 фунтов). Таким образом в результате трехлетних полученных репараций, расходы Великобритании по их сбору приблизительно на 7.000.000 фунтов превышали ее доходы.

²⁾ Определить цену этих кораблей на основании дохода, который они приносили во время падения цен, а также оценить долг Германии за разрушения, причиненные подводными лодками на основании стоимости возмещения судна во время подъема цен, кажется несправедливым. Моя оценка (в *Экономических последствиях мирного договора*, стр. 79) кораблей, подлежащих сдаче, равняется 120.000.000 фунтов.

Экскурс VI.

Распределение получений среди союзников.

Совещанием в Спа (в июле 1920 года) союзные правительства воспользовались для того, чтобы уладить в своей среде вопрос о репарациях, который оказался в Париже весьма осложненным и был оставлен без разрешения¹⁾, я разумею ту пропорцию, которая должна быть положена в основание при распределении получений между союзниками²⁾. Договор предписывает, что получения с Германии будут делиться между союзниками «в долях, которые заранее *были* определены ими на основе общей справедливости и принадлежащих каждому прав». Неудача, описанная Тардье, которая не позволила достигнуть соответствующего соглашения тогда же в Париже, делает грамматическое время «*были*» приведенного постановления неточным; зато в Спа вопрос был улажен следующим образом:

Доля Франции	52 ⁰ / ₁₀₀
Великобритании ³⁾	22 ⁰ / ₁₀₀
Италии	10 ⁰ / ₁₀₀
Бельгии	8 ⁰ / ₁₀₀
Японии и Португалии	³ / ₄ ⁰ / ₁₀₀ на каждую

остальные 6¹/₂⁰/₁₀₀ представляют резерв для Сербо-хорвато-словенского государства, для Греции, Румынии и прочих держав, не подписавших соглашение в Спа⁴⁾.

Такое распределение представляет некоторую уступку со стороны Великобритании, коей требование благодаря включению пенсий было значительно повышено по сравнению с суммой, основанной на репарациях в собственном смысле; пропорция, на которой настаивал в Париже Ллойд Джордж, вероятно более соответствовала действитель-

¹⁾ Тардье (The Truth about the Treaty стр. 346—348) изображает неудачные дискуссии по этому вопросу на мирной конференции. В Спа французы добились пропорции несколько *более* выгодной для них, чем та, которую они требовали в Париже и которую Ллойд Джордж отверг.

²⁾ Краткое изложение этого соглашения см. в приложении I.

³⁾ На конференции премьер-министров британских доминионов в июле 1921 года эта доля была распределена между составными частями следующим образом:

Соединенное королевство	86,85 ⁰ / ₁₀₀	Новая Зеландия	1,75 ⁰ / ₁₀₀
Малые колонии	0,80 ⁰ / ₁₀₀	Южная Африка	0,60 ⁰ / ₁₀₀
Канада	4,35 ⁰ / ₁₀₀	Ньюфаундленд	0,10 ⁰ / ₁₀₀
Австралия	4,35 ⁰ / ₁₀₀	Индия	1,20 ⁰ / ₁₀₀

⁴⁾ Соглашение в Спа предписывает также, что половина поступлений от Болгарии и от составных частей бывшей Австро-Венгерской империи должна быть распределена в такой же пропорции, а из другой половины 40⁰/₁₀₀ должны быть отданы Италии, а 60⁰/₁₀₀ Греции, Румынии и Юго-Славии.

ности (доли Франции и Великобритании определялись отношением 5 к 3). Моя сценка, определяющая долю Франции в 45%, Британской империи в 33%, Италии в 10%, Бельгии в 6% и остальных союзников в 6%, более соответствовала бы претензиям каждого, допустимым в силу договора. Однако, принимая во внимание всю совокупность обстоятельств, можно признать, что соглашение в Спа в общем дает достаточную гарантию справедливого распределения.

В то же самое время было подтверждено право Бельгии на первенство в получении 100.000.000 фунтов золотом; было также решено, что займы, полученные Бельгией от других союзников, которые Германия обязывалась уплатить в силу статьи 232 ¹⁾ договора, должны быть погашены из сумм, ожидаемых в следующую очередь. Эти займы, включая прирост, к концу 1921 года составят что-нибудь около 300.000.000 фунтов золотом, из коих 110.000.000 должна получить Великобритания, 100.000.000 Франция и 90.000.000 Соединенные Штаты.

Итак, в силу соглашения в Спа суммы, полученные с Германии деньгами и кредиты в счет ее поставок натурой должны идти на погашение ее обязательств в таком порядке:

1. Издержки содержания оккупационных армий, оцененные 150.000.000 фунтов золотом до 1 мая 1921 года.
2. Авансы Германии на покупку продовольствия, в силу соглашения в Спа, около 18.000.000 фунтов золотом.
- 3) Право Бельгии на первое получение суммы в 100.000.000 фунтов золотом.
- 4) Возмещение авансов союзников Бельгии приблизительно в 300.000.000 фунтов золотом.

Все это в совокупности дает около 570.000.000 фунтов золотом; я считаю, что из них около 150.000.000 фунтов должно быть уплачено Франции, 170.000.000 Великобритании, 100.000.000 Бельгии и 140.000.000 Соединенным Штатам.

Я думаю, немного лиц оценили, какая огромная сумма причитается на долю Соединенных Штатов по буквальному смыслу соглашения. Так как Франция уже получила почти три четверти положенной ей доли, между тем как Бельгия получила около одной трети, Великобритания менее одной трети, а Соединенные Штаты не получили ничего, то отсюда следует, что даже при самом благоприятном предположении касательно поступления германских платежей Фран-

¹⁾ „Германия принимает обязательство возместить все суммы, которые Бельгия получила в ссуду от держав Согласия по 11 ноября 1918 года вместе с приростом из 5% годовых“. Первенство этого требования, установленное в Спа, несколько отличается от процедуры, предписанной в договоре, который предусматривал срок погашения не позднее 1 мая 1926 года.

ция в ближайшем будущем имеет получить лишь сравнительно ничтожные суммы.

Финансовое соглашение 13 августа 1921 года имело целью смягчить затруднительность положения Франции ввиду этих определений первенства ¹⁾. Детали соглашения еще не опубликованы, но говорят, оно содержит предписания, несколько отличные от установленного в Спа порядка выплаты авансов, выданных союзниками Бельгии.

Прием, оказанный этому соглашению во Франции, является прекрасной иллюстрацией того, к чему приводит отсутствие осведомленности в публике. Во Франции никогда не понимали значения соглашения в Спа, и в результате августовское финансовое соглашение, которое весьма улучшило положение Франции, стали рассматривать как серьезное нарушение предоставленных ей прав. Думер ни разу не проявил достаточно мужества, чтобы сказать обществу правду, а между тем если бы он сделал это, то стало бы ясно, что подписывая соглашение, он действовал в интересах собственной страны.

Раз мы упомянули о Соединенных Штатах, мы должны обратить внимание на неправильную позицию этой страны, созданную договором. Ее отказ подписать договор не нарушает ни одного из прав, предоставленных ей как в отношении ее доли издержек по содержанию оккупационной армии (каковые впрочем несколько уравновешиваются конфискацией германских кораблей в Америке), так и в отношении выплаты ей военных авансов Бельгии ²⁾. Отсюда следует, что Соединенные Штаты согласно букве договора имеют право на значительную часть денежных поступлений с Германии в близком будущем.

Во всяком случае для удовлетворения этих претензий Соединенные Штаты обладают возможностью, о которой было уже говорено (стр. 46), и которую мы не должны упускать из виду здесь. Согласно договору, частная собственность немцев в союзных странах, которые принимают схему расчетной палаты, в первую очередь идет на уплату долгов немецких граждан гражданам данной союзной страны, и если при этом получается остаток, то он удерживается в зачет репараций. Как должно быть поступлено с соответствующей собственностью немцев в Соединенных Штатах, остается еще нерешенным. Излишние

¹⁾ См. выше стр. 79 и след.

²⁾ Статья I мирного договора между Германией и Соединенными Штатами, подписанного 25 августа 1921 года и впоследствии ратифицированного, оговаривает особо, что Германия обязуется признать за Соединенными Штатами все права, привилегии, вознаграждения, репарации и преимущества, указанные в объединенной резолюции Конгресса от 2 июля 1921 года, «включая все права и преимущества, обеспеченные Соединенным Штатам по Версальскому договору, каковыми Соединенные Штаты и будут пользоваться, не взирая на то, что этот договор не был ратифицирован Соединенными Штатами».

имущества, ценность которых, быть может, равняется приблизительно 300.000.000 долларов ¹⁾, будет удержана хранителями неприятельского имущества (Enemy Property Custodian). От времени до времени происходили переговоры о займе для Германии под залог этих имуществ, однако правовое положение мешало делу подвинуться вперед. Во всяком случае значительная германская собственность еще остается под контролем Америки.

ГЛАВА V.

Законность требования уплаты пенсий.

«Согласование международных отношений с принципами нравственности повсюду признается желательным, но никогда оно не осуществлялось на практике. И потому, когда меня обвиняют в преступлении вместе с миллионами других людей, мне остается только пожать плечами». Из письма одного доброжелательного критика к автору *Экономических последствий Версальского мирного договора*.

В предыдущей главе мы видели, что требование возмещения пенсий и пособий почти вдвое превышает сумму, которую Германия должна уплатить за причиненные ею опустошения, так что включение его в претензии союзников почти утраивает размеры счета. Включение в него этого требования превращает вполне законные и удовлетворимые претензии в нечто совершенно невозможное. В этом заключается важное значение вопроса о пенсиях и пособиях.

В *Экономических последствиях Версальского мирного договора* я приводил основания, согласно которым это требование должно считаться актом, противным международной морали и к тому же нарушающим наши собственные обязательства. С тех пор было немало написано по этому вопросу, однако я не могу согласиться, что мои выводы были серьезно поколеблены критикой. Большинство американцев, писавших на эту тему, принимают эти выводы, большинство французов игнорируют их; большинство же англичан, не настаивая на том, будто очевидность фактов *перевешивает* не в мою сторону, стараются показать, что и с противоположной точки зрения можно привести несколько столь же веских или столь же немаловажных замечаний. Они пользуются тезисами, бывшими в ходу у иезуитских профессоров пробабиллизма в XVII веке, согласно которому союзники признаются оправданными,

¹⁾ Согласно отчету, опубликованному в Вашингтоне в августе 1921 года хранители имели германской собственности на сумму в 314.179.463 доллара.

коль скоро не доказано с полной очевидностью, что они виновны, и всякое вероятное предположение в их пользу, как бы оно ни было ничтожно, является достаточным, чтобы очистить их от смертного греха.

Однако большинство публики в странах, воевавших с Германией, не склонно принимать этот вопрос близко к сердцу даже в тех случаях, когда мое мнение принимается с одобрением. Эпиграф этой главы верно характеризует общее отношение. Международная политика есть мошенническая игра, такую она была всегда, и частные лица не чувствуют себя ответственными за нее. Если наш неприятель нарушает правила, то это дает нам удобный повод для выражения наших чувств; однако это обстоятельство не обязывает нас держаться спокойного взгляда, будто подобные вещи никогда не случались и не должны случаться в будущем. Чуткие и порядочные патриоты не одобряют их, но им «остается только пожать плечами».

Во всем этом есть известный здравый смысл, чего я и не отрицаю. Международная мораль, понимаемая как сухое законничество, может принести не мало вреда миру. В сложных международных отношениях так же, как и в частных делах, мы судим неправильно, если не принимаем в соображение *каждое обстоятельство*. К тому же было бы бесполезно идти против течения и взывать к принципам, в то время как повсюду пропаганда стремится вызвать эмоции, страсти, чувства, эгоизм, — все, что с моральной точки зрения является пустым и ничтожным.

Впрочем признавая, что не случилось ничего необычайного, и что людьми попрежнему руководят обычные мотивы, я все же думаю, что акт, о котором идет речь, представляет пример исключительной низости, так как он сопровождается лицемерным провозглашением нравственных принципов. Возвращаясь к его обсуждению, я отчасти преследую практическую цель, отчасти же мною руководит исторический интерес. В нашем распоряжении находится новый материал, в высшей степени любопытный, который разъясняет нам течение событий. Если бы из практических соображений мы могли отказаться от требования, касающегося пенсий и пособий, то нам было бы легче уладить наши отношения с Германией.

Те, кто думает, что отнесение военных пенсий на счет наших врагов противоречит обязательствам союзников, основывают это мнение на тех заявлениях, которые президент Вильсон с согласия союзников адресовал германскому правительству 5 ноября 1918 года, и благодаря которым Германия приняла условия перемирия¹⁾. Мнение противоположное, признающее, что союзники имели право включить пенсии в

¹⁾ Точный текст относящихся сюда мест дан мною в *Экономических последствиях Версальского мирного договора* в главе V.

04.10.53 40
202 00101030

свое требование, коль скоро они нашли это целесообразным, опирается на два различных способа аргументации: первый указывает на то, что условия перемирия от 11 ноября 1918 года не *вытекают* из заявления президента Вильсона от 5 ноября, но *заменяют* его, особенно в пункте, касающемся репараций; второй указывает на то, что словесная редакция заявления Вильсона, понимаемая в собственном смысле, не исключает возможности требовать пенсии.

Первый способ аргументации был усвоен Клоцем и французским правительством во время мирной конференции, а в последнее время нашел одобрение в книге Тардые¹⁾. Он был отвергнут всей американской делегацией в Париже и никогда не получал решительного одобрения британского правительства. Ответственные лица, писавшие о договоре, за исключением французов, его не одобряли²⁾. Сама мирная конференция определенно отказалась от него в ответе на замечания германских представителей по поводу первого проекта договора. Второй способ аргументации был усвоен на мирной конференции британским правительством, и в конце концов на его сторону склонился президент Вильсон. Я буду говорить об обоих этих способах поочередно.

1. Различные лица опубликовали подробности переговоров, раньше сохранявшиеся втайне; они позволяют нам восстановить ход этих переговоров, касающихся перемирия. Переговоры начинаются с рассмотрения условий перемирия военным советом союзников 1 ноября 1918 года³⁾.

¹⁾ *The Truth about the Treaty*, стр. 208.

²⁾ Например, книга *The History of the Peace Conference of Paris*, опубликованная под покровительством Института международных отношений, пишет (т. II, стр. 43): «Именно это заявление (т.-е. нота Вильсона 5 ноября 1918 г.) является основным документом при всяком споре о том, что были союзники в праве требовать в мирном договоре в смысле репараций; трудно видеть в нем нечто иное, кроме сознательного ограничения своих неоспоримых прав на возмещение полностью всех военных издержек».

³⁾ Нижеследующие подробности заимствованы из книги „Mermeix“ — *Les Négociations secrètes et les Quatre Armistices avec pièces justificatives*, издание Олендорфа. Париж. 1921 г. Эта замечательная книга не привлекла к себе того внимания, которого она заслуживает. Большая часть ее состоит из дословной передачи секретных *протоколов* тех заседаний Союзного Верховного Совета, которые были посвящены выработке условий перемирия. Таким образом это разоблачение надо считать подлинным, и отчасти оно подтверждается в книге Тардые. В ней мы находим чрезвычайно интересные данные относительно вопросов, непосредственно не связанных с моей настоящей темой, как например, обсуждение вопроса о том, должны ли союзники настаивать на сдаче германского флота, если Германия станет возражать против этого. В этом рассказе маршал Фош вырисовывается в очень благоприятном свете; он настаивает на том, что от неприятеля не должно требовать ничего, что не представляется необходимым, и что не следует проливать понапрасну кровь из-за пустяков. Сэр Дуглас Хэг придерживался такого же мнения. Отвечая подполковнику Гаузу, Фош сказал: «Если немцы примут условия перемирия, которые мы предписываем им, это означает капитуляцию».

Здесь прежде всего выясняется, что ответ союзных правительств президенту Вильсону (легший затем в основание текста его ноты от 5 ноября 1918 г., посланной германскому правительству),—ответ, содержащий их интерпретацию тех мест в Четырнадцати пунктах, которые относятся к репарациям, был составлен и утвержден в *той же самой* сессии Верховного Совета (1 и 2 ноября), в которой были составлены соответствующие статьи условий перемирия; далее выясняется, что союзники утвердили окончательно свой ответ президенту Вильсону только *после* утверждения этого самого проекта перемирия, который, согласно точке зрения французов, будто бы аннулировал и заменял условия, определенные в ответе союзников президенту Вильсону¹⁾.

Отчет о действиях Верховного Совета (в том виде, как он обнаруживается теперь) не подтверждает взгляда, будто в мыслях его членов была та двойственность, которую приписывает им точка зрения французов. С другой стороны, отчет показывает, что Совет вовсе не предполагал, будто ссылки на репарации в условиях перемирия оказывают какое-либо влияние на его ответ президенту.

То, что в отчете относится к этому вопросу, резюмируется следующим образом²⁾: Клемансо обратил внимание на то, что в первом проекте условий перемирия отсутствует какое-либо указание на возвращение похищенного имущества или на репарации. На это Ллойд Джордж возразил, что указание на возвращение похищенного имущества необходимо сделать, но что вопрос о репарациях входит скорее в мирные условия, чем в условия перемирия. Гиманс согласился с Ллойд Джорджем. Соннино и Орландо пошли гораздо дальше и утверждали, что в условиях перемирия не должно быть места ни для того, ни для другого требования, однако они все же выразили готовность принять compro-

Такая капитуляция дает нам все, что мы можем получить от величайшей победы. В данных обстоятельствах я не чувствую за собою права подвергать опасности жизнь хотя бы одного человека». В другой раз, а именно 31 октября, он сказал: «Если наши условия приняты, нам не остается желать ничего лучшего. Мы ведем войну лишь для того, чтобы достигнуть наших целей, и не согласны продолжать ее без пользы». Отвечая Бальфуру, предлагавшему, чтобы немцы, эвакуируя восточную Францию, оставили третью часть своего оружия, Фош сказал: «Включение всех подобных оговорок превращает наш документ в нечто химерическое, если большая часть его условий окажется невыполнимой. Мы поступим правильно, если воздержимся от этих невыполнимых предписаний». Равным образом он проявил гуманное отношение к Австрии и выразил свое опасение по поводу продления ее блокады, которое предлагали гражданские политики. «Я вмешиваюсь, — сказал он 31 октября 1918 года, — в дело, которое, строго говоря, военных не касается. Мы должны поддерживать блокаду до заключения мира, т. е. до тех пор, пока мы не создадим новую Австрию. Быть может, это потребует значительного времени; а это означает, что мы осуждаем страну на голодание и, может быть, даже толкаем ее на путь анархии».

1) Подтверждение этого находится в вышеуказанной книге Тардье, стр. 71.

2) См. Mermeix, op. cit., стр. 226—250.

мисс Ллойд Джорджа и Гиманса, включив в условия перемирия статью о возврате имущества, но не о репарациях. Дебаты по этому поводу были прерваны впрямь до представления Гимансом формулировки его компромиссного предложения. По их возобновлении на следующий день Клемансо предложил формулу, состоящую из трех слов: *Réparation des dommages* (возмещение убытков). Гиманс, Соннино и Бонар Лоу высказали сомнение относительно ее уместности в условиях перемирия. На это Клемансо возразил, что ему хотелось бы только напомнить о принципе, и что общественное мнение Франции придет в изумление, не находя его в условиях. Бонар Лоу ответил: «Принцип уже упомянут в нашем письме к президенту Вильсону, который намерен сообщить его Германии. Бесполезно повторять то же самое дважды»¹⁾. Это замечание возражений не встретило, но все же во внимание к требованиям чувства и ради удовлетворения общественного мнения было решено добавить три слова Клемансо. Затем Совет перешел к обсуждению других тем. В последний момент, когда все собирались расходиться, Клоц как бы мимоходом произнес следующие слова: «Было бы разумно предпослать финансовым вопросам оговорку, дающую союзникам право в будущем предъявить требования; я предлагаю вам такую редакцию»: «Без ущерба для какой-либо будущей претензии или требования со стороны союзников»²⁾. Как кажется, никому из присутствующих не пришло в голову, чтобы этой формуле могло быть придано какое-либо существенное значение, или чтобы она была понята иначе, чем как гарантия против возможности предположения, будто союзники отказываются от своего права предъявить требования благодаря отсутствию упоминания о них в этом документе. Поэтому формула была принята без обсуждения. Позднее Клоц хвалился, что посредством этого легкого маневра он уничтожил Четырнадцать пунктов в той части, которая затрогивала репарации и финансы (хотя то же самое собрание союзников отравило президенту Вильсону ноту, принимающую эти пункты), и таким образом обеспечил за союзниками право потребовать от Германии уплаты всех военных издержек. Однако я думаю, что общественное мнение всего света признает, что Верховный Совет был прав, не приписывая этим словам никакого особенного значения. Эта плутовская проделка стала вопросом личного самолюбия для Клоца и его коллеги Тардье, и это заставляет их так долго настаивать на своей точке зрения, которую приличные люди в настоящее время уже покинули.

В связи с этим маневром Клоца произошел один эпизод, ставший известным позже, который может служить прекрасным примером, как

¹⁾ Это весьма важное замечание Бонар Лоу приведено также и у Тардье (op. cit., стр. 70); поэтому его достоверность не подлежит сомнению.

²⁾ «Il serait prudent de mettre en tête des questions financières une clause réservant les revendications futures des Alliés et je vous propose le texte suivant: «Sous réserve de toutes revendications et réclamations ultérieures de la part des Alliés».

дипломат может попасть в ловушку. Так как Клоц предложил редакцию своей формулы лишь в тот момент, когда Совет уже расходился, то вполне естественно никто не обратил на нее особого внимания. Однако неудача может постигнуть всякого, и та же поспешность заставила одного из писцов сделать ошибку в тексте фразы. Вместо слова *revendication*, что значит *требование*, в тексте, представленном немцам для подписи, оказалось слово *renonciation*, что значит *уступка* ¹⁾. Это слово не совсем передавало желательный смысл. Однако эта ошибка не причинила Клоцу затруднений в такой степени, как можно было бы ожидать; в самом деле, на мирной конференции никто не заметил, что французский текст перемирия, которым пользовались официально, и на котором Клоц основывал свою аргументацию перед комитетом репараций, соответствовал предложенной им в Совете редакции, но не совпадал с текстом, подписанным Германией. Тем не менее и сейчас в официальных текстах, принадлежащих британскому и германскому правительствам, можно прочесть слово *renonciation* ²⁾.

2. Второй способ аргументации возбуждает более тонкую логическую контрверзу и не является попросту материалом для фокусничества. Если возможно допустить, что наши права зависят от условий, определенных в ноте президента Вильсона, представленной им Германии от имени союзников 5 ноября 1918 года, то вопрос решается истолкованием смысла этих условий. Так как Бэрк и Тардые опубликовали большую часть официальных отчетов (включая весьма секретные документы), относящихся к обсуждению этой проблемы на мирной конференции, мы теперь лучше, чем раньше, можем дать надлежащую оценку позиции союзников в этом вопросе.

Заявления президента, которые должны были послужить основой для мира, гласили, что «никакие контрибуции», «никакие карательные взыскания» не должны быть допущены, но что захваченные войсками территории Бельгии, Франции, Румынии, Сербии и Черногории должны быть восстановлены. Однако в таком случае потери, причиненные подводными лодками и воздушными рейдами, остались бы не возмещенными. Поэтому союзные правительства, принимая формулу президента, вклю-

¹⁾ Другими словами текст гласил: «*Sous réserve de toute renonciation et réclamation ultérieure*» вместо «*Sous réserve de toutes revendications et réclamations ultérieures*».

²⁾ Я рассказываю об этом эпизоде ради его исторического интереса. По моему мнению, для аргументации нет существенной разницы, стоят ли в тексте слова *revendications et réclamations* или *renonciation et réclamation*; по моему обе формулы имеют целью обеспечить за союзниками право в будущем. Но и без того слабая позиция Клоца еще более ослабляется в том случае, если подлинной надо считать вторую редакцию. Издатель книги *The History of the Peace Conference of Paris*, напечатанной Институтом международных отношений, впервые указавший на различие, о котором идет речь (т. V, стр. 370—372), полагает, что сила аргументов Клоца весьма зависит от того, каким из двух этих текстов мы будем пользоваться.

чили в нее оговорку, определяющую понятие «восстановления» ворка эта гласит: «Под *этим* (т.-е. под восстановлением захваченных войсками территорий) они подразумевают, что Германия должна компенсировать весь ущерб, причиненный гражданскому населению союзных стран и их имуществу ее нападениями на суше, на море и в воздухе».

Естественный смысл и цель этих слов, которые, как должен помнить читатель, введены в текст для интерпретации фразы «восстановление захваченных войсками территорий», заключается в том, чтобы нападения подводных лодок и крейсеров на море, а также нападения аэропланов и дирижаблей в воздухе были приравнены к нападениям войск на суше; такое расширение значения фразы было во всяком случае разумно при том условии, что смысл его определялся надлежащим образом заранее. Союзники справедливо опасались, что если они примут эту фразу в ее первоначальной форме, то «восстановление захваченных территорий» будет ограничено лишь тем ущербом, который был причинен нападениями войск на суше.

Такое истолкование оговорки союзных правительств, т.-е. что нападения на море и в воздухе должны приравниваться к нападениям на суше, но что в «восстановление захваченных территорий» отнюдь не может входить оплата военных пенсий и пособий, было принято американской делегацией в Париже. Германские обязательства распространялись, по их мнению, на «прямой физический ущерб собственности невоенного назначения и прямое физическое насилие, причиненное гражданским лицам»¹⁾, проистекающие из нападений этого рода; они допускали, что на Германии лежит еще только одно обязательство в силу другой части заявлений президента, а именно то, которое связано с нарушением международного права, каковыми являются нарушение нейтралитета Бельгии и незаконное обращение с военнопленными.

Мне кажется, что это истолкование никогда не было бы подвергнуто сомнению, если бы британский премьер-министр с целью одержать победу на общих выборах не обещал выжать из Германии более крупную контрибуцию, чем какую допускало это понимание ее обязательств²⁾, и если бы французское правительство с своей стороны не возбудило неисполнимых надежд. Эти обещания были сделаны в высшей степени опрометчиво. Но коль скоро обещания были даны, для их авторов уже трудно было согласиться, что они стоят в противоречии с нашими обязательствами.

¹⁾ Бэрок, *op. cit.*, стр. 19.

²⁾ Бэрок пишет (*op. cit.*, стр. 4): «На выборах, происходивших после перемирия и установления основных условий мира, английский народ огромным большинством голосов снова вручил власть своему премьер-министру с тем, чтобы эти условия мира и специально репарации были сделаны более строгими» (курсив мой).

Начались споры с делегациями, которые в противоположность американцам заявляли, что мы не взяли на себя никаких обязательств, которые не позволили бы нам требовать от Германии возмещения всех потерь и убытков, прямо или косвенно связанных с войною. «Один из союзников,—говорит Бэрк,—этим не ограничился и потребовал возмещения даже таких потерь и убытков, которые были вызваны столь неожиданным заключением перемирия, благодаря чему прекращение военных действий повлекло за собою финансовые потери».

В первой стадии обсуждения высказывались различные аргументы, при чем британские делегаты репарационного комитета мирной конференции Геджес, лорды Сомнер и Кенлиф настаивали на том, чтобы Германия оплатила все военные издержки, а не только убытки гражданских лиц. Они утверждали, 1) что согласно одному из принципов, провозглашенных президентом Вильсоном, каждая статья договора должна быть справедлива, и что возложить на Германию оплату полной стоимости войны вполне отвечало бы общим принципам справедливости; они утверждали, 2) что военные издержки Великобритании были результатом нарушения бельгийского нейтралитета со стороны Германии, и что поэтому Великобритания имеет право на полное возмещение ей военных издержек согласно общим принципам международного права (при чем однако этот аргумент не распространяется непременно на всех союзников). Эти доводы общего характера по моему мнению были разбиты Джоном Фостером Доллзом, который говорил от лица американской делегации. Вот отрывки из его речи: «Если наше чувство требует, чтобы принципы репараций были установлены со всею строгостью, если наши интересы требуют, чтобы эти принципы целиком были включены в наши претензии к Германии, то почему же вопреки названным мотивам мы раньше предложили определить репарации с известным ограничением? Эта потому, господа, что мы не считаем себя свободными. Мы собрались сюда не для того, чтобы рассматривать, как нечто новое, вопрос о том, что должен заплатить по справедливости наш враг; мы не имеем перед собою бланка, на котором мы вольны написать все, что хотим. Да, перед нами правда лежит лист бумаги, но этот лист уже заполнен, и под текстом стоят подписи Вильсона, Орlando, Клемансо и Ллойд Джорджа. Вы конечно понимаете, о каком документе я говорю: я разумею уже признанную вами основу мира с Германией». Приведя соответствующие места документа, Доллз продолжал: «Может ли быть хоть малейшее сомнение в том, что данное вами согласие представляет самоограничение? Совершенно очевидно, что во время переговоров в октябре и ноябре 1918 года было признано, что условленные тогда репарации ограничивают право правительств Согласия теми репарациями, которые они могли требовать от неприятеля в качестве предварительного условия мира. Германии нужно было только установить максимум тех требований, которые могли быть предъ-

явлены ей в условиях мирного договора. Сделанная тогда же специальная оговорка союзников насчет расширения первоначального понятия репараций может быть объяснена только при том условии, если они сознавали, что раз они пошли на соглашение, они уже лишили себя возможности навязывать Германии какой угодно род репараций. Таким образом мы признали, что мы даем Германии мир, если она выполнит определенные действия. Разве мы вправе теперь сказать: «Да, но прежде чем вы получите мир, вы должны сделать сверх того еще то-то и то-то»? Мы заявили Германии: «Вам может быть дан мир, если среди прочего вы выполните известные акты репараций, которые обойдутся вам, скажем, в десять миллионов долларов». Разве мы сами не лишили себя возможности сказать: «Вы получите мир, если выполните также другие акты в связи с репарациями, что увеличит ваши обязательства во много раз сравнительно с первоначальным условием»? Нет! независимо от того, справедливо или несправедливо требовать от неприятеля таких добавочных репараций, это теперь уже слишком поздно. К добру или к худу, но наша сделка закончена; нам остается только добросовестная разработка условий и практическое их выполнение».

Стыдно вспомнить, что британские делегаты так и не отказались от своих требований в полном объеме, на которых они настаивали еще в марте 1921 года, когда вопрос был изъят из их компетенции Верховным Советом. Американская делегация телеграфировала президенту, который тогда находился в море, прося его о поддержке, на что он ответил, что американская делегация должна выразить, если нужно, даже публично свое несогласие с такими приемами, которые «явно несоответствуют обещаниям, сознательно данными нами врагу, и которые мы не можем ныне изменить, не нарушая слова, только потому, что сила на нашей стороне»¹⁾.

Вслед затем обсуждение вступило в новую фазу. Британский и французский премьеры отказались от точки зрения своих делегаций, признали связывающее значение выражений в их ноте от 5 ноября 1918 года и решили извлечь из этих выражений такой смысл, который примирил бы разногласия и удовлетворил бы их избирателей. В чем состояли «убытки, причиненные гражданскому населению»? Нельзя ли было включить в них военные пенсии и пособия, которые выплачивались семьям мобилизованных? Если бы это удалось, то счет, предъявляемый Германии, был бы увеличен до цифры, которая могла бы удовлетворить почти всех. Во всяком случае, как говорит Бэрк, указывали на то, «что финансовая потеря, происходящая вследствие отлучения от семьи работника, причиняет не больший ущерб гражданскому населению, чем такая же финансовая потеря, происходящая вследствие

¹⁾ Бэрк, *op. cit.*, стр. 25.

уплаты налогов, доставляющих средства для военной экипировки и тому подобных военных издержек». Фактически военное пособие или пенсия являются попросту одним из многих расходов казначейства, вызываемых войною. Если допустить, что подобные расходы являются ущербом для гражданского населения, то стоило сделать еще один небольшой шаг, чтобы заявить претензию на полную оплату стоимости войны на том основании, что ее издержки ложатся на плательщиков налогов, которые, говоря вообще, представляют массу гражданского населения. Софистика такой аргументации легко обнаруживалась доведением ее до крайнего логического вывода. Кроме того оставалось неясным, каким образом пенсия и пособия можно было включить в смысл слов, которые сами являлись интерпретацией фразы «восстановление захваченных войсками территорий». Как ни был теперь президент склонен к принятию противоположной точки зрения (ибо у него были еще другие пункты расхождения с коллегами, интересовавшие его больше, чем это), все же его совесть оставалась неуспокоенной.

Американские делегаты рассказывают, что решительный аргумент, который окончательно преодолел колебания президента, был выдвинут в меморандуме, составленном генералом Сметсом ¹⁾ 31 марта 1919 года. Коротко говоря, этот аргумент заключался в признании, что солдат после своего увольнения становится лицом гражданским, и что поэтому рана, последствия которой остаются и после его ухода из армии, является ущербом, причиненным гражданскому лицу ²⁾. Таков аргумент,

¹⁾ Этот меморандум, который Бэрк напечатал *in extenso* (op. cit., стр. 29 и след.), принадлежал к категории самых секретных документов. Он был опубликован без сообщения сопровождавших его возникновение обстоятельств, которые, не оправдывая его аргументы (которые нельзя осветить лучше, чем это уже сделано в рассказе Бэрка), могли бы все же выяснить некоторые личные мотивы. Я совершенно согласен с тем комментарием, который дает журнал *The Economist* (22 окт. 1921 г.) в рецензии на IV том книги *The History of the Peace Conference of Paris*, где этот меморандум был перепечатан. Рецензент пишет: «Репутация генерала Сметса несправедливо пострадает, если этот документ будет перепечатываться и распространяться без всякого разъяснения насчет обстоятельств, которые сопровождали его изготовление». Как бы то ни было, все же хорошо, что миру станет известен этот документ; он должен занять подобающее ему в истории место, что для мира гораздо важнее, нежели мотивы и репутация отдельных его авторов.

²⁾ Бросается в глаза следующее место меморандума: «После увольнения увечного солдата он переходит в состав гражданского населения, и так как в будущем он уже не может (вовсе или отчасти) зарабатывать себе пропитание, то он терпит ущерб, как член гражданского населения, которому германское правительство обязано уплатить возмещение. Другими словами пенсия, которую он в качестве неработоспособного, получает от французского правительства, в действительности является обязанностью германского правительства, и согласно вышеприведенной оговорке оно должно возместить ее Франции. Невозможно возражать

15.01.2011
01:00:00
01:00:00

благодаря которому понятие «убытков, причиненных гражданскому населению» оказалось распространенным на ущерб, причиненный солдатам. И на этом-то аргументе в конце концов основывалось наше дело! За эту соломинку ухватилась совесть президента, и вопрос был благополучно улажен.

Он был улажен частным образом в компании Четырех. Вот как изображает заключительную сцену американский делегат м-р Лемонт ¹⁾.

«Я хорошо помню тот день, когда президент Вильсон решил допустить включение пенсий в счет репараций. Несколько человек из нашей делегации собрались в его библиотеке на площади Соединенных Штатов; мы были приглашены им для обсуждения особого вопроса о пенсиях. Мы старались втолковать ему, что во всей американской делегации не найдется ни одного юриста, который высказался бы за включение пенсий. Этому противоречила всякая логика. «Логика, логика!—воскликнул президент,—да провались она, эта логика! Я включаю пенсии в счет!» ²⁾.

Быть может в то время события были еще слишком свежи в моей памяти и слишком волновали меня, но все же я не могу сказать, что «мне остается только пожать плечами». Уместен или нет такой жест в настоящем случае, в этом рассказе я представил то моральное основание, на котором покоятся две трети требований, предъявленных нами Германии. Пусть знают это англичане и наши союзники.

против того, будто бы он, получив увечье в бытность свою в армии солдатом, не терпит убытка в качестве гражданского лица после своей отставки, если он стал неспособен к своему обычному заработку. Он страдает буквально как гражданское лицо после увольнения из армии; его пенсия предназначена для устранения этого ущерба, и потому она является обязанностью германского правительства».

¹⁾ What Really happened at Paris, стр. 272.

²⁾ М-р Лемонт прибавляет: «В этих словах выражалось не презрение к логике вообще, но нетерпеливое желание покончить с технической стороной вопроса. Все присутствовавшие разделяли это нетерпение». Эти слова не только отражают несколько наивным образом психологию нынешнего оппортунизма, с нетерпением относящегося ко всякой законности и преклоняющегося перед совершившимся фактом; они воскрешают также истоющую атмосферу конференции и то всеобщее желание поскорее и какою угодно ценою покончить с мучительным вопросом, которая целые месяцы оскорбляла и ум и совесть большинства участников. И все же к чести американской делегации надо признать, что она стойко держалась закона, и только один президент капитулировал перед лживыми требованиями политики.

ГЛАВА VI.

Репарации, взаимная задолженность союзников и международная торговля.

Требование сократить претензии союзников к Германии и претензии Америки к союзникам в настоящее время является у нас общераспространенной модой; это мнение основано на том, что платежи можно производить теперь только товарами, и таким образом слишком большие претензии должны оказаться решительно вредны для самих получателей.

Действительно собственный интерес союзников и Америки заключается в ограничении их требований. Этот взгляд я считаю совершенно правильным. Однако нельзя подкреплять его негодными аргументами. Ведь предположение, будто бы получить товары задаром само по себе уже вредно, нельзя считать ни самоочевидным, ни безошибочным при всех условиях. В этой главе я постараюсь отделить истину от заблуждения в этой новой всеобщей уверенности в том, что, заставляя Германию посылать нам товары, мы причиняем сами себе некоторый ущерб.

Моя аргументация довольно сложна, и я прошу читателя вооружиться терпением.

1. Не составляет существенной разницы, каким образом страна уплачивает свои долги, т.-е. посылает ли свои товары непосредственно кредитору, или сначала продает их на других рынках, а затем платит кредитору деньги. В обоих случаях товары попадают на мировой рынок и продаются в порядке либо конкуренции, либо кооперации с собственными товарами кредитора, в зависимости от данных условий в каждом отдельном случае, при чем это последнее различие зависит скорее от рода товаров, чем от характера рынка, на котором они продаются.

2. Для страны-кредитора получится мало пользы, если она будет принимать неконкурирующие товары в зачет уплаты долга, коль скоро конкурирующие товары будут продаваться должником в иной комбинации, например, с целью уплатить за свой собственный импорт. Это значило бы обманывать самого себя. Поясню это таким примером: из совокупности товаров, которые Германия естественно стала бы вывозить, если бы ее экспорт начали бы принудительно поощрять, можно было бы выбрать группу неконкурирующих товаров; однако положение несколько не изменилось бы от того, что мы вообразили бы, что ее долг нам оплачивается именно этой группой товаров, а не ее экспортом вообще. Поэтому нам нет никакой надобности предписывать,

чтобы Германия платила свой долг специально предназначенными товарами, если это такие товары, которые она будет вывозить во всяком случае; равным образом совершенно бесполезно запрещать ей платить определенным сортом товаров, если только это заставит ее вывозить эти товары на какой-либо другой рынок, чтобы продажей их оплатить свой импорт вообще. Никакой способ, применяемый нами, чтобы заставить Германию платить ее долг в форме особо указанных товаров, не влияет на общее положение; он видоизменяет только форму оплаты экспорта страны *в его целом*. Сказанное справедливо также и для взаимных платежных отношений между Америкой и союзниками.

3. С другой стороны, для нас нет никакого вреда в том, чтобы получать задаром выручку от продажи доставляемых нам товаров, даже когда эти товары представляют конкурирующие с нашими, если они все равно были бы проданы на мировом рынке.

4. Если в результате давления, оказываемого на страну-должника с целью заставить ее платить, она будет принуждена предлагать свои конкурирующие с нашими товары по более низкой цене, чем обычно, то соответствующие отрасли промышленности страны-кредитора, которые производят эти самые товары, обязательно пострадают, хотя бы в целом торговый баланс оказался в пользу страны-кредитора.

5. По мере того как платежи, производимые страной-должником, притекают не в ту страну, с которой конкурирует своими товарами должник, а в третью страну, ясно, что прямой ущерб, указанный выше в пункте 4-м, уже не покрывается никакими выгодами общего торгового баланса.

6. Ответ на вопрос, перевешивают ли выгоды общего торгового баланса страны-кредитора тот вред, который испытывают ее специальные отрасли промышленности, зависит от продолжительности периода, в течение которого страна-кредитор может рассчитывать на правильное получение платежей. Сначала вред промышленности, страдающей от конкуренции страны-должника, и лиц, в ней занятых, повидимому, перевешивает пользу от получаемых платежей. Однако по мере того как с течением времени капитал и труд найдут себе приложение в других областях промышленности, может наступить перевес в пользу страны-кредитора.

Нетрудно приложить эти общие принципы к специальному случаю отношений между нами и Германией. Германский экспорт в целом является настолько конкурирующим с нашим, что если он будет принудительно стимулироваться, то несомненно Германия будет стараться перебить нам дорогу в продаже своих товаров. Это положение не изменяется благодаря возможности выбрать для ее экспорта небольшое количество товаров, как поташ или сахар, которые не являются для нас конкурентами. Если Германия должна иметь *крупное* превышение

экспорта над импортом, ей придется увеличить продажу товаров, конкурирующих с нашими. В *Экономических последствиях Версальского мирного договора* (стр. 86—91 русск пер.) я пространно доказывал это положение с помощью довоенных статистических данных. Я показал, что по большей части конкурирующими с нами являются не только товары, которые она должна продавать, но и рынки, на которых она должна продавать эти товары. Статистические данные, касающиеся торговли после войны, показывают, что тогдашний мой аргумент еще сохраняет свою силу. Нижеследующая таблица дает пропорции, в которых внешняя торговля Германии распределяется между главными статьями вывоза 1) в 1913 г., 2) в первые девять месяцев 1920 года (т.-е. в последний период, для которого у меня имеются точные цифры) и 3) за четыре месяца от июня по сентябрь 1921 года, при чем эти последние цифры не допускают точной классификации для сравнения и являются лишь предварительными:

Германский экспорт.	Процентное отношение к совокупности экспорта.		
	1913	1920 от янв. по сент.	1921 от июня по сент.
Железные и стальные товары .	13,2	20	22
Машины (включая автомобили)	7,5	12	17
Хемпкали и краски	4	13	9,5
Топливо	7	6,5	?
Изделия из бумаги	2,5	4	3,5
Электрические приборы	2	3,5	?
Шелковые изделия	2	3	} 15
Хлопчатобумажные изделия . .	5,5	3	
Шерстяные товары	6	—	
Стекло	0,5	2,5	2
Кожаные изделия	3	2	4
Медные изделия	1,5	1,5	?

Итак, представляется ясным, что хотя сырые материалы кроме угля, как например, поташ, сахар и строевой лес могут дать Германии кое-какой ничтожный доход, значительно повысить свой экспорт она может только продажей железных и стальных изделий, химических веществ, красок, мануфактуры и угля, так как эти товары представляют единственную экспортную статью, которую она в состоянии произво-

Национальная библиотека
СССР

доть в крупном масштабе. Равным образом выясняется, что со времени войны не произошло существенных изменений в пропорциях различных экспортных статей; исключение из этого правила представляют те статьи, которые испытали некоторое поощрение благодаря состоянию курса, как например, железные изделия, машины, химические вещества, краски и стекло, которые не требуют для своего производства значительного ввоза сырых материалов.

Итак заставить Германию платить крупную контрибуцию значит заставить ее увеличить вывоз некоторых или всех выше поименованных товаров до больших размеров, чем ей нужно это в нормальных условиях. Единственный способ, каким она может достигнуть этой цели, заключается в назначении на эти товары более низкой цены, нежели цена, по какой их предлагают другие страны; возможности предлагать их по более низкой цене она достигнет отчасти тем, что ее рабочий класс сократит свои потребности, не понижая однако в той же степени свою производительность, частью же тем, что германская экспортная индустрия станет прямо или косвенно получать субсидии за счет прочего населения страны.

Все эти факты, раньше оставляемые без внимания, в настоящее время, быть может, даже слишком преувеличиваются публикой. Дело в том, что установленный выше принцип 3 требует особого внимания. Различные отрасли нашей промышленности найдут в лице Германии сильного конкурента, как это было уже и до войны, независимо от того, получим мы репарации, или нет; поэтому мы не должны приписывать репарациям тех неудобств, которые ожидают нас во всяком случае. Спасение заключается не в тех таинственных лечебных средствах, которые ныне являются особенно популярными и которые состоят в предписании формы оплаты репараций, но в сокращении общей суммы германских платежей до рациональной цифры. В самом деле, предписывая ей способ, каким она должна платить нам, мы не получаем возможности контролировать формы ее экспорта в целом; кроме того, поглощая в счет репараций всю наличность известного типа экспортных товаров, мы принуждаем ее увеличивать размеры остальных ее экспортных статей для оплаты импорта и других ее международных обязательств. С другой стороны, мы можем обеспечить для себя поступление с Германии умеренных платежей, например, в том размере, в каком она могла бы создать новые помещения своих капиталов за границей, и в то же время избежать необходимости поощрять ее экспорт в целом больше, чем это нужно для нее в нормальных условиях. Таков должен быть правильный курс политики Великобритании в этом вопросе исключительно с точки зрения ее собственного интереса.

Не менее ясно практическое применение принципов 5 и 6. Что касается принципа пятого, то важно иметь в виду, что Великобритания должна получить не всю контрибуцию, но только около одной пятой

ее части; шестой же принцип дает аргумент, который мне всегда казался решающим. Нет никакого основания рассчитывать на непрерывность репарационных платежей в крупных суммах в течение долгого периода времени. Кто поверит, что в течение одного или двух поколений союзники сохранят ту же силу давления на германское правительство, кто поверит, что германское правительство сохранит тот же авторитет над подчиненным населением, чтобы непрерывно извлекать крупный доход из принудительного труда? В глубине души в это не верит ни один человек. Нет ни малейшей вероятности, что в этом деле мы выдержим до конца. Но если действительность такова, тогда конечно не стоит терять время на то, чтобы вносить беспорядок в нашу собственную экспортную торговлю и расстраивать равновесие нашей промышленности на два или на три года; еще меньше оснований имеем мы, преследуя такую политику, ставить на карту мир Европы.

Те же самые принципы с единственной модификацией применимы к Соединенным Штатам и к взысканию ею ссуд, полученных от нее союзными правительствами. Промышленность Соединенных Штатов должна пострадать не столько от конкуренции дешевых товаров союзников, стремящихся уплатить свои долги, сколько от неспособности этих же союзников покупать у Америки обычную их пропорцию ее товаров, производимых для экспорта. Чтобы платить Америке, союзникам пришлось бы искать денег не столько расширением своей продажи, сколько сокращением своих покупок. Фермеры Соединенных Штатов пострадали бы больше, нежели фабриканты; ведь нежелательный рост импорта можно устранить повышением тарифов, тогда как для повышения падающего экспорта таких легких средств не существует. Во всяком случае интересно, что в то время как Уолстрит и промышленный Восток проявляют готовность рассмотреть вопрос о модификации долговых обязательств союзников, Средний Запад и Юг, как говорят (я пишу не на основании собственной информации), и слышать не хотят об этом. В течение двух лет союзники не требовали с Германии уплаты денег, и все это время британские фабриканты совершенно не представляли себе, какие результаты получатся для них, когда эта уплата станет реальным фактом. До сих пор союзникам не предъявлялось требования платить деньги Соединенным Штатам, и американские фермеры пока еще также не отдают себе отчета, как в свое время британские фабриканты, в том, какие убытки потерпят они, если союзники сделают серьезную попытку произвести уплату полностью. Я позволю себе дать совет сенаторам и членам Конгресса, представляющим земледельческие округа Соединенных Штатов, если они не желают также испортить свою репутацию в умственном и моральном отношении, как это случилось с нашими беспощадными сторонниками репараций, проявлять несколько больше осмотрительности в их оппозиции правительству Гардинга, которое желает получить

свободу действовать обдуманно (и, может быть, даже великодушно) в этом вопросе в соответствии с прогрессом общественного мнения и изменяющейся обстановкой.

Впрочем решающим аргументом как для Соединенных Штатов, так и для Великобритании является не ущерб, нанесенный частным интересам (который может уменьшаться с течением времени), но вероятность длительного взыскания долгов, хотя бы оно и удалось первое время на короткий период. Я говорю это не только ввиду того, что сомневаюсь в способности европейских союзников платить, но также ввиду необычайной трудности той проблемы, которую во всяком случае встретят Соединенные Штаты при установлении баланса в своих коммерческих отношениях со Старым Светом.

Американские экономисты составили довольно тщательный статистический учет изменениям денежного курса, по сравнению с довоенным положением. Согласно их оценке, Америка в настоящее время гораздо больше получает прироста со своих иностранных помещений капитала, нежели платит сама, не говоря уже о процентах с долгов союзников; ее торговый флот получает гораздо больше дохода с иностранцев, нежели сама она платит им за услуги такого же рода. Превышение американского экспорта над импортом доходит до 3000 миллионов долларов в год¹⁾; с другой стороны, ее платежи Европе, состоящие из издержек туристов и денежных переводов иммигрировавших европейцев, оцениваются в сумме не свыше 1000 миллионов долларов в год. Таким образом, чтобы свести баланс счета в его нынешнем состоянии, Соединенные Штаты должны снабжать остальной мир денежными ссудами в той или иной форме в количестве не менее 2000 миллионов долларов; к этой сумме надо прибавить еще около 600 миллионов долларов прироста и погашения военного долга европейских правительств, если только этот долг будет действительно выплачиваться.

Итак, в последнее время Соединенные Штаты должны были ежегодно ссужать остальной мир, преимущественно Европу, суммой около 2000 миллионов долларов. К счастью для Европы эта ссуда в доброй своей части выразилась в форме спекулятивных покупок обесцененных бумажных валют. От 1919 и по 1921 год потери американских спекулянтов снабжали Европу средствами; однако едва ли возможно рассчитывать на этот источник дохода, как на длительный и прочный. В течение некоторого времени нужды Европы могут быть покрываемы ссудами; но положение ее современем должно ухудшиться по мере

¹⁾ В год экономического подъема до июня 1920 года на весь коммерческий итог в 13.350 миллионов долларов превышение экспорта над импортом равнялось 2870 миллионам долларов. В год, ознаменовавшийся частичной депрессией до июня 1921 года, на весь коммерческий итог в 10.150 миллионов долларов превышение экспорта равнялось 2860 миллионам долларов.

того как сумма, образующаяся из прироста на прежние займы, будет расти.

Коммерческие нации всегда вкладывали крупные фонды в заморскую торговлю. Однако иностранные помещения капитала, как мы знаем это теперь, представляют новейшее изобретение и являются способом весьма ненадежным и допустимым лишь при особых обстоятельствах. Этим путем старая нация может содействовать развитию молодой страны, если последняя не в состоянии развиваться одними собственными средствами; подобная связь может быть выгодна для обеих, при чем страна, дающая деньги, может надеяться получить свою ссуду из обильных барышей должника. Однако обратное отношение этих двух сторон недопустимо. Если Европа станет выдавать векселя Америке, подобно тому как Америка в течение девятнадцатого века выдавала векселя Европе, то сходство двух этих случаев окажется в действительности ложным; ведь на самом деле, беря положение в целом, в Европе нет естественного прироста, нет *реального* амортизационного фонда, из которого Америка могла бы получить обратно свою ссуду. Прирост будет оплачиваться из новых займов, поскольку на них последует согласие, финансовая постройка будет расти все выше и выше, пока не обнаружится, что под нею нет фундамента. Поэтому то неохота американских вкладчиков покупать европейские векселя доказывает их здравый смысл.

В конце 1919 года в *Экономических последствиях Версальского мирного договора* я отстаивал идею ссуды Америки Европе на дело ее восстановления, конечно при условии, что она приведет свои отношения в порядок. В течение двух последних лет Америка сделала больше, хотя европейцы и не хотят этого признать; Америка фактически дала *весьма крупные* ссуды, гораздо более крупные, чем предусматривал я сам, хотя эти ссуды большею частью были сделаны не в форме регулярных выпусков векселей в американской валюте. Займы не были определены какими-либо особыми условиями, и много из полученных денег пропало даром. Хотя эти средства частью были растрчены, они все же помогли Европе пережить критический момент после перемирия. Однако продолжение этих ссуд не может принести разрешения нынешнему расстройству в балансе долгов.

Упорядочение отношений может произойти отчасти, если Соединенные Штаты займут то место, которое донныне принадлежало Англии, Франции и (в меньшей степени) Германии в смысле снабжения капиталами новых частей света, еще не столь развившихся, как она, а именно британских доминионов и Южной Америки. Также и Россия, Европейская и Азиатская, является девственной почвой, которая через некоторое время может послужить для приложения капитала. Будет гораздо благоразумнее, если американские капиталисты откроют кредит этим странам на тех же условиях, как это делали

раньше англичане и французы, чем если они станут снабжать деньгами старые страны Европы. Однако таким способом едва ли удастся перекинуть мост через всю образовавшуюся пропасть. Рано или поздно должно произойти изменение баланса экспорта и импорта, и, вероятно, оно наступит скоро. Америка должна начать покупать больше и продавать меньше. Только этим она сможет заменить свои ежегодные подарки Европе. Либо цены в Америке должны начать подниматься быстрее, чем в Европе, (что случится, если федеральное валютное управление допустит, чтобы растущий золотой запас оказал свое естественное влияние, либо в противном случае тот же результат получится по причине дальнейшего падения курсов европейских валют, пока Европа, неспособная покупать, не ограничит свои покупки предметами первой необходимости. Сначала американский экспортер, не имея возможности сразу упразднить все процессы производства, работающего на вывоз, постарается выйти из затруднения понижением цен; но когда эти цены некоторое время, скажем два года, будут стоять ниже себестоимости, ему неизбежно придется сократить или даже закрыть свое предприятие.

Для Соединенных Штатов было бы невыгодно предполагать, что равновесия можно достигнуть, если они будут вывозить по крайней мере столько же, сколько теперь, и в то же время сокращать импорт повышением пошлин. Как союзники требуют крупных платежей от Германии и в то же время пускают в ход всю свою изобретательность, чтобы помешать ей производить требуемые платежи, точно так же и американское правительство, с одной стороны, придумывает схемы для финансирования экспорта, а с другой—устанавливает тарифы, которые должны, елико возможно, затруднить обратную выплату ему кредитов. Великим нациям часто разрешается действовать с безрассудством, которое мы не прощаем частным лицам.

Если золотые слитки всего мира будут свезены в Соединенные Штаты, если там будет воздвигнут золотой телец вышиною до неба, то развязка, быть может, будет отсрочена на некоторое время. Но все же может наступить момент, когда Соединенные Штаты откажутся принимать золото, но не откажутся от требования уплаты. Новый Мидас тщетно будет просить кушания более питательного, чем бесплодный металл, принадлежащий ему по праву.

Во всяком случае исправление торгового баланса будет представлять трудный и суровый процесс и нанесет ущерб серьезным интересам. Если сверх того Соединенные Штаты будут требовать уплаты долгов союзников, то положение сделается невыносимым. Если они будут упорствовать во что бы то ни стало, станут прекращать свою экспортную промышленность и направят вложенные в нее капиталы на другие цели, если наряду с этим их прежние европейские союзники попробуют выполнить свои обязательства какою бы то ни было

ценою, то невозможно отрицать, что в конце концов Америка быть может и получит материальную выгоду. Однако такое предположение есть сплошная химера. Все это осуществиться не может. Можно с полной уверенностью утверждать, что Америка не станет преследовать подобную политику до конца; она откажется от нее, как только на опыте узнает ее первые последствия. Но если бы даже Америка и стала настаивать на своем, союзники не будут платить ей денег. Положение точно соответствует германским репарациям. Америка не сможет осуществить взимание долгов с союзников точно так же, как союзники не смогут взыскать с Германии репарации в их нынешнем объеме. Ни ту, ни другую политику нельзя назвать серьезной, и почти все осведомленные лица согласны с этим в частных разговорах. Однако таково время, в которое мы живем, что заявления в прессе сознательно приравниваются к общественному мнению, не наилучше, но наихудше осведомленному, и это потому, что это последнее мнение является наиболее распространенным. И в результате мы видим, что иногда долгое время пишут одно, а говорят другое,—противоречие, которое вызывает то смех, то ужас.

Если все сказанное справедливо, то для Америки невыгодно портить свои отношения с Европой и на два года вносить расстройство в свою экспортную промышленность, преследуя политику, которую она, наверное, покинет раньше, чем извлечет из нее какую-нибудь пользу.

Для тех читателей, которые любят отвлеченные формулы, я суммирую мою аргументацию следующим образом. Равновесие международной торговли основано на сложном соотношении между земледелием и индустрией различных стран земного шара и на специализации каждой страны в способах применения ее труда и капитала. Если одну сторону принуждают бесплатно отдать другой большое количество товаров, которого не допускает это равновесие, то соотношение приходит в расстройство. Так как капитал и труд привязаны и организованы в известных отраслях промышленности и не могут свободно перемещаться в другие отрасли, то расстройство указанного соотношения уничтожает пользу капитала и труда, связанных в своем назначении. *Организации*, от которой столь сильно зависит богатство нынешнего мира, наносится удар. С течением времени может быть создана новая организация и новое равновесие. Однако если источник расстройства временный, то потери от нанесенного ущерба могут перевесить выгоду бесплатного получения товаров. Сверх того, так как потери лягут бременем на капитал и труд, приложенные к особым отраслям индустрии, эти потери вызовут шумный протест, несоответствующий тому ущербу, который потерпит все общество в целом.

Г Л А В А VII.

Пересмотр мирного договора и устройство Европы.

Чем глубже, чем отвратительнее болото, в которое заводит нас Ллойд Джордж, тем более растет вера публики в то, что он сумеет вывести нас из него. Он ведет нас в болото, чтобы удовлетворить наши желания; он хочет нас вывести оттуда, чтобы спасти наши души. Он спускает нас на тропинки, благоухающие цветами, а затем вдруг, в нужный момент тушит праздничные огни наших надежд. Когда раньше кто-либо в такой степени испытывал блаженство рая и ужас преисподней, как мы?

В Англии общественное мнение почти уже совершило свой круг, и премьер-министр готовится выиграть победу на новых общих выборах на платформе: запрещение Германии платить, работа для каждого и более счастливая Европа для всех. И в самом деле, почему бы и не так? Впрочем наш Фауст слишком быстро движет своим калейдоскопом то приятных, то страшных огней, чтобы можно было показать, каким образом краски сливаются одна с другой. Я предпочитаю найти самостоятельное решение, которое может быть *исполнимо* в том смысле, что для этого не нужно ничего, кроме изменения общественной воли; я надеюсь оказать на эту волю некоторое влияние; выкидывать же флаг с политическими лозунгами не мое дело: это дело тех, кто видит в этом свое призвание.

Оглядываясь на прошлое и перечитывая, что я писал два года тому назад, я вижу, что опасности, которые тогда, казалось, нависли над нами, ныне счастливо избегнуты. Терпение народных масс Европы, устойчивость ее учреждений выдержали самые тяжелые удары, им нанесенные. Два года тому назад договор, который бросил вызов справедливости, милосердию и мудрости, представлял тогдашнюю волю стран победительниц. Тогда мы спрашивали себя: народ, ставший их жертвой, проявит ли терпение? Или лишения и отчаяние заставят его потрясти самые основы общественного порядка? Теперь у нас есть ответ. Да, жертва оказалась терпеливой. Страдали отдельные личности, но и только. Европейские общества успокаиваются и идут к новому равновесию. Мы почти уверены в том, что беды миновали, и готовы следить за признаками выздоровления.

Рядом с этим спасительным терпением народных масс здесь действовали также другие факторы. Поступки европейских правителей были разумнее, чем их слова. Мы преувеличим лишь немного, если скажем, что ни одна часть мирного договора не была выполнена на деле, за исключением статей о границах и разоружении. Много не-

счастий, которые я предсказывал, как следствие применения главы О репарациях, в действительности не постигли нас именно потому, что никто серьезно не пытался выполнить ее предписания. Теперь уж не может быть и речи о применении этой главы во что бы то ни стало, хотя мы еще и не знаем, какой окончательный смысл авторы договора придадут своим словам. Следует указать еще один фактор, отчасти неожиданный, на первый взгляд парадоксальный, но впрочем естественный, так как он согласуется со всем нашим прошлым опытом: рабочие классы поднимаются и угрожают своим правителям обычно не тогда, когда растет нужда, но когда увеличивается их благосостояние. Когда жизнь трудна, когда давит бедность, они впадают в бессилие и апатию. Великобритания вместе со всей Европой испытала это в 1921 году. Да и великая французская революция, пожалуй, была вызвана скорее ростом богатств страны в XVIII веке, ибо в то время Франция была богатейшей страной мира, чем тяжестью налогов и притеснений старого режима. Не лишение, а нажива заставляет человека чувствовать тяжесть его оков.

Итак, несмотря на депрессию торговли и расстройство денежных курсов, Европа под внешней оболочкой теперь гораздо устойчивее и здоровее, нежели два года тому назад. Смятение в умах улеглось. Организация, поврежденная войной, отчасти восстановлена; транспорт, за исключением восточной Европы, в значительной степени налажен; повсюду, кроме России, жатва была обильна, и в сырых материалах нет недостатка. Великобритания и Америка с их заморскими рынками испытали циклическое колебание экономических отношений в степени еще небывалой, однако и здесь есть признаки, что самый опасный момент уже миновал.

На этих новых путях все же остаются два препятствия. Во-первых, договор, хотя он и остался без применения, еще не пересмотрен. Во-вторых, та часть организации, которая слагается из денежных систем, общественных финансов и заграничных курсов, остается почти в таком же неустойчивом состоянии, как прежде. В большинстве европейских стран все еще нет равновесия между расходами и доходами бюджета, и потому инфляция растет, а международный курс их валюты по-прежнему колеблется. Предположения, которые я высказываю ниже, посвящены главным образом этой проблеме.

Некоторые из предлагаемых ныне планов восстановления Европы содержат слишком большой элемент опеки и слишком сложны, иногда кроме того они исходят из чрезмерно пессимистических предположений. Большой нуждается не столько в лекарствах или операциях, сколько в здоровых и естественных окружающих условиях, благодаря которым заработают его собственные восстанавливающие силы. Вот

почему надлежащий план должен носить по преимуществу *негативный* характер; он должен быть направлен на устранение *различных* препятствий, на упрощение положения, на уничтожение бессмысленных и несправедливых путей. В настоящее время на всех нас наложены обязательства, которые мы не в состоянии выполнить. Пока проблемы европейских министров финансов не станут чем-то *исполнимым*, у нас будет мало импульсов для энергичной деятельности к проявлению технического умения. Но если мы достигнем такого положения, при котором страны, попавшие в неоплатные долги, смогут винить только самих себя, тогда неподкупная честность и совершенная финансовая техника в каждой отдельной стране приобретут все шансы успеха. В этой главе я намереваюсь представить некоторые предложения, не для того, чтобы предписывать определенный выход из затруднений, но чтобы создать те условия, которые сделают такой выход возможным.

Итак, в главной части мои предположения не новы. Проект частичного или полного уничтожения междусоюзнических и репарационных долгов, ныне всем уже знакомый, по необходимости играет в них крупную роль. Однако те лица, которые не согласны на такие меры, не имеют права сказать, что их действительно интересует восстановление Европы.

Поскольку аннулирование или уменьшение долгов требует уступок от Великобритании, я, как англичанин, могу говорить без всякого затруднения и с некоторым авторитетом о тенденциях общественного мнения в нашем отечестве. Но я чувствую более неудобства в тех вопросах, которые требуют жертв со стороны Соединенных Штатов. Позиция известной части американской прессы внушает сильное искушение покончить с той манерой говорить вздор (или робкую полуправду), с помощью которой думают поддерживать сердечные отношения между нациями; эта манера непринужденна и в высшей степени соблюдает приличия; но что еще хуже, иногда сна может принести пользу там, где откровенность причиняет вред. Все же я держусь противоположного курса, хотя бы даже мне пришлось чувствовать себя при этом не совсем уверенно и смело; не в одной этой главе, но на протяжении всей книги меня поддерживает, быть может, несколько суеверная надежда, что откровенность в конце концов все же приносит пользу, хотя бы вначале она и вызвала некоторое смущение.

До сих пор с Германии союзники не получили репараций в крупном масштабе. До сих пор союзники не платили Соединенным Штатам процентов с их долгов. Поскольку наши нынешние затруднения не являются последствием войны и стихийной депрессии торговых сношений, они вызваны не тем, что требования уплаты стали более настойчивыми, но опасениями, что это может случиться. Из этого следует, что

13.03.59 40
813-1110133

простая отсрочка проблемы сама по себе не принесет нам никакой пользы. В течение двух последних лет мы ведь только и делали, что откладывали решение. Даже если бы мы сократили размеры репараций соответственно тому максимуму, который Германия способна уплатить, и принудили ее к уплате на деле, положение стало бы еще хуже, чем теперь. Уменьшить взаимные долги союзников наполовину и затем начать энергично взыскивать их означало бы не облегчение, а усложнение существующих затруднений. Поэтому выход заключается вовсе не в том, чтобы выжать из каждого плательщика последнюю копейку; выход заключается в том, чтобы предложить министрам финансов каждой страны такую задачу, которую они действительно могли бы разрешить в период ближайших пяти лет.

1. Пересмотр мирного договора.

Репарационная комиссия определила требования к Германии в 138 миллиардов золотых марок, из коих 132 миллиарда идут на уплату пенсий и убытков гражданского населения, а 6 миллиардов на уплату бельгийского долга. Комиссия не указала, в какой пропорции 132 миллиарда распределяются между пенсиями и убытками. Лично я определил требования договора (см. выше стр. 77) в 110 миллиардов, из коих 74 миллиарда приходятся на пенсии, 30 миллиардов—на убытки населения и 6 миллиардов—на бельгийский долг.

Аргументы, изложенные в главе VI, обязывают всякого, кто согласен с ними, отказаться от требования пенсий и пособий, как не совместимых с честью союзников. В таком случае вся контрибуция сокращается до 36 миллиардов; быть может для нас окажется невыгодно взыскивать эту сумму полностью, однако, она соответствует теоретической платежеспособности Германии.

Оставляя пока в стороне упразднение различных статей договора, которые и без того остаются только на бумаге, а также прекращение оккупации на условиях, изложенных ниже, я хотел бы закончить мой пересмотр договора одним взмахом пера. Пусть нынешняя оценка репараций в 138 миллиардов золотых марок будет заменена суммой в 36 миллиардов.

В силу условий перемирия мы имеем определенное право на эти 36 миллиардов; но если благоразумие потребует от нас еще уменьшить эту цифру, такое уменьшение может быть сделано на определенных условиях, но только теми, кто имеет право предъявить требования. Я думаю, что не делаю ошибки в расчете, предлагая разделить эти 36 миллиардов между союзниками в пропорции, определяемой ниже-следующей таблицей:

	Убытки.	Ссуды Бельгии.	Итого.
Британская Империя	9	2	11
Франция	16	2	18
Бельгия	3	—	3
Италия	1	—	1
Соединенные Штаты	—	2	2
Остальные союзники	1	—	1
	30	6	36

Теоретически можно допустить предположение, что Германия окажется в состоянии уплачивать 5% прироста и 1% погашения с этой суммы ее долга. Однако это может быть достигнуто только поощрением ее промышленности, работающей на вывоз, в такой степени, которая окажется невыгодной для Великобритании, и возложением на ее финансы трудной проблемы, которая расстроит ее бюджет и ослабит правительство. Если даже подобный платеж теоретически возможен, я не считаю его практически осуществимым в течение периода в тридцать лет.

Поэтому я предлагаю, чтобы Британская империя помимо пересмотра договора, о котором говорилось выше, целиком отказалась от своих требований, за исключением суммы в 1 миллиард золотых марок, предназначенных для особых целей, которые будут разъяснены мною дальше, и чтобы сверх того она взялась удовлетворить претензии Италии и других менее крупных получателей тем, что сложила бы с них задолженные ими у нее суммы. Таким образом Германии пришлось бы уплатить 18 миллиардов Франции и 3 миллиарда Бельгии, так как я предполагаю, что Соединенные Штаты тоже согласились бы простить безделицу, причитающуюся в их пользу. Эту остаточную сумму Германия должна была бы уплатить ежегодными взносами в размере 6% годовых (считая 5% прироста и 1% погашения) в течение тридцатилетнего периода. Предполагая, что платежи первых лет ей будут облегчены с помощью некоторых второстепенных мероприятий, можно ожидать, что такой счет будет ликвидирован без всякого серьезного ущерба для кого бы то ни было.

Поскольку окажется удобным выполнить это обязательство не уплатой денег, но поставкой товаров, тем лучше. Впрочем я не вижу никакой пользы настаивать на этом. Было бы разумнее предоставить Германии свободу искать денег, как она может, при чем всякий платеж в натуре должен подлежать взаимному соглашению, как это определено в Висбаденском соглашении.

135340
302 010133

Как бы то ни было, фиксирование ежегодных платежей в золоте на продолжительный период в тридцать лет может создать ненормальное положение. Если цены в золоте понизятся, то бремя может стать невыносимым. И, наоборот, если цены в золоте повысятся, то получатели окажутся обманутыми в своих ожиданиях. Поэтому следовало бы поручить фиксирование ежегодных платежей беспристрастному посреднику, который при этом руководился бы известными числами-показателями, соответствующими товарной ценности золота.

Другое изменение договора относится к оккупации. Европейский мир получил бы значительную прочность, если бы во исполнение части нового соглашения союзные отряды были выведены из германской территории, а право новой оккупации для каких бы то ни было целей было уничтожено, за исключением случая, когда ее разрешила бы Лига Наций большинством голосов. Взамен Британская империя и Соединенные Штаты должны гарантировать Франции и Бельгии целесообразное содействие, не доходящее однако до размеров военных действий, в удовлетворении их отныне уменьшенных требований; в то же время Германия должна произвести полную демилитаризацию территории по левому берегу Рейна.

2. Удовлетворение нужд союзников.

Франция. Представляет ли для Франции выгоду такое соглашение? Если оно будет сопряжено с дальнейшими уступками со стороны Великобритании и Соединенных Штатов, которые выразятся в сложении с нее долгов, то ее выгода явствует сама собою.

Каков ее нынешний баланс претензий и обязательств? Она имеет право на получение 52% той суммы, которую должна платить Германия. На стр. 44 я высчитал, что в силу лондонского соглашения эта сумма выразится: а) в 3,56 миллиардах золотых марок в случае, если германский экспорт достигнет 6 миллиардов, и б) в 4,60 миллиардах золотых марок, если экспорт достигнет 10 миллиардов. Таким образом в случае (а) доля Франции составит 1,85 миллиарда ежегодно, а в случае (б) 2,39 миллиарда. С другой стороны, ее долг Соединенным Штатам равняется 3634 миллионам долларов, а долг Великобритании 357 миллионам фунтов. Если выразить эти суммы в золотых марках по курсу *at par*, а ежегодный платеж по ним считать в 5% прироста и 1% погашения, то ее обязательство составит 1,48 миллиардов золотых марок в год. Другими словами, если Германия будет платить полностью, и если мы допустим более благоприятный случай (б) в связи с ростом ее экспорта, то самое большее, на что может рассчитывать Франция, это чистая сумма в 0,91 миллиардов золотых марок (или 45.500.000 золотых фунтов) ежегодно. А между тем в силу новой схемы

в результате пересмотра договора она не только получит более крупную сумму в 1,08 миллиардов золотых марок (или фунтов зол.) ежегодно, но также сможет вполне основательно ожидать действительного получения этой суммы ввиду того, что ей гарантируется первенство на такое получение из наличных ресурсов Германии, а также ввиду того, что все платежи Германии будут определены в соответствии с ее платежеспособностью.

Мое предложение предусматривает полное восстановление опустошенных провинций согласно добросовестной оценке причиненных убытков, и в то же время оно вычеркивает другие параллельные требования, — стоящие на пути первенству этого главного обязательства Германии. Впрочем оставляя в стороне это преимущество, которое может быть признано спорным, оставляя в стороне также и большую вероятность реального осуществления платежей, Франция в действительности получит более крупную сумму, чем в том случае, если все союзники будут точно придерживаться буквы существующих соглашений.

Бельгия в настоящее время имеет право на 8% всех поступлений из Германии; таким образом в силу лондонского соглашения она получит 280 миллионов золотых марок ежегодно в случае (а) и 368 миллионов в случае (b). При новой схеме она получит 180 миллионов золотых марок ежегодно, но зато она их получит наверное, тогда как при настоящих условиях это получение только гадательно. Ее преимущественное право должно быть урегулировано взаимным соглашением с Францией.

Италия выиграет колоссально. В силу лондонского соглашения ее доля определяется в 10% (вместе с некоторыми проблематическими платежами Австрии и Болгарии); значит, она получит 326 миллионов марок золотом ежегодно в случае (а) и 460 миллионов в случае (b). Но эти суммы гораздо ниже той, какую ей самой придется платить Соединенному Королевству и Соединенным Штатам; превращая эту последнюю сумму в золотые марки по способу, примененному выше для Франции, мы получаем 1000 миллионов золотых марок ежегодно.

3. Помощь новым государствам.

Из нынешней доли получений Великобритании я оставил в силе также и при новой схеме сумму в один миллиард марок золотом; эти деньги предназначаются не для нее самой, но для облегчения финансовых проблем двух новых государств, за которые на ней лежит известная ответственность. Эти государства — Австрия и Польша.

Нужды *Австрии* известны всем, и повсюду они возбуждают сочувствие. Жители Вены не созданы для трагедии; все мы сознаем, что желать зла этому городу Моцарта было бы слишком жестоко. Вена

была столицей вырождающегося величия, но если она освободится от соблазнов империализма, она станет тем, чем она должна быть, а именно центром торговли и художеств для четвертой части Европы. Каким то образом она просуществовала эти два года, то со смехом, то со слезами. Хотя по первому впечатлению ее положение кажется еще более отчаянным, чем прежде, я все же думаю, что даже небольшая помощь достигнет цели. Она не содержит армии, и благодаря обесценению ее денег ее внутренний долг ничтожен. Слишком крупная помощь могла бы превратить ее в попрошайку на всю жизнь; но помощь умеренная спасет ее от уныния и позволит ей через некоторое время разрешить ее финансовые проблемы.

Поэтому я предлагаю сложить с нее ее долги иностранным правительствам, включая также и невыполнимое обязательство по репарациям, и снабдить ее сравнительно небольшой суммой из того миллиарда марок золотом, который сохраняется за Великобританией из германских платежей. В этом смысле было бы достаточно открыть ей в Берлине кредит в размере 300 миллионов марок золотом, которым она могла бы пользоваться в течение пяти лет.

Для прочих новых государств, за исключением Польши, было бы достаточно сложения с них долгов, а для Венгрии кроме того также обязательств по репарациям.

Равным образом и для *Польши* должна быть указана разрешимая проблема; впрочем в этом трудно разрешимом вопросе не легко предлагать практические меры. Главная проблема Польши может быть разрешена только временем и возрождением соседних с нею государств. Здесь я рассматриваю только неотложный вопрос о реорганизации ее денежной системы и облегчении ее мирных сношений с Германией. Для этой цели я считал бы нужным предоставить ей остаток вышеупомянутого миллиарда, т.-е. 700 миллионов золотых марок; ежегодный прирост с этой суммы следует отдать ей на ее нужды по ее собственному усмотрению, сама же капитальная сумма должна быть обращена исключительно на реорганизацию ее денежной системы при условии согласия Соединенных Штатов и Великобритании.

По существу изложенная выше схема весьма проста. Я думаю, что она удовлетворяет моему главному требованию: дать каждому министру финансов в Европе посильную проблему. Остальное постепенно придет само собою, и я не хотел бы отягощать аргументацию моей книги рассмотрением вопроса о том, какими путями следует искать разрешения задачи во всех деталях.

Кто потеряет от осуществления моего проекта? Даже на бумаге, а еще более в действительности, все континентальные страны Европы окажутся в выигрыше. Однако на бумаге Соединенные Штаты и Соединенное Королевство оказываются в проигрыше. Посмотрим, чего же они лишаются в таком случае?

В силу лондонского соглашения Великобритания имеет право на 22% поступлений с Германии, что составит от 780 до 1010 миллионов марок золотом (от 39.000.000 до 50.500.000 фунтов золотом), смотря по тому, в какой сумме мы предположим германский экспорт. Различные европейские правительства (включая Россию, ср. приложение IX) должны ей 1.800.000.000 фунтов, что дает ежегодно 108.000.000 фунтов, считая 6% на прирост и погашение. Таким образом на бумаге она должна будет лишиться этих сумм, равных в круглой цифре 150.000.000 фунтам ежегодно. Но в действительности ее надежда обеспечить себе больше некоторой доли этой суммы весьма проблематична. Великобритания живет торговлей, и в настоящее время нетрудно убедить большинство англичан, что наша честь, престиж и богатство выиграют гораздо больше, если мы благоразумно и великодушно сохраним равновесие европейской торговли и благосостояния, нежели если мы будем пытаться извлечь ненавистную и тяжкую дань из наших победоносных союзников или побежденного врага.

Соединенные Штаты потеряют на бумаге сумму приблизительно в 6500 миллионов долларов, что представляет ежегодный платеж в 390.000.000 долларов (78.000.000 фунтов золотом), считая из 6% годовых. Однако, по моему мнению, вероятность, что она получит сколько-нибудь значительную часть этой суммы, если даже попытается извлечь ее, весьма ничтожна¹⁾. Можно ли ожидать, что Соединенные Штаты согласятся принять схему, вроде предлагаемой мной, *достаточно скоро* чтобы она еще могла принести пользу (ибо я уверен, что в конце концов они все равно откажутся от взыскания долгов).

Большинство американцев, с которыми я беседовал на эту тему, относятся благоприятно к проекту аннулирования европейских долгов, однако в то же время они прибавляют, что слишком значительное большинство их соотечественников думает об этом иначе, и что поэтому в настоящее время подобное предложение практически невыполнимо. Таким образом они думают, что обсуждать его было бы преждевременно; в настоящее время Америка должна делать вид, будто бы она требует денег, а Европа, будто бы она собирается платить их. В самом деле, положение аналогично вопросу о репарациях в Англии в середине 1921 года. Нет сомнения, что мне дана правильная характеристика состояния общественного мнения, этой таинственной субстанции, вроде общей воли Руссо. И все же я не придаю слишком большого значе-

¹⁾ Эта схема отнюдь не касается долга Великобритании Соединенным Штатам, который не включен в вышеприведенные цифры. Вопрос о надлежащем отношении к этому долгу (который отличается от остальных долгов, главным образом, тем, что проценты с него действительно можно собрать в деньгах) возбуждает другие темы, которыми я здесь не намерен заниматься. Сделанные мною предложения относятся только к долгам правительств континентальной Европы, правительствам Великобритании и Соединенных Штатов.

ния этой характеристике. Ведь восхищалось же общественное мнение в известной сказке новым платьем короля. В особенности в Соединенных Штатах оно часто резко изменяется en bloc; такие примеры бывали.

В самом деле, если бы общественное мнение было чем-то неизменным, то не стоило бы заниматься общественными делами. Если главная роль журналистов и политиков состоит в том, чтобы определять его характер в данный момент, то писатель должен стараться давать ему надлежащее направление. Я повторяю эти общие места, так как многие американцы дают такие советы, словно они считают безнравственным высказывать мысли, которые для общественного мнения в настоящее время неприемлемы. Как говорят, поступок подобного рода считается в Америке столь дерзким, что в нем тотчас же начинают подозревать неблаговидные мотивы, и критика принимает форму розыска касательно характера и прежней жизни обвиняемого.

Как бы то ни было, попробуем несколько глубже разобраться в чувствах и эмоциях, которые определяют позицию американцев к европейским долгам. Они хотят проявить великодушие к Европе из добрых чувств, а в то же время и потому, что многие из них теперь догадываются, что иная политика может нарушить их собственное экономическое равновесие. Но они не могут допустить, чтобы с ними не считались. Они не желают дать повод сказать, что старые циники Европы снова водят за нос Америку. К тому же дела в Америке шли неважно, а налоги были обременительны; многие ее области в настоящий момент не чувствуют себя достаточно богатыми, чтобы с легкостью отказаться от имущества, которое можно получить обратно. Сверх того по мнению американцев соглашения между нациями, ведущими борьбу друг с другом, походят гораздо более, чем думаем мы, на обыкновенные сделки между частными лицами. Положение таково же, говорят они, как если бы банк выдал аванс своему клиенту не под обеспечение, но лишь в силу доверия к нему; не получи он этого аванса в трудный для него момент, он бы обанкротился, теперь же он протестует против взыскания долга. Допускать подобные вещи значило бы нанести удар элементарным принципам деловой чести.

Мне кажется, что рядовому американцу хотелось бы, чтобы европейские нации явились к нему с огнем восторга в глазах и с деньгами в руках и сказали бы ему: «Америка, мы обязаны тебе свободой и жизнью; мы приносим тебе посильную дань нашей признательности, эти деньги, которые добыты не тяжкими налогами на вдов и сирот, но путем сбережения в качестве лучшего плода победы, благодаря уничтожению вооружений, милитаризма, империализма и внутренней распри; все это стало возможно вследствие помощи, которую ты щедро оказала нам». И тогда рядовой американец ответил бы так: «Честь и хвала вам за эту откровенность. Ничего другого я от вас и

что мудрая нация должна в своей деятельности проявлять широту взгляда. В предыдущем я не преминул внимательно рассмотреть различные способы, которыми Великобритания могла бы получить или надеяться получить какую-либо сумму на основании существующего соглашения. Так например, для удовлетворения своих претензий она могла бы взять часть обязательств под литерой С, предусмотренных лондонским соглашением; эти обязательства, выпускаемые в третью очередь после обязательств под литерами А и В, представили бы известную номинальную ценность, однако фактически они не стоят ровно ничего. С другой стороны, она могла бы обеспечить своим товарам доступ внутрь Германии без уплаты пошлины вместо того, чтобы получать часть дохода германских таможен. Наконец она могла бы добиваться частичного контроля над германской промышленностью, или воспользоваться услугами Германии для будущей эксплуатации России. Планы такого рода могут интересовать людей с живым воображением; их не следует отвергать слишком поспешно. Все же я продолжаю думать, что все эти способы противоречат истинному благоразумию, и отдаю предпочтение простому плану.

Некоторые круги общества склонны настаивать на том, чтобы всякие уступки в пользу Франции со стороны Великобритании и Соединенных Штатов в вопросе о репарациях и междусоюзнических долгах были поставлены в неприменную связь с ее предварительным согласием держаться более мирной политики по отношению к остальному миру, чем та политика, которой она склонна следовать теперь. Я надеюсь, что Франция прекратит свою оппозицию против предложений уменьшить сухопутные и морские вооружения. В какое невыгодное положение попадет ее молодежь, если она будет производить в крупных размерах военный набор, в то время как ее соседи добровольно или по принуждению освободились от него. Неужели она желает сделать невозможными дружеские отношения между Великобританией и *всякой* соседней державой, которая задается широкой программой огромного подводного флота? Я надеюсь также, что Франция забудет свои честолюбивые планы в центральной Европе и строго ограничит свои намерения на Ближнем Востоке; ведь и те и другие имеют под собою ветхие основания и не принесут ей никакой пользы. Это чистая иллюзия, будто в ближайшем будущем ей придется бояться чего-либо со стороны Германии, разве только она сама спровоцирует свою соседку. Когда Германия вновь обретет свою мощь и гордость, что конечно придет со временем, то протекут еще многие годы раньше, чем она сможет обратить свои взоры на запад. Будущее Германии лежит теперь на востоке, и когда ее надежды и честолюбие вновь оживут, они наверно толкнут ее в эту сторону.

Перед Францией открывается возможность упрочить свое национальное положение и сделать его одним из самых устойчивых, безопас-

ных и богатых на земном шаре; она может стать самодовлеющей селенной густо, но не чрезмерно, в то же время оставаясь наследственной обладательницей исключительной и блестящей цивилизацией. Без жалоб на опустошение ее областей, которые быстро восстанавливаются, без кичливости своей военной гегемонией, которая легко может разорить ее, пусть она высоко поднимет свою голову, как передовая страна Европы в мирной деятельности человеческого духа.

Однако этих целей нельзя достигнуть мелочным препирательством или навязать их со стороны. Поэтому невозможно ставить с ними в связь урегулирование репараций. Соответствующее соглашение должно быть предложено Франции лишь при одном условии, а именно, что она принимает его. Но если по примеру Шейлока она будет требовать свой фунт мяса, то пусть говорит закон. Заплатите ей по векселю, но пусть будет заплачено также и по нашим векселям. Пусть она получит с Германии, что может, и пусть она заплатит Союзным Штатам и Англии то, что она им должна.

Главным предметом спора является, быть может, вопрос, можно ли удовлетвориться ежегодным платежом в 63.000.000 фунтов зол.? Я допускаю, что Германия могла бы заплатить и несколько более крупную сумму. Однако я рекомендую именно эту цифру, так как во-первых, она достаточна для восстановления разрушений, причиненных Франции, а во-вторых, она не столь тяжка, чтобы для ее взыскания нам надо было вторгаться в Германию каждую весну и осень. Платеж мы должны определить в такой сумме, которую Германия не могла бы считать несправедливой, и которая настолько соответствовала бы ее силам, что, и уплачивая ее, она не теряла бы своей энергии в труде.

Предположим, что нам стал известен теоретический максимум способности Германии производить и продавать на внешних рынках ее излишек товаров, или что нам удалось гадательно найти ту скользящую шкалу, посредством которой мы автоматически поглощали бы из года в год весь какой бы то ни было излишек; разумно ли было бы требовать его? Проект взыскания силою штыков (а это можно было бы сделать не иначе) платежа, столь тяжкого, что страна никогда не стала бы вносить его добровольно, вплоть до того времени, когда и сами авторы версальского договора будут лежать на кладбище,—такой проект и вреден, и неразумен.

Мои собственные предложения, как ни казались бы они умеренны сравнительно с другими, возлагают на Германию очень тяжелое бремя. Франции они дают огромную выгоду. Французов так долго кормили восбращаемыми цифрами, что, я думаю, они должны почувствовать теперь вкус к цифрам реальным. Пусть они подумают о том, какую страшную финансовую силу дает им моя схема. Избавившись от внешнего долга, они в течение тридцати лет будут получать в реальных ценностях сумму, в переводе на золото равную почти поло-

341935740
2021 01 01 0133

вине нынешнего золотого запаса Французского банка; в конце же этого периода окажется, что Германия возвратила им сумму в десять раз превышающую контрибуцию 1871 года.

Должны ли при этом англичане обижаться? Теряют ли они что-нибудь в действительности? Мы не можем сводить баланс несоизмеримых величин. Во всяком случае мир и согласие будут обеспечены Европе. У Англии же (как, я уверен, она отлично сознает в глубине души) просят единственно только, чтобы она отказалась от того, чего она все равно не получит никаким способом. Но если этого не будет сделано, то ее требования, равно как требования Америки, останутся без удовлетворения с тою лишь разницей, что отношения между народами будут вконец испорчены.

Приложение документов.

I. Соглашение в Спа, июль 1920 года.

А. Краткое изложение ¹⁾ соглашения о репарациях, заключенного между союзниками, подписанное Британской империей, Францией, Италией, Японией, Бельгией и Португалией.

Статья 1 постановляет, что в силу Версальского мирного договора суммы, полученные с Германии в качестве возмещения убытков, распределяются согласно следующим пропорциям:

Франция	52	процента
Британская империя	22	„
Италия	10	„
Бельгия	8	„
Япония и Португалия	$\frac{3}{4}$	процента каждая

Остающиеся $6\frac{1}{2}$ процентов образуют резерв в пользу Сербо-Кроато-Словенского государства, а также Греции, Румынии и других держав, не участвовавших в подписании настоящего соглашения.

Статья 2 постановляет, что общая сумма, полученная в качестве возмещения убытков с Австро-Венгрии и Болгарии, вместе с суммами, которые могут быть получены в связи с освобождением территорий, принадлежащих к бывшей Австро-Венгерской монархии, должны быть поделены следующим образом:

а) Первая половина согласно пропорциям, установленным в статье 1.

б) Что касается второй половины, то Италия должна получить 40%, а 60% предоставляются Греции, Румынии, Сербо-Кроато-Словенскому государству, а также прочим державам, имеющим право на возмещение убытков, но не участвовавшим в подписании настоящего соглашения.

Статья 3 постановляет, что союзные правительства в случае необходимости примут меры с целью облегчить Германии выпуск зай-

¹⁾ Настоящее краткое изложение есть официальное издание, выпущенное одновременно с соглашением. Полный текст соглашения опубликован не был.

мов, предназначенных для удовлетворения внутренних нужд этой страны и для незамедлительной уплаты ее долга союзникам.

Статья 4 содержит детали касательно отчетности Ремонтной комиссии.

Статья 5 обеспечивает за Бельгией право на получение в первую очередь суммы в 100.000.000 фунтов золотом и перечисляет гарантии, вытекающие из этого преимущественного права ¹⁾).

Статья 6 посвящена оценке кораблей, выданных в силу различных мирных договоров; она содержит также предписания касательно распределения сумм, полученных за аренду этих кораблей. Кроме того она занимается еще нерешенными вопросами в связи с постановлениями бельгийских призовых судов. Бельгия получает компенсации из долей прочих союзных держав.

Статья 7 содержит постановления, касающиеся крейсеров союзных держав, пловучих доков и материала, выданного согласно протоколу от 10 января 1920 года в качестве компенсации за германские военные суда, которые были потоплены.

Статья 8 заявляет, что тот же протокол имеет применение к суммам, вырученным от продажи кораблей и военного материала, сданных согласно морским статьям договора, при чем подразумеваются также суммы от продажи морского военного материала, вырученные Ремонтной комиссией.

Статья 9 предоставляет Италии преимущественное право на некоторые особые получения сверх сумм, следуемых ей с Австро-Венгрии и Болгарии.

Статья 10 особо оговаривает права Польши и заявляет, что настоящее соглашение не относится к ней.

Статья 11 подтверждает права стран, сузжавших Бельгию деньгами до 11 ноября 1918 года, и содержит предписание об уплате этих денег непосредственно вслед за удовлетворением преимущественного права Бельгии на получение 100.000.000 фунтов.

Статья 12 подтверждает права союзных держав на возврат им кредитов, предоставленных бывшим враждебным державам в качестве помощи.

Статья 13 подвергает изъятию вопросы, связанные с определением стоимости содержания оккупационных армий в Германии на общих и однообразных основаниях, каковые вопросы подлежат обсуждению совместно с Соединенными Штатами.

¹⁾ Важнейшими из них являются 400.000.000 датских крон, уплачиваемых за Шлезвиг, некоторые суммы, следуемые с Люксембурга за уголь, свободные суммы, происходящие из оценки судов, захваченных в качестве приза в Бразильских портах, и вообще все суммы, вырученные из имущества Германии в Соединенных Штатах и предназначаемые на возмещение убытков.

В. Союзная нота Германии по вопросу о доставке угля.

1. Германское правительство обязуется предоставлять в распоряжение союзников, начиная с 1 августа 1920 года в течение последующих шести месяцев, 2.000.000 тонн угля ежемесячно, каковая цифра была утверждена Репарационной комиссией.

2. Союзные правительства зачисляют стоимость этого угля в кредит по счетам репараций по мере того, как уголь будет доставляться железными дорогами или внутренней навигацией, а ценность его определяется согласно его стоимости внутри Германии в соответствии с параграфом 6 (А) Приложения V части VIII Версальского мирного договора. Сверх того, принимая во внимание предоставленное союзникам право получать уголь специального сорта и качества, устанавливается премия в пять золотых марок, которая уплачивается стороной-получательницей угля и предназначается на приобретение пищевых продуктов для германских углекопов.

3. В течение периода доставки угля, предусмотренной выше, условия параграфов 2, 3 и 4 проекта протокола контроля от 11 июля 1920 года тотчас вступают в силу в измененной форме относящегося сюда приложения (смотри ниже).

4. Немедленно должно быть заключено соглашение между союзниками касательно распределения угля, добываемого в Верхней Силезии, что возлагается на особую комиссию с участием представителей Германии. Это соглашение подлежит утверждению Репарационной комиссии.

5. Комиссия с участием представителей Германии должна немедленно собраться в Эссене. На нее возлагается изыскание способов улучшения условий существования углекопов в отношении питания и одежды в целях повышения производительности труда в копях.

6. Союзные правительства выражают готовность предоставить Германии авансы в размере равном разнице между ценой, уплачиваемой согласно § 2 выше и экспортной ценой германского угля, существующей в германских портах франко борт, или же английской экспортной ценой, установленной в английских портах тоже франко борт, при чем для расчета принимается более низкая из этих двух цен, как изложено в параграфе VI (B) приложения V части VIII Версальского мирного договора. Вышеназванные авансы должны быть сделаны в соответствии со статьями 235 и 251 Версальского договора. За ними сохраняется безусловное преимущественное право перед всеми прочими претензиями союзников к Германии. Авансы должны производиться в конце каждого месяца пропорционально количеству тонн доставляемого угля и средним его ценам франко борт за этот период. Первое поступление в счет

авансов должно иметь место в конце первого месяца, не дожидаясь точных цифр.

7. Если к 15 ноября 1920 года будет установлено, что общее количество поставок угля за август, сентябрь и октябрь месяца сего же года не достигает 6.000.000 тонн, то союзники приступят к оккупации дальнейшей части германской территории и займут либо Рурскую область, либо какую-нибудь другую.

П Р И Л О Ж Е Н И Е.

1. Перманентная делегация Репарационной комиссии будет образована в Берлине с целью удостовериться путем нижеуказанных мер в том, что поставки угля союзникам, предусмотренные соглашением от 15 июля 1920 года, выполняются: программы общего распределения добычи угля, снабженные деталями касательно его происхождения и сорта, с одной стороны, и приказы, обеспечивающие доставку его союзным державам с другой, должны составляться ответственными властями Германии и представляться на утверждение названной делегации достаточно заблаговременно перед их отправкой исполнительным органом, ответственным за исправность выполнения.

2. Никакие изменения вышеуказанной программы, которые повлекли бы за собою сокращение общей суммы поставок союзникам, не могут быть приведены в исполнение без предварительного одобрения делегации Репарационной комиссии в Берлине.

3. Репарационная комиссия, которой германское правительство обязано периодически докладывать о выполнении компетентными органами всех приказов касательно поставок союзникам, будет уведомлять заинтересованные державы о всяком нарушении установленных здесь принципов.

II. Постановления, принятые в Париже ¹⁾ 29 января 1921 года.

1. Исполняя обязательства, возложенные на нее статьями 231 и 232 Версальского договора, Германия помимо репараций, которые она должна произвести согласно статье 338 и всех обязательств, предписанных договором, должна уплачивать

¹⁾ Сколько мне известно, на английском языке полней официальный текст этих постановлений опубликован не был. Я перевожу его с французского.

(1) Точно установленные годовые взносы, представляемые равными частями в конце каждого шестого месяца, а именно:

а) Два годовых взноса суммою в 2 миллиар. марок золот. (1 мая 1921—1 мая 1923)
б) Три " " " " 3 " " " (1 мая 1923—1 мая 1926)
в) Три " " " " 4 " " " (1 мая 1926—1 мая 1929)
г) Три " " " " 5 " " " (1 мая 1929—1 мая 1932)
е) Тридцать один " " " " 6 " " " (1 мая 1932—1 мая 1963)

(2) Сорок два годовых взноса, считая с 1 мая 1921 года, равные 12⁰/₁₀₀ суммы экспорта Германии, взимаемые с поступлений для оплаты экспорта и подлежащие уплате в золоте через два месяца после истечения каждого шестимесячного периода.

Для обеспечения выполнения пункта 2 Германия предоставляет Репарационной комиссии полную возможность проверять размеры экспорта и устанавливать необходимый надзор.

2. Германское правительство будет впредь представлять Репарационной комиссии обязательства на предъявителя, подлежащие оплате в законные сроки, означенные в статье 1, разделе (1) настоящей схемы, в сумме, равной каждому шестимесячному взносу, подлежащему оплате согласно сего. Будут даны особые инструкции с целью облегчить тем державам, которые могут этого потребовать, поступление долей, причитающихся им в силу соглашения, установленного между ними.

3. Германии предоставляется право досрочной уплаты во всякое время фиксированных долей ее обязательства.

Платежи, сделанные ею досрочно, сокращают фиксированные годовые взносы, предписанные в статье 1 (1), с учетом из 8⁰/₁₀₀ до 1 мая 1923 года, 6⁰/₁₀₀ от 1 мая 1923 года по 1 мая 1925 года и 5⁰/₁₀₀ после 1 мая 1925 года.

4. Германия не должна предпринимать за границей никаких кредитных операций, прямых или косвенных, без одобрения Репарационной комиссии. Это ограничение распространяется на правительство Германской империи, правительства германских союзных государств, на германские провинциальные и муниципальные власти, а также на компании и предприятия, состоящие под контролем вышепоименованных правительств и властей.

5. В силу статьи 248 Версальского договора все имущества и доходы Германской империи и составляющих ее государств удерживаются в качестве обеспечения полного выполнения Германией предписаний настоящей схемы.

Поступления из германских сухопутных и морских таможен, в частности же, поступления всех ввозных и вывозных пошлин, а также всех дополнительных налогов представляют специальное обеспечение выполнения настоящего соглашения.

Германии воспрещается вводить какие-либо изменения, уменьшить доход таможен, без одобрения со стороны Репарационной комиссии германского таможенного законодательства и регламентации.

Вся совокупность получений германских таможен кредитуется в счет германского правительства генеральным приемщиком (Receiver general) германских таможен, который назначается германским правительством с согласия Репарационной комиссии.

В случае если Германия не внесет один из платежей, предусмотренных в настоящей схеме:

(1) Совокупность или часть поступлений германских таможен должна быть отобрана Репарационной комиссией от генерального приемщика германских таможен и употреблена ею на исполнения обязательств, невыполненных Германией. В этом случае Репарационная комиссия, если она признает это нужным, должна взять на себя администрацию и сбор таможенных поступлений.

(2) Сверх того Репарационной комиссии предоставляется право требовать, чтобы германское правительство вводило такие более высокие тарифы или принимало те или иные меры с целью увеличения своих ресурсов, какие комиссия сочтет необходимыми.

(3) Если эти меры окажутся недействительными, Репарационной комиссии предоставляется право объявить германское правительство нарушающим его обязательства и осведомить о таком положении дела правительства держав Союза и Согласия, которые примут те меры, какие признают надлежащими.

(Подписи) Анри Жаспар.

Д. Ллойд Джордж. Аристид Бриан.

Ч. Сфорца. К. Ишии.

Париж, 29 января 1921 года.

III. Счет претензий, представленных в Репарационную комиссию правительствами различных союзных наций в том виде, как он был опубликован комиссией ¹⁾ 23 февраля 1921 года.

Франция.

I. Убытки имущества. (Стоимость восстановления.)

	Бумажные франки.
Убытки, нанесенные промышленности	38.882.521.479
Повреждения зданий (propriété bâtie)	36.892.500.000
Повреждения мебели и утвари (dommages mobiliers)	25.119.500.000
Повреждения почвы (propriété non bâtie)	21.671.546.225
Убытки государственной собственности	1.958.217.193

¹⁾ Одновременно комиссия заявила, что она не приняла эти претензии, но приступила к их рассмотрению.

12035340
518-1170133

Повреждения общественных сооружений	2.583.299.425	Бумажные франки
Прочие убытки	2.359.865.000	
Потери судоходства	5.009.618.722	
Убытки в Алжире и колониях	10.710.000	
Убытки за границей	2.094.825.000	
Прирост в 5% на капитальную сумму (33.900.000.000 франков круглым счетом от 11 ноября 1918 года до 1 мая 1921 года, или за 30 месяцев) в круглой цифре	4.125.000.000	

II. Ущерб, причиненный частным лицам.

Военные пенсии	60.045.696.000
Пособия семьям мобилизованных	12.936.956.824
Пенсии гражданским лицам, ставшим жертвами войны и их родственникам	514.465.000
Расходы по лечению частных лиц и военнопленных	1.869.230.000
Помощь военнопленным	976.906.000
Помощь частично потерявшим работоспособность	223.123.313
Вымогательства Германии, разорительные для гражданского населения	1.267.615.939
Итого претензий Франции	218.541.596.120

Великобритания.

Фунты стерлингов.

Повреждения собственности	7.936.456	
Потери судоходства	763.000.000	
Убытки за границей	24.940.559	
Убытки речного судоходства	4.000.000	
Военные пенсии	1.706.800.000	
Пособия семьям мобилизованных		7.597.832.086
Пенсии гражданских лиц, жертв войны	35.915.579	
Лечение гражданских лиц и военнопленных	95.746	
Помощь военнопленным	12.663	
Помощь частично потерявшим работоспособность	6.376	
2.542.070.375 фунт.		7.597.832.086 франков.

Италия.

Повреждения собственности	20.933.547.500	лир.
Потери судоходства	128.000.000	фунт.
Военные пенсии	31.041.000.000	франков.
Пособия семьям мобилизованных	6.885.130.395	франков.
Гражданские лица, жертвы войны и военнопленные	12.153.289.000	лир.
Итого	33.086.836.000	лир.
	37.926.130.395	франков.
		128.000.000 фунтов.

Бельгия.

	Бумажные франки.
Повреждение собственности (нынешняя ценность)	29.773.939.099 бельг. фр.
Потери судоходства (нынешняя ценность)	180.708.250 бельг. фр.
Военные пенсии	1.637.285.512 франц. фр.
Пособия семьям мобилизованных	737.930.484 франц. фр.
Гражданские лица, жертвы войны и военнопленные	4.295.998.454 бельг. фр.
Итого	34.254.645.893 бельг. фр. 2.375.215.996 франц. фр.

Требования прочих союзников резюмируются следующим образом:

Япония	297.593.000 иен (потери судоходства)
”	454.063.000 иен (пособия семьям мобилизованных).
	832.774.000 иен.
Юго-Славия	8.496.091.000 динаров (повреждения собственности).
”	19.219.700.112 франк. (насилия над частными лицами).
Румыния	9.734.015.287 зол. фр. (повреждения собственности).
”	9.296.663.076 зол. франк. (военные пенсии).
”	11.652.009.978 зол. фр. (частные лица и военноплен.).
	31.099.400.188 зол. франков.
Португалия	1.944.261 conto (из них 1.574.907 conto за повреждение собственности).
Греция	4.992.788.739 зол. фр. (из них 1.883.181.542 фр. за повреждение собственности).
Бразилия	1.216.714 фунтов (из них за потери судоходства 1.189.144 фунт.) плюс 598.405 франков.
Чехо-Словакия	6.944.228.296 фр. и 5.614.947.990 крон (военных убытков) 918.204.007 фр. и 1.448.169.845 крон (большевистское вторжение).
	7.612.432.103 фр. и 7.063.117.135 крон.
Сиам	9.179.298 зол. марок плюс 1.169.821 франк.
Боливия	16.000 фунтов.
Перу	56.236 фунтов плюс 107.339 франков.
Гаити	80.000 долларов плюс 532.593 франка.
Куба	801.135 ”
Либерия	3.977.135 ”
Польша	21.913.269.740 зол. франков плюс 500.000.000 зол. марок.
Европейская Дунайская Комиссия	} 1.834.800 зол. франков, 15.048 французск. франк. и 488.051 лей.

IV. Первый лондонский ультиматум 3 марта 1921 года.

Ллойд Джордж от лица британского и союзных правительств сделал д-ру Симону следующее словесное заявление:

«Союзники подвергли обсуждению положение в целом и уполномочили меня сделать следующее заявление от их имени:

«Версальский договор был подписан менее двух лет тому назад, Германское правительство уже оказывается невыполнившим некоторые из его самых важных предписаний: преступники, нарушившие законы войны, не выданы, разоружение не выполнено, 20.000.000.000 марок золотом (т.-е. 1.000.000.000 фунтов) в деньгах или натурой не выплачены. Таковы некоторые из предписаний. Союзники не настаивали на строгом выполнении каждой буквы их векселя. Они удлинители сроки и даже изменили характер требований; однако всякий раз германское правительство не выполняло своих обязательств.

«Вопреки договору и честному обещанию, данному в Спа, преступники войны еще не только не наказаны, но даже не привлечены к суду, хотя германское правительство уже в течение месяцев располагает уликами против них. Военные организации отчасти открыто, отчасти тайно при попустительстве правительства вырастают по всей стране и снабжаются оружием, которое должно было быть сдано. Если бы в отношении репараций германское правительство проявило искреннее желание помочь союзникам исправить ужасный ущерб, причиненный им нападением, в котором повинно германское императорское правительство, то мы и теперь, как прежде, были бы готовы оказать снисхождение действительным трудностям Германии. Однако сделанные предложения вызвали в союзниках печальную уверенность в том, что либо германское правительство не намерено выполнить его обязательств по договору, либо оно не имеет силы настаивать перед лицом эгоистической и близорукой оппозиции на необходимости принесения жертв.

«Если все это имеет причиной сопротивление общественного мнения Германии, то положение становится тем серьезнее; таким образом союзники оказываются поставленными в необходимость еще раз заставить вождей общественного мнения считаться с фактами. Прежде всего они должны осознать то обстоятельство, что союзники, будучи готовы выслушать всякое разумное ходатайство, вытекающее из затруднительного положения Германии, не могут позволить дальнейших уклонений от выполнения договора.

Ультиматум.

«Итак ввиду уже совершенных нарушений, ввиду явного намерения Германии и впредь бравировать договор и толковать его по своему, что ясно сквозит в ее предложениях, ввиду вызывающей позиции, занятой ею не только в этих предложениях, но также в официальных заявлениях германского правительства, делавшихся в собственной стране, мы решили, что мы должны действовать на основании предположения, что германское правительство не только не вы-

полняет своих обязательств, но и делает это умышленно; поэтому если до понедельника мы не услышим от германских представителей, что Германия готова либо принять парижские постановления, либо представить с своей стороны такие предложения, которые иным способом удовлетворяют обязательствам, вытекающим из Версальского договора (с уступками, допущенными парижскими постановлениями), то мы, начиная с этого дня, принимаем следующие меры в согласии с Версальским договором.

«Союзники постановили:

1) Занять города Дуисбург, Рурорт и Дюссельдорф на правом берегу Рейна.

2) Получить полномочия от своих парламентов потребовать от граждан союзных стран, чтобы часть денег, должных ими Германии за германские товары, была уплачена ими их собственным правительствам, при чем эта часть должна быть удержана в зачет репараций (эта мера распространяется на товары, купленные у Германии как в Англии, так и в прочих союзных странах).

3) а) Все пошлины, собранные германскими таможенными на внешних границах оккупированных территорий, должны быть выданы Репарационной комиссии.

б) Сбор упомянутых пошлин должен продолжаться на основе германских тарифов.

с) Временно устанавливается линия таможен на Рейне и на линии *тет-де-понов*, занятых союзными войсками; тарифы, которые будут взиматься на всей этой линии с ввоза и вывоза товаров, подлежат определению Союзной верховной комиссии рейнских провинций в согласии с инструкциями союзных правительств».

V. Германские контр-предложения, переданные правительству Соединенных Штатов 24 апреля 1921 года.

В ноте от 22 апреля правительство Соединенных Штатов открыло возможность, с благодарностью признаваемую нами, разрешить проблему репараций, еще раз вступив в переговоры, прежде чем вопрос этот будет решен принудительными мерами. Германское правительство оценивает всю важность этого шага. В том, что следует ниже, оно попыталось сделать такие предложения, которые согласно его убеждению представляют крайний предел, допустимый экономическими ресурсами Германии даже при условии самого благоприятного их развития:

1. Германия изъявляет готовность признать, что для репараций она обязана выплатить общую сумму в 50 миллиардов марок золотом (нынешняя стоимость репараций). Кроме того, Германия готова выплатить эквивалент этой суммы годовыми взносами в соответствии с ее

экономическими возможностями до общего размера в 200 миллиардов марок золотом. Германия предлагает выполнить ее обязательство следующим образом:

2. Германия производит международный заем, коего размеры, высота процента и погашения устанавливаются с обоюдного согласия. Германия должна участвовать в этом займе, и его условия в целях наибольшего успеха должны содержать специальные льготы и вообще быть как можно более выгодными. Суммы, вырученные этим займом, передаются в распоряжение союзников.

3. С той части ее долга, которая не будет покрыта международным займом, Германия готова платить проценты и погашение в согласии с своей экономической способностью. В настоящих обстоятельствах высшую возможную высоту прироста она определяет в 4⁰/₀.

4. Германия согласна дать возможность заинтересованным державам извлечь выгоду из улучшения ее экономического и финансового положения. С этою целью размер взносов в погашение должен быть сделан подвижным. В случае экономического улучшения взносы должны быть повышены, в противном же случае они должны соответственно быть понижаемы. Для регулирования этих изменений должна быть установлена указательная схема.

5. С целью ускорить выплату остатка Германия готова всеми средствами помогать восстановлению опустошенных территорий. Она считает, что это восстановление представляет важнейшую часть репараций, так как оно явится самым действительным средством борьбы против ненависти и нищеты, причиненных войною. Она согласна самостоятельно выполнить восстановление городов, деревень и поселков или помогать восстановлению трудом, материалом и прочими средствами, какой бы способ ни указали ей союзники. Стоимость труда и материалов она оплатит сама. (Детали были полностью сообщены Репарационной комиссии.)

6. Помимо восстановительных работ Германия готова доставить заинтересованным государствам для тех же целей всякого рода иные материалы и оказать им всякие иные услуги, насколько это окажется в ее силах, на чисто коммерческих основаниях.

7. Для доказательства искренности своего намерения произвести репарации надлежащим образом, Германия готова немедленно предоставить в распоряжение Репарационной комиссии сумму в один миллиард марок золотом следующим способом: во-первых, 150.000.000 марок в золоте, серебре и иностранных векселях; во-вторых, 850.000.000 марок в векселях казначейства, подлежащих выкупу в срок не свыше трех месяцев посредством иностранных билетов и иных иностранных ценностей.

8. Далее Германия готова, если на то последует согласие Соединенных Штатов и союзников, взять на себя часть долгов союзников Соединенным Штатам, поскольку это позволит ее экономическое положение.

9. В отношении способов, которыми расходы Германии на репарации будут засчитываться в кредит совокупности ее обязательств Германия предлагает, чтобы фиксация цен и ценностей производилась комиссией экспертов.

10. Германия согласна обеспечить подписчиков на заем всеми возможными способами посредством передачи им общественных имуществ или доходов на определенных установленных условиях.

11. Принятие этих предложений влечет за собою отмену всех прочих обязательств Германии по репарациям и освобождение частной германской собственности, находящейся за границей.

12. Германия считает, что ее предложения могут быть осуществлены только в том случае, если система санкций будет раз навсегда отменена, если нынешний уровень германского производства в будущем не уменьшится, наконец если германская нация будет снова допущена к мировой торговле и освобождена от всех непродуктивных расходов.

Эти предложения свидетельствуют о твердом намерении Германии загладить вред, причиненный войною, всеми силами вплоть до предела ее экономических возможностей. Размер предложенных сумм, равно как и способ их уплаты, зависит от этих возможностей. Поскольку мнения относительно этих возможностей расходятся, Германия предлагает поручить их исследование комиссии авторитетных экспертов, приемлемых для всех заинтересованных правительств. Она заранее выражает готовность признать обязательную силу принятого такой комиссией решения. Если Соединенные Штаты признают, что настоящие переговоры могут быть облегчены изменением формы этих предложений, германское правительство с благодарностью примет указание на те пункты, какие правительство Соединенных Штатов считало бы желательным видоизменить. Германское правительство охотно примет также всякое иное предложение, которое согласилось бы сделать правительство Соединенных Штатов.

Германское правительство столь твердо убеждено в том, что мир и благоденствие всего мира зависят от быстрого, справедливого и честного выполнения проблемы репараций, что оно сделает все, лежащее в его силах, чтобы дать Соединенным Штатам возможность предложить вопрос вниманию союзных правительств.—*Берлин, 24 апреля 1921 года.*

VI. Оценка германского долга Репарационной комиссией, объявленная 30 апреля 1921 года.

Репарационная комиссия в исполнение предписаний 233 статьи Версальского договора пришла к единогласному решению определить общую сумму убытков, которые Германия обязана возместить, согласно статье 232 (2) и части VIII приложения I вышеназванного договора в 132 миллиарда марок золотом.

При определении этой цифры комиссия произвела из всей суммы убытков надлежащие вычеты, коими покрываются возмещения, уже выполненные или подлежащие выполнению в силу статьи 238, так что упомянутые возмещения не зачисляются в кредит Германии.

В вышеприведенную цифру комиссия не включила суммы, соответствующей обязательству, возложенному на Германию дополнительно соответственно статье 232 (3), «выплатить все займы, сделанные Бельгией у правительств Союза и Согласия вплоть по 11 ноября 1918 года, включая прирост в 5% годовых».

VII. Второй лондонский ультиматум 5 мая 1921 года.

Союзные державы, принимая во внимание, что вопреки целому ряду уступок, сделанных союзниками со времени подписания Версальского договора, а также вопреки предостережениям и санкциям, согласно принятым ими в Спа и в Париже, равно как санкциям, возмещенным в Лондоне и с тех пор осуществленным, германское правительство по-прежнему не выполняет обязательств, вытекающих из условий Версальского договора, касательно 1) разоружения, 2) уплаты, предписанной к 1 мая 1921 года в силу 235 статьи договора и уже истребованной Репарационной комиссией в этот срок, 3) суда над преступниками войны, предусмотренного нотами союзников от 13 февраля и 7 мая 1920 года и, наконец, 4) некоторых других важных пунктов, в особенности же вытекающих из статей 264—267, 269, 273, 321, 322 и 327 Версальского договора, постановляют:

a) Немедленно приступить к предварительным приготовлениям, какие окажутся нужными для занятия долины Рура военными силами союзников, находящимися на Рейне, каковое занятие должно последовать в связи с условиями § d настоящей ноты.

b) В согласии с 233 статьей договора пригласить Репарационную комиссию незамедлительно предписать германскому правительству срок и способ полного выполнения обязательств, лежащих на сем правительстве, при чем комиссия должна сообщить германскому правительству свое решение на сей счет не позднее 6 мая.

c) Категорически потребовать от германского правительства в шестидневный срок по получении вышеуказанного сообщения Репарационной комиссии заявить его решение: 1) выполнить без всяких оговорок или условий обязательства, определенные Репарационной комиссией, 2) дать без всяких оговорок и условий гарантии выполнения этих обязательств, 3) выполнить без всяких оговорок и отсрочек все меры по разоружению военных, морских и воздушных сил, предписанные германскому правительству нотой

союзных держав от 29 января 1921 года, при чем меры запоздавшие должны быть выполнены сразу, а остальные в предписанные раньше сроки, 4) без оговорок и отсрочек предать суду преступников войны и выполнить прочие еще не выполненные условия договора, указанные в первом параграфе этой ноты.

d) В случае неисполнения германским правительством вышеуказанных условий к 12 мая приступить к оккупации долины Рура и принять иные военные меры на суше и на море, какие окажутся нужными. Оккупация будет продолжаться до тех пор, пока Германия не подчинится условиям, изложенным в параграфе (с) настоящей ноты.

(Подписи) Анри Жаспар. А. Бриан.
Д. Ллойд Джордж. Ч. Сфорца. Гайаши.

Реестр платежей, содержащий предписания касательно сроков и способа обеспечения и выполнения всей совокупности обязательств Германии по репарациям, согласно статьям 231, 232 и 233 Версальского договора.

Репарационная комиссия в согласии с статьей 233 Версальского договора следующим образом определила сроки и способ обеспечения и выполнения всей совокупности обязательств Германии по репарациям в силу статей 231, 232 и 233 договора:

Настоящее постановление не ослабляет обязанности Германии произвести возмещения, предусмотренные статьей 238 или иные обязанности, налагаемые на нее договором.

1. Германия должна выполнить способом, изложенным в сем реестре, ее обязательство уплатить общую сумму, установленную комиссией, согласно статей 231, 232 и 233 Версальского договора, т.е. 132 миллиарда марок золотом (6.600.000.000 фунтов) *минус* а) сумму, уже уплаченную в счет репараций, б) суммы, которые от времени до времени могут быть зачитываемы на кредит Германии за государственные имущества в уступленных ею территориях и проч., и с) всякие суммы, поступающие от враждебных или бывших враждебных держав, которые комиссия признала бы подлежащими зачету на кредит Германии, *плюс* весь долг Бельгии союзникам и те суммы настоящих вычетов и прибавок, которые комиссия установит позднее.

2. Взамен обязательств, уже переданных или подлежащих передаче, согласно параграфа 12 (с) приложения 2 части VIII (о репарациях) Версальского договора, Германия должна выпустить и передать комиссии новые обязательства (bonds), означенные в сем ниже.

Обязательства под литерой А на сумму в 12 миллиардов марок золотом (600.000.000 фунтов). Эти обязательства должны быть выпу-

щены и переданы комиссии не позже 1 июля 1921 года. Германия должна производить ежегодный платеж в той форме, как предписано в этом соглашении, каждый год, начиная с 1 мая 1921 года, в сумме, равной 6% номинальной стоимости выпущенных обязательств, из коих 5% представляют ежегодный интерес с полугодичным платежом по обязательствам, имеющимся налицо в каждый данный момент, а остаток идет на образование погасительного фонда для выкупа обязательств ежегодными тиражами по номинальной стоимости. Эти обязательства обозначаются ниже, как обязательства серии А.

Обязательства под литерой В на новую сумму в 38 миллиардов марок золотом (1.900.000.000 фунтов). Эти обязательства должны быть выпущены и переданы комиссии не позднее 1 ноября 1921 года. Германия должна производить ежегодный платеж в той форме, как предписано в этом соглашении, каждый год, начиная с 1 ноября 1921 года, в сумме, равной 6% номинальной стоимости выпущенных обязательств, из коих 5% представляют ежегодный интерес с полугодичным платежом по обязательствам, имеющимся налицо в каждый данный момент, а остаток идет на образование погасительного фонда для выкупа обязательств ежегодными тиражами по номинальной стоимости. Эти обязательства обозначаются ниже, как обязательства серии В.

Обязательства под литерой С на сумму в 82 миллиарда марок золотом (4.100.000.000 фунтов), подлежащие тем последующим урегулированиям посредством ли действительного выпуска или аннулирования обязательств, как может оказаться необходимым согласно параграфу 1. Эти обязательства должны быть выпущены и переданы Репарационной комиссии, но без купонов, не позже 1 ноября 1921 года; с своей стороны комиссия выпустит их тогда, когда она признает, что платежи, производимые Германией во исполнение сего соглашения, достаточны для того, чтобы можно было приступить к выплате процента и погашения по этим последним обязательствам. Германия должна производить ежегодный платеж в той форме, как предписано в этом соглашении, каждый год, начиная с момента выпуска настоящих обязательств Репарационной комиссией, в сумме, равной 6% номинальной стоимости выпущенных обязательств, из коих 5% представляют ежегодный интерес с полугодичным платежом по обязательствам, имеющимся налицо в каждый данный момент, а остаток идет на образование погасительного фонда для выкупа обязательств ежегодными тиражами по номинальной стоимости. Германское правительство должно доставить комиссии купоны к этим обязательствам к сроку их выпуска комиссией. Эти обязательства обозначаются ниже, как обязательства серии С.

3. Все обязательства, предусмотренные выше в статье 2, будут обозначены, как обязательства германского правительства на предъяви-

теля и будут иметь ту форму и наименование, какие Репарационная комиссия найдет соответствующими в целях обеспечить возможность их продажи; они должны оставаться свободными от германских налогов и пошлин какого бы то ни было рода, существующих в настоящее время или могущих возникнуть в будущем.

В силу предписаний статей 248 и 251 Версальского договора, эти обязательства должны обеспечиваться всей совокупностью имущества и доходов Германской империи и составляющих ее государств, и в особенности имуществами и доходами, специально указанными в статье 7 этого соглашения. Суммы, необходимые на оплату процента и погашения серий А, В и С, считаются соответственно первой, второй и третьей закладной на все указанное имущество и доходы и должны покрываться платежами, которые будет делать Германия согласно этого реестра.

4. Германия должна платить ежегодно вплоть до выкупа обязательств, предусмотренных в статье 2, посредством погашения:

- 1) Сумму в два миллиарда марок золотом (100.000.000 фунтов).
- 2) а) Сумму, равную 25% стоимости ее экспорта в каждый период в 12 месяцев, начиная с 1 мая 1921 года, как определено комиссией, или
б) взамен этого такую же сумму, установленную на какой-либо иной основе, предложенной Германией и одобренной комиссией.
- 3) Другую сумму, равную 1% стоимости ее экспорта, как определено выше, или взамен ее такую же сумму, определенную на основе, предусмотренной в предшествующем пункте (б).

При этом каждый раз предусматривается, что когда Германия выполнит все ее обязательства по сему реестру, кроме обязательств в отношении к облигациям (bonds), срок коим еще не наступил, то сумма, подлежащая уплате каждый год в силу настоящего параграфа, должна сокращаться до цифры, необходимой для покрытия интереса и погашения в данном году с обязательств, еще не погашенных в это время.

В силу предписаний статьи 5, платежи, которые должны быть сделаны согласно параграфу 1 выше, должны производиться по четвертям года перед истечением каждой четверти, т.-е. перед 15 числом января, апреля, июля и октября каждого года, а платежи, которые должны быть делаемы согласно параграфам 2 и 3, должны производиться по четвертям года, 15 ноября, 15 февраля, 15 мая и 15 августа, и должны быть вычисляемы на основе экспорта предпоследней четверти, при чем первый платеж должен быть внесен 15 ноября 1921 года.

5. В течение 25 дней со дня получения сего реестра Германия уплатит один миллиард золотых марок (50.000.000 фунтов) в золоте или в солидных иностранных векселях или в трехмесячных векселях на германское казначейство, снабженных на обороте надписью солидных

германских банков, оплачиваемых в Лондоне, Париже, Нью-Йорке или любом другом месте, указанном Репарационной комиссией. Эти платежи считаются за первые два четвертные взноса, предусмотренные согласно статье 4 (1).

6. В течение 25 дней со дня сообщения сего реестра Репарационная комиссия согласно § 12 (d) в исправленном виде, приложения II договора, учредит специальную подкомиссию под названием Комитет гарантий. В Комитет гарантий войдут представители союзных держав, ныне представленных в Репарационной комиссии, включая представителя Соединенных Штатов, если их правительство пожелает его назначить.

Комитет должен кооптировать не более трех представителей поданных других держав, коль скоро комиссия признает, что доля обязательств (bonds), выпущенных в силу сего соглашения, поступила в обладание поданных этих держав в достаточном размере, чтобы оправдать их представительство в Комитете гарантий.

7. На Комитет гарантий возлагается обязанность обеспечить исполнение статей 241 и 248 Версальского договора.

Он должен наблюдать за выплатой процента и погашения по облигациям (bonds), предусмотренной в статье 2 из фондов, назначенных служить обеспечением платежей Германии в силу параграфа 4. Фонды, предназначенные для сего, суть:

а) Поступления всех морских и сухопутных таможенных пошлин Германии, в особенности же поступления всех ввозных и вывозных пошлин.

б) Поступления, происходящие от 25-процентного сбора со стоимости всего германского экспорта, исключая те виды экспорта, к которым применяется не менее как 25-процентный сбор в силу законодательства, означенного в статье 9.

в) Поступления тех прямых или косвенных налогов, или любые иные фонды, которые могут быть предложены германским правительством и одобрены Комитетом гарантий в дополнение или в замену фондов, указанных выше в пункте (а) или пункте (б).

Вышепоименованные фонды должны вноситься в счет, открытый на имя Комитета гарантий и находящийся в его заведывании, в золоте или иностранной валюте, и одобренной Комитетом. Эквивалент 25-процентного сбора, означенного в пункте (б), будет выплачиваться экспортеру в германской валюте германским правительством.

Германское правительство должно осведомлять Комитет гарантий о всех предполагаемых мероприятиях, которые могут быть направлены на сокращение какого-либо из предназначенных для платежей фонда; если Комитет потребует, оно должно заменить такой фонд каким-либо иным, одобренным Комитетом.

На Комитет гарантий возлагается дополнительная обязанность производить от лица Репарационной комиссии исследование, пред-

усмотренное в параграфе 12 (b) приложения 2 к части VIII Версальского договора, а также производить от лица названной комиссии проверку и, если нужно, исправление цифровых данных, по заявлению германского правительства, выражающих оценку германского экспорта, в целях исчисления сумм, подлежащих уплате каждый год в силу статьи 4 (2), равно как размера фондов, согласно этой статье предназначенных для выпуска обязательств (bonds). Комитет получает право принимать те меры, какие сочтет нужными для надлежащего выполнения этой обязанности.

Комитет гарантий не имеет права вмешиваться в действия германской администрации.

8. По предъявлении требования, которое должно быть предварительно одобрено Репарационной комиссией, Германия должна доставить те материалы или тот вид труда, какие любая из союзных держав признает нужными для восстановления опустошенных областей этой державы, или которые дадут любой союзной державе возможность приступить к восстановлению или развитию ее промышленной или экономической жизни. Ценность этих материалов и труда должна быть установлена двумя оценщиками, одним по назначению Германии и одним по назначению заинтересованной державы; в случае же невозможности достигнуть соглашения между ними—посредником, которого назначит Репарационная комиссия. Настоящее предписание, касающееся оценки, не применяется к поставкам, производимым в силу приложения III, IV, V и VI к части VIII договора.

9. Германия должна принять всякие необходимые меры законодательной или административной деятельности, направленные на облегчение выполнения Акта о германских репарациях (German Reparation Act) 1921 года, находящегося в силе в Соединенном Королевстве, а также всякого аналогичного законодательного акта любой союзной державы, пока подобный акт остается в силе. Платежи, проистекающие от выполнения такого законодательства, должны зачитываться в кредит Германии в счет платежа, следуемого с нее в силу статьи 4 (2). Эквивалент в германской валюте должен выплачиваться германским правительством экспортеру.

10. Оплата всех оказанных услуг, поставок натурой и всех полученных в силу статьи 9 должна быть направляема соответствующей союзной державой в Репарационную комиссию в наличных деньгах или текущих купонах в месячный срок, и должна зачитываться в кредит Германии в счет платежей, следуемых с нее в силу статьи 4.

11. Сумма, подлежащая уплате в силу статьи 4 (3) и остаточные получения комиссии в силу статьи 4 (1) и (2) ежегодно, которые не требуются для оплаты прироста и погашения обязательств (bonds), находящихся в обращении в этом году, должны быть накапливаемы Репарационной комиссией и в пределах возможности обращаемы ею в сроки,

16 03 53 470
212-1110133

какие она признает удобными, на уплату простых процентов в размере не свыше $2\frac{1}{2}$ в год с 1 мая 1921 года по 1 мая 1926 года, а позже этого срока в размере не свыше 5, каковые проценты уплачиваются с остаточной суммы долга, не покрытой обязательствами (bonds), выпущенными в то время. Никаких процентов с этой суммы не должно быть взимаемо иным образом.

12. Настоящий реестр не должен изменять те предписания, обеспечивающие выполнение Версальского договора, которые применимы к условиям настоящего реестра.

VIII. Висбаденское соглашение 6 октября 1921 года.

Это соглашение, подписанное Лusherом и Ратенау в Висбадене 6 октября 1921 года, представляет длинный и сложный документ, состоящий из протокола, меморандума и приложения. Имеющие значение статьи находятся, главным образом, в приложении. Полный текст был опубликован в британской Белой книге (приказ парлам. № 1547). Эта Белая книга также содержит 1) объяснительный меморандум, 2) постановление Репарационной комиссии, 3) доклад сэра Джона Брандбери британскому казначейству.

Привожу извлечения из этих трех документов.

1. *Объяснительный меморандум.*

Чтобы понять меры, предложенные висбаденским соглашением, необходимо припомнить некоторые предписания Версальского договора, применения которых касается это соглашение.

В главе о репарациях, в части VIII и в некоторых приложениях к этой части договор предусматривает частичную ликвидацию репарационного долга Германии посредством поставок натурой. В этом смысле имеют значение параграф 19 приложения II и приложение IV, которые в совокупности содержат многообъемлющие предписания насчет передачи державам Союза и Согласия чрез посредство Репарационной комиссии машин, оборудования, инструментов, строительных материалов и вообще всяких материалов и труда, необходимых для того, чтобы дать возможность любой державе Союза приступить к восстановлению и развитию ее промышленной и экономической жизни.

Так как обязательства Германии определены в золоте, а не в товарных ценностях, то во всех случаях было необходимо принять меры, в целях от времени до времени зачитывать в кредит Германии подлинную ценность этих поставок, устанавливаемую Репарационной комиссией. Сверх того, так как получения соответствующих держав в

натуре не должны находиться непременно в точной пропорции с теми долями, которые причитаются им из репарационных платежей Германии в силу взаимного соглашения союзников, то в договоре по необходимости должны были быть сделаны предписания касательно ведения отчетности каждой державы в подобных поставках не только перед Германией, но и перед Репарационной комиссией. Итак с одной стороны, договор устанавливает в качестве условия между союзниками и Германией, что ценность поставок, производимых согласно вышеупомянутым приложениям, должна зачитываться в кредит Германии в счет ликвидации совокупности ее обязательств, а реестр платежей предназначает стоимость этих поставок для выпуска облигаций (bonds), передаваемых Германией в обеспечение ее долга. С другой стороны, договор предусматривает, что в целях справедливого распределения между союзниками вышеупомянутые поставки должны распениваться тем же способом, как и денежные уплаты каждого года, а реестр платежей ставит условием, чтобы стоимость поставок, полученных каждой державой в течение месяца, истекшего со дня получения, выплачивалась Репарационной комиссии либо деньгами, либо текущим купонами.

Далее договор возлагает на Репарационную комиссию обязанность не только фиксировать цены, но также определять способность Германии доставлять товары, требуемые какою-либо державой, а следовательно и разбирать случаи конкурирующих требований, предъявляемых союзниками.

Висбаденское соглашение предусматривает доставку германской компанией ¹⁾ французским «sinistrés» (пострадавшим от опустошений) «всякого инвентаря и материалов в пределах производительных сил Германии, ее запасов сырья и предметов домашнего обихода», другими словами, тех статей и материалов, которые можно требовать в силу приложения IV и параграфа 19 приложения II, постановления коих в части, касающейся Франции, сами собой упраздняются висбаденским соглашением, тогда как обязательства Германии делать поставки Франции, налагаемые на нее другими приложениями договора, остаются незатронутыми.

Все вопросы о том, в состоянии ли Германия удовлетворить требования Франции, а также все вопросы касательно цен, должны решаться комиссией из трех лиц—одного француза, одного немца и

¹⁾ Создание германской частной компании, которая принимала бы заказы непосредственно, без вмешательства французского или германского правительства, имеет целью избежать проволочек, которые, как показал опыт, неизбежно связаны с нынешним сложным аппаратом. Учреждение этой компании, повидимому, не должно оказать значительного влияния на общее финансовое положение, так как поставки очевидно будут финансироваться германским правительством и в конечном счете оплачиваться посредством репарационного кредита, зачитываемого на счет германского правительства.

третьего, либо приглашенного по взаимному соглашению, либо названного президентом Швейцарского союза.

Общая ценность поставок, которые должны быть сделаны в силу соглашения, и поставок, которые должны быть сделаны в силу приложений III, V и VI к договору (сокращенно обозначаемых ниже как «поставки приложений») в течение периода, истекающего 1 мая 1926 года, фиксируется максимально в 7 миллиардов марок золотом.

В отношении «поставок приложений» Висбаденское соглашение отнюдь не видоизменяет постановлений договора, в силу которых их ценность заносится в кредит Германии и в дебет Франции; соглашение вводит специальные предписания, которые представляют в отношении финансов существенную его часть с целью отнесения в счет репараций ценности поставок по соглашению. Эти специальные предписания направлены на то, чтобы в момент поставок только известная пропорция этих поставок зачитывалась в репарационный кредит Германии, та же часть их, которая в кредит не зачитывается и которая может быть названа «сверх-поставкой» (excess delivery), подлежала бы ликвидации в течение периода лет, начинающегося не ранее 1 мая 1926 года. Сами эти предписания несколько сложны и запутаны, содержат целый ряд ограничений и потому нуждаются в известном разъяснении.

1) Ни в коем случае ни в каком году Германия не должна получить кредит за поставки в силу приложений и соглашения сразу на сумму, превышающую один миллиард марок золотом.

2) Ни в коем случае ни в каком году Германия не должна получить кредит более, чем за 45% стоимости поставок по соглашению или более, чем за 35%, если эта стоимость превышает один миллиард марок золотом.

В результате последнего пункта 55 процентов (или 65 процентов) стоимости поставок по соглашению в качестве минимума оказываются подлежащими отсроченной оплате посредством отдельных взносов. Если бы поставки по соглашению достигли действительно высоких цифр, то ограничение кредита суммой в один миллиард повысило бы этот минимум до гораздо более высокой цифры, чем 65%.

Сверх-поставки (excess deliveries) подлежат ликвидации с приростом в 5% годовых посредством 10 равных годовых взносов, начиная с 1 мая 1926 года, с соблюдением некоторых условий:

1) Ни в каком случае в дебет Франции в одном году за поставки по соглашению не должна записываться сумма, которая, будучи сложена со стоимостью «поставок приложений» в этом же году, сделала бы итог ее полученных превышающим ее законную долю (52%) в репарационных платежах, внесенных Германией в этом году.

2) Поставки по соглашению продолжают после 1 мая 1926 года с теми же предписаниями касательно отсроченного

платежа. Если в каком-либо году в периоде между маем 1926 года и маем 1936 года сумма (не превосходящая 35 или 45 процентов стоимости поставок по соглашению этого года, подлежащей зачету в кредит Германии, в сложении с годовым взносом в оплату долга, набравшего за период, истекающий 1 мая 1926 года, превышает один миллиард, то превышение должно откладываться с одного года на другой, пока не наступит год, в котором платеж окажется не превышающим нормы. Однако сумма, зачтенная в кредит, даже если она не достигает одного миллиарда марок золотом, ни в каком случае не должна превосходить границу, установленную предшествующим условием.

3) Весь остаток, не зачтенный в кредит Германии 1 мая 1936 года, должен быть зачтен в ее кредит с приростом по сложным процентам, в размере 5%, вносимым четырьмя полугодовыми платежами, 30 июня и 31 декабря 1936 года и 30 июня и 31 декабря 1937 года. Но опять же эти годовые платежи не должны быть взыскиваемы, если бы в результате такового взыскания была превзойдена граница, установленная выше в условии 1.

4) Поставки по соглашению продолжают продолжаться неопределенно и после 1 мая 1936 года, при чем однако Германии дается право прекратить их, коль скоро в результате их выполнения Франция оказалась бы получившей по поставкам приложений более 52 процентов ежегодного репарационного платежа (при условии, что уже наступил бы срок отсроченных платежей) и 35 или 45 процентов текущих поставок.

Из всего сказанного выше следует отметить, что между тем как для первых пяти лет устанавливается ограничение той суммы поставок по соглашению, которая может быть истребована, в то же время—

1) Не устанавливается никакого пункта, по достижении которого автоматически прекращалось бы право Франции требовать эти специальные поставки.

2) Не устанавливается никакого предельного ограничения стоимости поставок, которых Франция может требовать в течение сохранения в силе соглашения.

3) Не существует точно определенного периода, в течение которого Франция должна была бы ликвидировать свой долг Германии и другим партнерам по репарациям.

Необходимо еще обратить внимание на один вспомогательный пункт финансового характера в реестре платежей. Часть ежегодных репарационных обязательств Германии выражается в уплате 26% стоимости германского экспорта в каждый двенадцатимесячный период, а часть обеспечения платежа состоит из поступлений 25-процентного сбора с ценности всего германского экспорта. Французское правитель-

ство взялось поддержать ходатайство, которое должно быть представлено Репарационной комиссией правительством Германии, чтобы в категорию экспорта, служащую основанием для вышеуказанных вычислений, была бы включена только та часть стоимости поставок по соглашению, которая зачитывается в кредит Германии и в дебет Франции в течение каждого отдельного года.

Если можно допустить, чтобы какая-либо часть специальных поставок, производимых в силу соглашения, была за отсутствием соглашения отвлечена от обычной внешней торговли Германии, то в результате ходатайствуемой льготы получилось бы сокращение ежегодных платежей, вносимых Германией всем союзникам в совокупности.

*2. Постановление Репарационной комиссии 20 октября 1921 года
после рассмотрения франко-германского соглашения
6 октября 1921 года.*

После того как французское правительство представило Репарационной комиссии в соответствии с параграфом 3 приложенного к сему меморандума соглашение, заключенное представителями французского и германского правительств и подписанное 6 числа сего месяца, комиссия пришла к следующему решению:

1) Комиссия всемерно одобряет общие принципы, положенные в основу соглашения, которое предлагает специальные меры с целью дать Германии возможность ликвидировать наибольшую часть ее репарационных обязательств в форме доставки товаров и оказания услуг, особенно же ввиду более быстрого восстановления опустошенных областей.

2) В то же время комиссия констатирует, что соглашение влечет за собою некоторые отклонения от постановлений части VIII Версальского договора, в особенности же статьи 237, параграфов 12 и 19 приложения II и параграфа 5 приложения IV.

3) Так как комиссии не присвоено право утвердить таковые отклонения, то она постановляет передать вопрос на рассмотрение правительств, имеющих своих представителей в комиссии, препровождая одновременно копию меморандума с приложением к нему, при чем с своей стороны предлагает благоприятно отнестись к их рассмотрению.

4) Комиссия высказывается за то, что Франции должно было бы предоставить рациональные льготы по подлежащим отсрочке платежам в отношении исключительного объема, который в случае успешности предполагаемых мероприятий могут принять делаемые ей натуральные поставки в течение немногих ближайших лет, при чем однако должны быть приняты меры по усмотрению союзных правительств, необходимые для обеспечения их собственных соответствующих интересов.

3. *Заключительные рекомендательные предложения, представленные в докладе сэра Джона Брадбери британскому правительству 26 октября 1921 года.*

Защитительные меры, которые мои коллеги, представители Италии и Бельгии в Ремонтной комиссии, а также я лично признаем необходимыми, и которые, как мы предполагаем, наши правительства пожелают ввести, состоят в следующем:

1) Должен быть установлен предельный срок, по истечении которого никакая новая отсрочка дебета не может быть разрешаема, и в то же время должна быть начата ликвидация существующих отсроченных дебетов регулярными годовыми взносами.

Точная продолжительность этого периода должна быть установлена посредством определения времени, какое потребуется для выполнения главных работ восстановления, при чем должно сообразоваться со сроком, в какой Германия сможет произвести необходимые поставки. Ввиду промедлений, которые окажутся неизбежными при производстве операций столь огромного размера, обязательный период может быть рационально сделан более долгим, нежели первоначальный период в четыре с половиной года, предусмотренный соглашением, однако он не должен превышать семи лет.

2) Ни при каких обстоятельствах общая сумма, на которую дебет против Франции в данный момент отсрочивается, не должна превышать известную установленную цифру, например 4 миллиарда марок золотом.

3) Дополнительно должно быть предписано, чтобы Франция от времени до времени производила в общий счет репараций платежи (в пределах отсроченных дебетов, коим в данное время срок для ликвидации еще не наступил) каких-либо сумм, которые могут оказаться необходимыми для обеспечения того, что и прочие союзники получают следуемые им доли из общей суммы, причитающейся с Германии в силу реестра платежей.

При условии принятия этих гарантий, для которых никакого законного изъятия не могло быть допущено, можно ожидать, что меры, предусматриваемые соглашением, ускорят практическое разрешение ремонтной проблемы на основаниях, выгодных для Франции, без ущерба для интересов прочих держав; на этом основании Ремонтная комиссия единодушно рекомендует их благосклонному вниманию союзных правительств.

Если союзные правительства одобряют общую схему с введением в нее каких бы то ни было защитительных мер, которые они могут признать необходимыми, Ремонтной комиссии остается рассмотреть некоторые вспомогательные пункты, между прочим следующие:

1) Предполагаемое исключение сверх-поставок (excess deliveries) из той принятой за основную цифры, которою определяется ежегодное обязательство в силу реестра платежей, до того времени, когда эти поставки окончательно вносятся в счет для целей репараций.

2) Специальные меры для замены тех категорий предметов, которые Франция имеет право получить обратно путем их опознания, что в известных случаях влечет за собою денежные платежи.

3) Специальные меры, касающиеся поставки угля и цен, подлежащих зачислению в кредит и в дебет, что в некоторых частных случаях затрагивает интересы прочих держав.

IX. Таблица взаимной задолженности правительств.

(А) Суммы, авансированные правительством Соединенных Штатов прочим правительствам (к июлю 1921 г.)
в долларах.

	Кредиты, отпущенные в силу Liberty Loan Acts ¹⁾	Продажа излишних военных материалов.	Помощь продовольствием.	Зерновая корпорация.	Проценты ²⁾ , наросшие и неуплаченные к июлю 1921 г.	Общий итог ²⁾ обязательств.
Армении	—	—	8,028,412,15	3,931,505,34	—	11,959,917,49
Австрии	—	—	—	24,055,708,92	—	24,055,708,92
Бельгии	347,691,566,23	27,588,581,14	—	—	34,000,000	409,280,147,37
Кубе	9,025,500,00	—	—	—	—	9,025,500,00
Чехо-Словакии	61,256,206,74	20,621,994,54	6,428,089,19	2,873,238,25	6,000,000	97,179,528,72
Эстонии	—	12,213,377,88	1,785,767,72	—	—	13,999,145,60
Финляндии	—	—	8,281,926,17	—	—	8,281,926,17
Франции	2,950,762,938,19	400,000,000,00	—	—	284,000,000	3,634,762,938,19
Великобритании	4,166,318,358,44	—	—	—	407,000,000	4,573,318,358,44
Греции	15,000,000,00	—	—	—	—	15,000,000,00
Венгрии	—	—	—	1,685,835,61	—	1,685,835,61
Италии	1,648,034,050,90	—	—	—	161,000,000	1,809,034,050,90
Латвии	—	2,521,869,32	2,610,417,82	—	—	5,132,287,14
Либерии	26,000,00	—	—	—	—	26,000,00
Литве	—	4,159,491,96	822,136,07	—	—	4,981,628,03
Польше	—	59,636,320,25	51,671,749,36	24,353,590,97	—	135,661,660,58
Румынии	23,205,819,52	12,922,675,42	—	—	2,500,000	38,628,494,94
России	187,729,750,00	406,082,30	4,465,465,07	—	19,000,000	211,601,297,37
Сербии	26,175,139,22	24,978,020,99	—	—	3,500,000	54,653,160,21
Итого	9,435,225,329,24	565,048,413,80	84,093,963,55	56,899,879,09	943,500,000	11,084,767,585,68

¹⁾ Здесь показана цифра *нетто* с принятием во внимание возвращенных сумм до июля 1921 г., из коих главными статьями являются 78,000,000 долларов, уплаченные Францией, и 111,000,000 долларов, уплаченные Великобританией.

²⁾ Итоги, подведенные под этими двумя столбцами, включают в себе разные смешанные статьи прироста, не вошедшие в отдельные цифры, находящиеся в самих столбцах. К февралю 1922 года прирост должен увеличиться на новую сумму около 250,000,000 долларов.

(B) Авансы, отпущенные британским правительством прочим правительствам к 31 марта 1921 года (в фунтах стерлингов)¹⁾.

Союзным правительствам:		
Франции	557.039.507	6 8
России	561.402.234	18 5
Италии	476.850.000	0 0
Бельгии	103.421.192	8 9
Сербии	22.247.376	12 5
Черногория	204.755	19 9
Румынии	21.393.662	2 8
Португалии	18.575.000	0 0
Греции	22.577.978	9 7
Бельгийскому Конго	3.550.300	0 0
		<hr/>
		1.787.262.007 18 3
Займы помощи:		
Австрии	8.605.134	9 9
Румынии	1.294.726	0 8
Юго-Славии	1.839.167	3 7
Польше	4.137.040	10 1
Чехо-Словакии	417.392	3 3
Эстонии	241.681	14 2
Литве	16.811	12 4
Латвии	20.169	1 10
Венгрии	79.997	15 10
Армении	77.613	17 2
Междусоюзнической Комиссии Дуная	6.868	17 6
		<hr/>
		16.736.603 6 2
Прочие займы:		
Чехо-Словакии	2.000.000	0 0
Армении	829.634	9 3
		<hr/>
		2.829.634 9 3
		<hr/>
		1.806.828.245 13 8

¹⁾ Цифры, приписанные справа с промежутками, означают шиллинги и пенса. В приведенные здесь цифры включен прирост, кроме цифр, относящихся к Бельгии и Сербии, которые не платили прироста, а также России, с которой проценты не поступали с января 1918 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие	3
ГЛАВА I. Общественное мнение	5
ГЛАВА II. От ратификации Версальского договора до Лондонского ультиматума	9
1) Выполнение договора и плебисциты	—
2) Конференции: в Сан-Ремо (19—26 апреля 1920 г.), в Хайсе (15 мая и 19 июня 1920 г.), в Булони (21—22 июня 1920 г.), в Брюсселе (2—3 июля 1920 г.) и в Спа (5—16 июля 1920 г.)	12
3) Брюссельская конференция (16—22 декабря 1920 г.)	14
4) Постановления, принятые в Париже (24—31 января 1921 г.)	16
5) Первая конференция в Лондоне (1—7 марта 1921 г.)	18
6) Вторая Лондонская конференция (29 апреля по 5 мая 1921 г.)	22
Экскурс I. Уголь	27
Экскурс II. Вопрос о правильности оккупации Германии к востоку от Рейна	34
ГЛАВА III. Платежное бремя Лондонского соглашения	37
Экскурс III. Висбаденское соглашение	55
Экскурс IV. Курс марки	59
ГЛАВА IV. Счет репараций	62
Экскурс V. Получения и выплаты до 1 мая 1921 г.	77
Экскурс VI. Распределение получений среди союзников	81
ГЛАВА V. Законность требования уплаты пенсий	84
ГЛАВА VI. Репарации, взаимная задолженность союзников и международная торговля	95
ГЛАВА VII. Пересмотр мирного договора и устройство Европы	104
I. Пересмотр мирного договора	107
II. Удовлетворение нужд союзников	109
III. Помощь новым государствам	110
Приложение документов.	
I. Соглашение в Спа, июль 1920 г.	118
Союзная нота Германии по вопросу о доставке угля	120
Приложение	121
II. Постановления, принятые в Париже 29 января 1921 г.	—
III. Счет претензий, предъявленных в Репарационную комиссию	123
IV. Первый лондонский ультиматум 3 марта 1921 г.	125
V. Германские контр-предложения, переданные правительству Соединен. Штатов 24 апреля 1921 г.	127
VI. Оценка германского долга Репарационной комиссией, объявленная 30 апреля 1921 г.	129
VII. Второй лондонский ультиматум 5 мая 1921 г.	130
Реестр платежей, содержащий предписания касательно сроков и способа исполнения и выполнения всей совокупности обязательств Германии по репарациям согласно статьям 231, 232 и 233 Версальского договора	131
VIII. Висбаденское соглашение 6 октября 1921 г.	136
IX. Таблицы междуправительственной задолженности	143

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

Главное управление. Москва, М. Никитская, 6.

Выпущены и поступили в продажу.

- История литературы, социология.
Бирюков. Биография Толстого т. III.
Блес. Германская революция.
Лили Браун. Женский вопрос.
Волков. Аграрно-экономическая статистика России.
Гурвич. Основы советской конституции.
Кейнс. Экономические последствия Версальского мирн. договора.
Коган. Очерки по истории древней литературы.
" Очерки по истории Зап.-Европ. литературы Т. I и II.
Лавров. Парижская Коммуна.
Лукин. Парижская Коммуна.
Покровский. Русская история с древнейш. времен Т. I, II, III.
Полонский. Бакунин.
Преображенский. Итоги Генуэзской конференции и хозяйст. перспективы.
Розанов. Очерки истории английской литературы XIX в. Т. I.
Сакулин. Русская литература и социализм.
Ушаков. Краткое введение в науку о языке.
Шляпников. Канун 17 года. Ч. I и II.
Штейн. Генуэзская конференция.
Преображенский. Итоги Генуэзской конференции.
Эйдус. Очерки рабочего движения в странах Востока.
Ж. Жорес. История Великой Франц. революции (Кауман Конт).
Виппер. Древняя Европа и Восток.
Гливенно. Чтение по истории всеобщей литературы.
Руководство для изучения итальянск. языка.
Кейнс. Пересмотр Версальского мирного договора.
Крицман. Новая экономическая политика.
Манциус. Мольер, театр, публика.
Сергеев. Европейский кризис на заре XX века.
Сергеев. История Древнего Рима.
Сеньобос. Политическая история современ. Европы Т. I и II.
Фрейд. Лекция по введению в психоанализ Т. I и II.